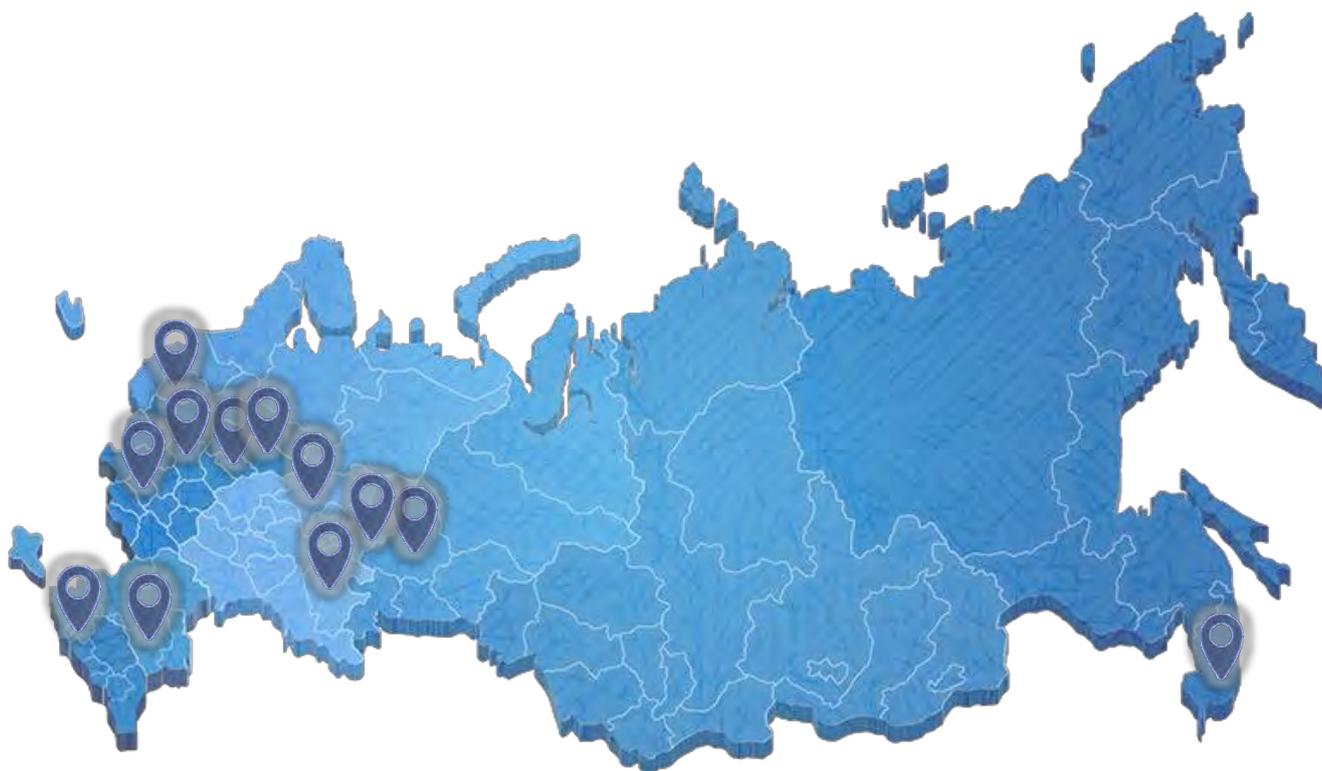

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

МАТЕРИАЛЫ ВЕБИНАРА «СЕМЕЙНО-ДЕТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

МОСКВА-2018

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

МАТЕРИАЛЫ ВЕБИНАРА

«СЕМЕЙНО-ДЕТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

29 ноября 2018 г.

Электронное издание сетевого распространения

МОСКВА – 2018

УДК 316.4
ББК 60.56
С30

10.29003/m224.978-5-317-06002-2

Главный редактор:

А.И. Антонов – д.филос.н., профессор

Редакционная коллегия:

В.М. Карнова, С.В. Ляликова, Е.Н. Новоселова

С30 **Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении:** Материалы вебинара: 29 ноября 2018 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет /под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 189 с. – 2,85 Мб. (Электронное издание сетевого распространения)
ISBN 978-5-317-06002-2

Сборник включает в себя работы участников вебинара «Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении», онлайн площадки которого осуществили свою работу в четырех городах России (Москве, Екатеринбурге, Перми и Владивостоке). В рамках мероприятия сквозь призму эмпирических исследований обсуждались современные социально-демографические проблемы. Тексты публикуются в авторской редакции, мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов. Предназначено аудитории, интересующейся проблемами семейно-детного образа жизни и особенностями семейно-демографической политики.

Ключевые слова: семейно-детный образ жизни, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, семейно-демографическая политика.

УДК 316.4

ББК 60.56

Family-children lifestyle in the sociological dimension: Webinar: 2018, November, 29: Materials / under general editorship of Antonov A.I. – M.: MAKS Press, 2018. – 189 p. – 2,85 Mb.

The book includes theses and articles of the webinar “Family-children lifestyle in the sociological dimension” participants, which online platforms were organized in four Russian cities (Moscow, Yekaterinburg, Perm and Vladivostok). Within the framework of the event modern sociodemographic problems were discussed through the prism of empirical research. Texts are published in the author's edition, the opinion of the Organizing Committee may not correspond with authors' position. The publication is meant for all who are interested in the problems of family-child life and the features of family-demographic policy.

Keywords: family-children lifestyle, fertility, mortality, nuptiality, divorce rate, family-demographic policy.

Электронное издание сетевого распространения

Издание доступно на электронном ресурсе E-library

ISBN 978-5-317-06002-2

© МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018

© Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018

© Авторы статей, 2018

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЕБИНАРА

«СЕМЕЙНО-ДЕТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

В рамках вебинара¹ обсуждались методологические проблемы социологического измерения репродуктивных ориентаций и установок населения, анализировались семейные ориентации супругов, а также место семьи и детей в системе жизненных ценностей современного российского общества (по данным эмпирических исследований). Кроме того, предметом дискуссии стали проблемы брака, развода, сожительства, неполных семей и одиночества. С эмпирической точки зрения данные представленные вопросы рассматривались в контексте противоборствующих влияний фамилизма и индивидуализма на социальный институт семьи в целом и на семейно-детный образ жизни в особенности. С теоретических позиций этому соответствует противостояние кризисной и модернизационной парадигм по вопросу о негативной или позитивной оценке процессов трансформации социального института семьи, а также о возможности изменения этих тенденций под влиянием мер семейно-демографической политики. В практическом аспекте был освящен вопрос об использовании данных эмпирических исследований семейно-детного образа жизни с целью обоснования предложений по совершенствованию этих мер.

На страницах сборника Вы найдете работы заслуженных деятелей науки и образования, а также начинающих ученых, представивших свои первые исследовательские проекты, посвященные социологическому изучению семейно-детного образа жизни.

¹ Вебинар проведен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037.

Содержание

Антонов А.И. - Особенности репродуктивного поведения мало-детных и нетипичных семей (по итогам социолого-демографических исследований)	7
Безрукова О.Н. - Как повысить рождаемость и поддерживать молодую семью в условиях экономического кризиса?	14
Волосков И.В. - Установки на семью и детей в общественном мнении молодежи	19
Воронова К.А. - Преодоление бедности современной российской семьей посредством социально-контрактных отношений	22
Ворошилова А.И. - Оценка уровня заинтересованности в родительском труде во взаимосвязи с возрастом респондентов (результаты исследований в Уральском регионе)	27
Григорьева Е.А. - Любовь как основной мотив для вступления в брак (по результатам эмпирического исследования)	32
Грудина Т.Н. - Детность семьи как основной показатель семейного образа жизни	37
Докукина И.А. - Коррекция агрессивного поведения трудных подростков методом ипотерапии	42
Жаворонков А.В., Королёв А.Л. - Соответствие степеней тревожности респондентов по результатам тестирования тестом М.Люшера и ранжирования наименований цветового ряда	47
Злотникова Л.М. - Социальный статус семьи – эмпирическая система индикаторов эффективности экономической политики	54
Зырянова А.Н. - Легитимность политических решений в области однополых отношений в России	60
Карасева А.С. - Анализ факторов детерминации позднего деторождения у женщин фертильного возраста и их влияния на демографическую ситуацию в регионе (на материалах Республики Мордовия)	68

Карпова В.М. - Межпоколенная трансляция ценностных ориентаций в нуклеарных семьях	74
Карцева Л.В. - Семейный образ жизни в представлениях жителей Татарстана (по итогам социологического исследования)	79
Кравченко А.И. - Родительская делинквентность: разработка понятийного аппарата	82
Лебедь О.Л. - Семейно-детский образ жизни: благодаря или вопреки? Социологический взгляд	90
Лядова А.В. - Трансформация института семьи в современном обществе в аспекте коммодификации репродуктивного здоровья	98
Ляликова С.В. - Влияние средств массовой информации на воспитание человека: результаты социологических исследований	102
Мещанинова Е.Ю. - Родительский инфантилизм: детство длиною в десятилетия	107
Новоселова Е.Н. - Сохранение и укрепление репродуктивного здоровья женщин фертильного возраста как необходимая основа семейно-детного образа жизни	114
Перлова И.В. - Дискредитация образа родителей в современных мультфильмах (на примере мультфильма студии The Walt Disney Company «Рапунцель: запутанная история», 2010 г.)	119
Погадаева Г.Д. - Опыт Пермского края в реализации социальной политики в сфере семьи	124
Пятаков А.Н. - Тенденции матримониального и репродуктивного поведения в Латинской Америке в XXI веке.	130
Сазонова А.Л. - Любовь в жизни молодых россиян: гендерный аспект	134
Свадьбина Т.В., Немова О.А. - Роль отцов в профориентации детей	141
Синельников А.Б. - Семья как ценность и семейное положение как реальность	145

Сосновская Н.А. - Восприятие ценности детей в разных социально-демографических группах населения	153
Сущенко О.А. - Кризис брачно-семейной сферы как результат инфантилизации молодежи	157
Филина В.Н. - Трансформация института семьи в современном российском обществе	161
Филипова А.Г., Костина Е.Ю. - Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в российской практике: проблемы и перспективы	164
Цинченко Г.М. - Влияние кризисных явлений института семьи на социализацию и воспитание	169
Черешова С.В. - Формирование идентичности субъекта родительского труда в современном российском обществе	172
Шмарова И.В. - Категориальный аппарат родительского труда: обоснование дальнейшего совершенствования	179
Южакова Э.В., Багирова А.П. - Семья как институт формирования гражданской активности: попытка теоретического осмысления проблемы	185

Особенности репродуктивного поведения малодетных и нетипичных семей (по итогам социолого-демографических исследований)

Антонов Анатолий Иванович

МГУ имени М.В.Ломоносова

E-mail: antonov_ai_@mail.ru

На ранних этапах становления фамилистической школы при изучении рождаемости отдавалось предпочтение количественным исследованиям дифференциальной рождаемости, анализу обратной связи между детностью и социальным статусом, доходом, образованием и т.д. Данные о низкой степени реализации социально-биологического потенциала рождаемости (примерно на 30%) пробудили интерес к мотивам деторождения, к репродуктивному поведению личности и семьи. С конца 60-х годов стали проводиться опросы населения о предпочитаемых числах детей в семье. Оказалось, что показатели ожидаемого, желаемого и идеального числа детей снижаются и кривые этих изменений отражаются в конфигурации линий суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Так в России ожидаемое в своей семье число детей снизилось с 2.21 в 1969 г. до 2.04 в 1985г. Реализация этих намерений привела к снижению СКР с 1.97 в 1969 г. до 1.94 в 1978 и 1.88 в 1980.[1] Увеличение детских пособий в 1981г. способствовало более полной реализации установок на двоих детей, в связи с чем (наряду с изменением демографической структуры и тайминга, сроков рождений) СКР повысился до 2.1 в 1989. Под влиянием радикальных преобразований в политике и в экономическом положении в 90-е годы репродуктивные ориентации и СКР стали ускоренно снижаться: идеальное число варьировало в пределах 2.10-2.28, ожидаемое число от 1.08 до 1.39, а коэффициенты СКР упали до 1.17 в 1999г. Последствия дефолта 1998 года сказывались на протяжении 2000-2006гг. в колебаниях СКР на уровне 1.22-1.34. [2] Переход в 2007 г. к политике стимулирования рождения нескольких детей в семье (введение «материнского капитала» и увеличение ежемесячных пособий на детей) при одновременном повышении брачности в связи с увеличением численности рожденных в 1982-1989гг.- повлиял на рост СКР до 1.80 в 2015 г. Совместное действие структурных и поведенческих факторов привело к этому результату и к последующему снижению СКР до 1.6 в 2018г., которое скорее всего продолжится при сокращении численности репродуктивных контингентов, и при снижении установок детности из-за постоянного межпоколенного ослабления потребности в нескольких детях.

За прошедшие 50 лет в РФ проведено около 1000 выборочных исследований установок на число детей во всех регионах страны. [3]

Выяснено, что по мере массового распространения малодетности и семей с одним ребенком (таковых сейчас среди семей с детьми примерно 67%) уменьшается и почти исчезает социальная дифференциация рождаемости по образованию, социальному статусу, месту жительства, доходу и т.д. Особенно заметна эта тенденция по индексам желаемого (при всех необходимых условиях) и ожидаемого числа детей. В исследовании Росстата в 30 субъектах РФ желаемое число у женщин и мужчин с минимальным доходом было соответственно 2.42 и 2.51, с самым высоким доходом - 2.22 и 2.17; ожидаемое число 1.81 и 2.01 - с минимальным и 1.74 и 1.87 - с высоким доходом. [4] Подобное нивелирование различий в ориентациях на число детей по социальным признакам обнаружено также в исследованиях кафедры социологии семьи и демографии в 1970-2015-е годы. [5-10] Среди благополучных респондентов идеальное, желаемое и ожидаемое число было 2.16 - 2.38 - 1.94, а у малообеспеченных 2.33 - 2.48 - 1.93. При преобладании семей с одним ребенком из-за массовости социальных норм малодетности нивелируется дифференциация желаемого числа также по образованию и вероисповеданию. Однако заметнее стала взаимозависимость фактического и предпочитаемого числа детей.

В опросе 2000 года 1431 респондентов из 29 регионов, идеальное число у имеющих одного, двух, трех, четырех и более детей было 2.06 - 2.42 - 2.66 - 3.00, желаемое число 2.16 - 2.55 - 2.96 - 4.07, ожидаемое число 1.49 - 2.04 - 2.96 - 4.37. Эти цифры свидетельствуют о росте ориентаций при повышении имеющегося числа детей, и о снижении фактического числа детей при уменьшении установок к числу детей. Интересно, что разрыв между желаемым при необходимых условиях числом детей и ожидаемым в наличных условиях больше всего у однодетных 0.67, затем у двухдетных 0.51, и менее всего с тремя и более детьми - 0.15. Чем меньше этот разрыв, тем меньшее значение придаётся условиям жизни как «помехам» к рождению, тем сильнее потребность в детях. Эти цифры показывают, что рождение второго ребенка у однодетных респондентов менее вероятно, чем третьего у двухдетных. А имеющие уже трех и более детей обладают наиболее интенсивной потребностью в детях и стремятся к полной реализации своей потребности независимо от каких-либо условий жизни. Вместе с тем, трудность измерения вклада в фактическую детность полностью реализованной потребности в детях и частично из-за блокировки установок ведёт к тому, что недооценивается вклад потребности в детях в итоговую рождаемость и преувеличивается роль блокирования в связи с трудностями и «помехами» к рождению. Новые методы измерения си-

лы установок на целые (а не дробные) числа детей независимо от тех или иных условий жизни на основе техники семантического дифференциала СД, создают дополнительные возможности для объяснения побуждений к рождению, изменений потребности в детях. В таблице приведены данные СД по индивидуальным опросам 1976 - 2000 -2015гг. на больших выборках и опросам от 100 до 300 супружеских пар 1978-2014-2016гг. При сильно негативной оценке бездетности в 1976г. (14.39), в 2000г. наблюдается смещение её оценки в сторону одобрения (8.60) и также усиливается значимость однодетности с 8.15 до 4.27 (чем ниже арифметическая величина, тем выше ценность). В 2014гг. усиливается одобрение однодетности и бездетности и одновременно двухдетности, тогда как в 2015-16гг. заметнее одобрение трехдетности при снижении одобрения однодетности и бездетности, причем различия между 2 и 3, 1 и 3, 1 и 2 детьми сглаживаются.

Существенные изменения произошли в конце XX века - за 25 лет, с 1976 г. по 2000 г. Между 2000-2016гг. направленность изменений сохранилась, хотя ориентации на семейность менялись незначительно и противоречиво. Господствующими трендами были следующие: установки на семью с тремя и более детьми до 2014 г. почти не менялись, а затем усилились, тогда как установки на однодетность и бездетность сначала усилились, а потом ослабли. В опросе 2014г. свыше 800 человек во всех возрастных группах сенсационно бездетность по двум шкалам СД из шести получила позитивную коннотацию. Итак, за 40 лет семантическая дистанция между эталонами зла и добра, отрицательной и положительной валентности сократилась почти на половину. В семантическом пространстве эталоны детности и бездетности двинулись навстречу друг другу, постепенно сближаясь. Массовое сознание перестало быть контрастным и ригидным, теперь оно гибкое и внушаемое.

В современных условиях наличия огромной базы данных социолого-демографических исследований требуется новый уровень осмысления их. Изучение поведенческих механизмов позволяет глубже разобраться в особенностях регуляции репродуктивного поведения - как определяются стандартные ситуации (фреймируются) малодетным большинством и многодетным меньшинством населения. Жизненный цикл семьи и личности связан с различными стрессогенными событиями, адаптация к которым (как позитивным - свадьба, рождение ребенка), так и негативным (депривации, развод, смерть) - сфера малоизученная. Объясняя тенденции детности, оперируют данными как бы обезличенными, без внимания к преобладанию фамилистических или иных фреймов. Ценность семьи и брака падает, люди не хотят вступать в брак и обзаводиться детьми.

Проблема девальвации семейно-детного образа жизни и деградации института семьи - это глобальная проблема современной цивилизации. При исследовании снижения уровня семьедетности внимание ученых фокусируется лишь на материальных факторах.

Семейность, семьецентризм сегодня предстает в большинстве своем эзотерическим, нетипичным явлением. В концепциях социальной стратификации совершенно не учтён новый срез - классовость малодетного и многодетного населения. Новое разграничение социального неравенства не находит научного признания, т.к. большинство ученых сами малодетные граждане. Негативное отношение к многодетности прослеживается на всех уровнях социальной иерархии, в ней видят угрозу своему благополучию и своему статусу «нормальной» семьи. По всем опросам многодетных родителей фиксируется негативное отношение к ним и к их детям. Неприязнь и даже враждебность проявляются у всех, кто испытывает когнитивный диссонанс между общественным призывом к поддержке многодетных семей и личной агрессивностью, возбуждаемой теми, кто живёт иначе - шумно и весело, беднее и дружелюбнее. Сам факт наличия семей с 3 и более детьми говорит, что так можно жить и значит стереотипы малодетного бытия всего лишь фикция. Под когнитивное неприятие подстраиваются эмоции и зависть, подспудно подавляемая защитными механизмами якобы своего гуманного Я, заставляя видеть в пособиях на детей и льготах ущемление собственных интересов, дискриминацию. Многодетные как бы перечеркивают всю систему правил культурной и добропорядочной жизни. Слияние нереспонсивных когниций и чувств усиливает эгоцентризм и нетерпимость к «плодящим нищету». Однако не все малодетные таковы - высокая дифференцированность Я от эмоций позволяет снимать когнитивный диссонанс благодаря пониманию того, что так устроено общество и лучше плыть по течению, чем против. И в самом деле, каждое рождение экономически вредно, увеличивает коммунальные платежи и повседневные расходы, уменьшает душевой доход и это всё не компенсируется зарплатой, а детские пособия лишь мизерное латание дыр. Рождение детей происходит вопреки экономической выгоде и следовательно ПОВЕДЕНИЕ людей нельзя объяснять лишь логикой рациональности.

Фреймирование репродуктивных ситуаций не сводится к балансированию между расходами на детей и прибыльностью их (по теории Г.Беккера). Оно означает попросту отвержение того ценностно-смыслового устройства жизни, которое возобладаало в современной европейской цивилизации с её рыночно-финансовой гонкой за прибылью. Классик А.Смит наивно думал, что капиталистическая система со временем будет

стимулировать многодетность, т.к. капитализм направлен на производство и потребление массовых товаров, и якобы на рост потенциальных потребителей. Четыре века капитализма довели мир в целом до массовой однодетности и депопуляционной катастрофы по причине крайне прибыльного сокращения рождаемости (на социетальном уровне падение детности сокращает среднюю зарплату работников). Социально-классовое устройство жизни направлено против воспроизводства населения - именно поэтому в зарплате наемного работника не учитывается выращивание новой рабочей силы. Это дело перекладывается на семью, которая ежегодно за 0.5% ВВП поставляет государству новые миллионы трудовых ресурсов. Отсюда с развитием той государственности, которая перехватывает все семейные функции кроме рождения и выращивания детей, уничтожается основа социальной и экономической мотивации деторождения, и тем самым потребности семьи в нескольких детях. По прогнозам экспертов ООН в 2060г. все страны мира станут малодетными и начнется убыль мирового населения в целом. Это делает чрезвычайно актуальными исследования в сфере поведения - пора знать, каким образом возможно преобразование терминальных ценностей. Важно понять ценностно-поведенческие аспекты многодетных семей, побуждающих к рождению нескольких детей в условиях жизни, препятствующих этому. Нельзя объяснять желание иметь трех и более детей «несознательностью» родителей, как делают это наши научные оппоненты. Нельзя всё сваливать на некие «малокультурные» особенности неумелого использования контрацепции, на «несознательное» рождение «нежеланного» ребенка в случае «контрацептивной осечки». Всё это отголоски советской эпохи: увы, так можно дойти до объявления «диссидентами» многодетных родителей, дискредитирующих якобы «наш образ жизни».

Привлечение теории диспозиционной регуляции поведения личности В.Ядова, теории купирования семейного стресса Р.Хилла, теории самотрансценденции А.Маслоу и экзистенциального сохранения В.Франкла позволяет понять, как именно происходит согласование Я-концепций супругов и формирование общесемейного МЫ в духе семьецентризма. Факт появления третьего ребенка, воспринимаемый родителями как радостное событие следует рассматривать как самотрансценденцию, выводящую человека за пределы разумной самоактуализации и эгоизма. Рождение ребенка при единении семейного МЫ заставляет отца/мать отказаться от индивидуальных удовольствий и действий по достижению личного успеха, в т.ч. жертвуя своим временем, энергией и прочим. Самотрансценденция - это особый акт любви к ближнему, вершинная потребность самого высшего уровня динамических потребностей человека. Актуали-

зация этой потребности настоятельно требует полноты ее удовлетворения даже вопреки ряду неудобств и связанных с ними стрессовых ситуаций. Появление нового смысла жизни перекраивает всю картину мира и с лёгкостью ведёт к отказу от общепринятых норм, лишённых глубокого семейного смысла бытия. В этой особой системе жизненных ценностей, позволяющей быть весьма жизнеспособными, удаётся успешно выживать даже в самых трудных - не только материальных, но и жизнеугрожающих условиях. В диссертации М.А.Гусевой были исследованы семьи, имеющие ребенка с онкологическими заболеваниями в ремиссии, выборка составила 1298 родителей.[11] В ходе эмпирического изучения установлено, что семьи, имеющие больного ребенка характеризуются повышенным уровнем потребности в детях и более полной реализацией репродуктивных установок в сравнении с данными сходного по выборке исследования Росстата. Была сделана попытка объяснить факт превращения семьи с онкологически больным ребенком в особую семью, характеризующуюся высоким уровнем сплочения семьи и увеличенным ценностно-смысловым потенциалом деятельности родителей по спасению жизни ребенка. Именно эта эмоциональная связь родителей и ребенка, согласованная с когнитивным стремлением к снятию стресса и к преодолению семейного кризиса ведёт к трансформации ценностей через механизм самотрансценденции на основе усиления самосохранительной установки «Я ответственный родитель». Опыт проведенного исследования показателен как пример изучения жизнеугрожающей ситуации, определяемой конструктивно и эффективно купируемой, вследствие чего семья пересиливает страх рождения вероятно больного ребенка и становится многодетной.

Сегодня научные исследования должны быть сосредоточены именно на изучении путей конверсии эгоцентрических ценностей. Только глубокое знание действия поведенческих механизмов поможет достичь поставленной в 2012 году Президентом РФ задачи формирования семьи с тремя детьми в качестве социальной нормы, позволяющей устранить угрозу депопуляции и тем самым стабилизировать воспроизводство населения.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.Статистика.1972. С.34-36.
- 2) Мониторинг демографической ситуации в России и тенденции ее изменения. М. КДУ. 2008. СС.116- 123.
- 3) Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.ТЕИС. 2006.
- 4) Семья и рождаемость в России. 2009 год. Росстат. М.2010. С.71.
- 5) Фамилистические исследования. Том1. М.КДУ.2009.
- 6) Демографические исследования. М. КДУ. 2009.
- 7) Синельников А.Б. и др. Семья и вера в социологическом измерении. М. КДУ. 2009.
- 8) Антонов А.И., Архангельский В.Н., Медков В.М. Демографические процессы в России XXI века. М. Грааль. 2002.
- 9) Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М. Ключ-С. 2007.
- 10) Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса. . . Колл.монография. Ред.А.И.Антонов. М.ФАП и ЦНС.2015.

Приложения

Объекты для оценки	1976	1978 (парный)	2000	2014 (парный)	2015	2016 (парный)
Дети-0	14,39	-	8,60	6,69	8,39	10,05
Дети – 1	8,15	5,63	4,27	3,93	5,73	5,83
Дети – 2	5,45	2,71	5,49	4,87	4,51	3,90
Дети – 3	8,45	4,72	5,04	4,94	4,29	3,13

Рис. 1. Различия установок детности по семантическому дифференциалу в индивидуальных и парных опросах 1976-2016 гг.

Как повысить рождаемость и поддерживать молодую семью в условиях экономического кризиса?

Безрукова Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: onbezrukova@gmail.com

По данным Петростата рождаемость в Санкт-Петербурге в последние годы заметно снизилась. Так число родившихся в 2017 году уменьшилось на 8,7%, в январе-марте 2018 года - на 4,5 %, а значение суммарного коэффициента рождаемости снизилось в 2018 г. на 8,1%. Уровень рождаемости в Санкт-Петербурге в настоящее время один из самых низких в Северо-Западном федеральном округе и в Российской Федерации в целом. В ходе анализа причин сокращения числа родившихся детей в 2017-2018 гг. установлено, что данный процесс осуществляется под воздействием множества культурных, политических, социально-экономических, психологических факторов. В их числе уменьшение числа молодых женщин и мужчин в репродуктивном возрасте, воздействие экономического кризиса, проявляющееся в снижении семейных доходов, «закредитованности», «зависимости» от ипотеки, жилищной неустроенности молодых семей. Малодетность, ставшая нормой городской репродуктивной культуры, несмотря на значительный рост доли многодетных семей, по-прежнему типична для молодой петербургской семьи.

Одна из причин сокращения рождаемости в последние годы, на наш взгляд, связана с ростом неопределенности и рисками на рынке труда - прекаризацией занятости, угрозой потери места работы, неустойчивой и (или) избыточной профессиональной занятостью, с трудностью сочетания семейных, родительских и профессиональных ролей. Вместе с тем существенно нарастает социальная напряженность, происходит стрессирование семей при проведении неолиберальных реформ, затрагивающих репродуктивные/родительские интересы семей, обуславливающих психологические риски, страхи и неуверенность в завтрашнем дне, беспокойство в отношении безопасности семьи и детей. Немаловажное значение имеет недостаточная государственная поддержка рождаемости, родительства, детства, запаздывание или слабый учет специфики потребностей и ресурсов различных групп молодых семей.

В то же время значительный вклад в снижение рождаемости вносит трансформация ценностей семьи, семейного образа жизни (распространенность среди молодежи ориентации на свободный, безсемейный, бездетный образ жизни [4,5,8, и др.], брака (распространенность сожительства, разводов) [2,7,9 и др.], изменения в репродуктивных/родительских

установках и ценности детей, родительства, отцовства и материнства [1,3,6, 7 и др.].

Как показывают проведенные нами в последние годы в Санкт-Петербурге исследования, несмотря на устойчивость традиционных установок молодежи по отношению к детям и родительству (дети - жизненное предназначение, дети - радость и счастье), в молодежных группах (школьники, студенты, молодые родители и др.) чаще проявляются представления о деторождении и родительстве как автономном выборе, не зависящем от долга перед обществом или государством, и индивидуальной ответственности, которую невозможно разделить с другими. Родительство и дети воспринимаются, прежде всего, как как риск и проблемы, ответственность и большой труд. При том, что молодое поколение более единодушно в желании помогать и практиках поддержки детям, нуждающимся в помощи (больным, детям с ограниченными возможностями здоровья, детям-инвалидам), в отдельных группах молодежи наблюдаются сомнения и (или) отрицание ценности рождения биологически родных детей, проявляются отчуждение от родительской роли, установки на бездетность [3]. Вместе с тем, именно в семье происходит формирование первичных социальных представлений молодежи как будущих родителей о детях и родительстве, осуществляется межпоколенная трансляция ценностей детей и родительства, брака, семейного образа жизни. Поэтому ключевое значение для индивидуального развития и воспроизводства общества имеет поддержка в обществе культуры любви к детям, семье и семейно-детному образу жизни, укрепление системы ценностей и практик деятельной заботы о своих и чужих детях, наполнение смыслом рождения собственных детей, усиление безусловной ценности детей и родительства [3]. Немаловажно осуществлять последовательную и дифференцированную поддержку семей с детьми, совершенствовать и развивать новые социальные услуги, стремясь снизить риски уязвимости семьи и родительства.

Каковы могут быть возможные направления семейно-демографической политики государства по смягчению рисков и созданию благоприятных условий для жизнедеятельности семей с детьми и повышению рождаемости в условиях экономического кризиса?

Развитие системы социальной поддержки молодых семей с детьми, включающей меры материального и морального стимулирования деторождения с учетом специфики потребностей, ресурсов различных групп населения, этапов жизненного цикла семей и возраста детей рассматривается нами как стратегическое направление в семейно-демографическом развитии Санкт-Петербурга. Данное направление включает повы-

шение уровня благосостояния и качества жизни семей, улучшение жилищных условий семей с детьми, развитие системы государственных пособий и субсидий, развитие семейной политики на предприятиях разных форм собственности (корпоративной семейной политики); совершенствование системы социальных услуг, развитие системы сопровождения родительства, активизация родительского потенциала молодых семей и др. Помимо мер, представленных в Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы, Стратегии действий в интересах детей в Санкт-Петербурге на 2012-2017 годы, Плана мероприятий на 2018-2020 годы по реализации в Санкт-Петербурге Указа Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», Концепции демографической политики в Санкт-Петербурге на период 2015-2025 гг. *(разработаны с участием или под руководством автора статьи)* и частично реализованных, нами сформулированы новые предложения, направленных на повышение рождаемости в Санкт-Петербурге. В их числе:

1. Совершенствование системы социальных услуг семьям с детьми, учитывающих потребности, ресурсы, этапы жизненного цикла семей, возраст детей.

2. Введение дифференцированной системы поддержки семей с детьми разного возраста (семей, ожидающих рождения ребенка; семей с новорожденными детьми; семей с детьми раннего возраста; семей с детьми дошкольного возраста; семей с детьми подросткового возраста), включающей различные социальные пакеты - набор социальных услуг, субсидий, пособий и ваучеров (семьи, ожидающие рождения ребенка, семьи с новорожденными детьми, семьи с детьми раннего возраста, семьи с детьми дошкольного возраста, семьи с детьми подросткового возраста).

3. Введение пакета социальных услуг для молодых родителей Санкт-Петербурга, включающего денежные пособия, налоговые льготы, социальные ваучеры, субсидии на жилье, услуги по уходу за детьми, получение медицинских услуг, обучение (занятия в родительских школах - папа-школе и материнской школе до рождения ребенка, занятия в школах родительской компетентности, консультации психолога, педиатра, специалиста по грудному вскармливанию), а также набора новорожденного.

4. Развитие сети дошкольных образовательных учреждений различных форм собственности с целью обеспечения доступности дошкольного образования.

5. Совершенствование услуг по формированию родительской компетентности и профилактике семейных трудностей в кризисные периоды жизненного цикла семьи, развитие системы ранней комплексной помощи

семьям с детьми раннего возраста, создание сети детских консультаций, сети семейных и детских консультаций и конфликтологических служб.

6. Развитие программ повышения родительской компетентности и поддержки для отцов (папа-школы, клубы одиноких отцов, группы встреч и др.), повышение их доступности для молодых отцов всех районов города; развитие программ, направленных на укрепление ответственного отцовства, усиление роли отцов в воспитании детей.

7. Увеличение размера региональных пособий на детей, в том числе пособий на ребенка в возрасте от 1,5 до 3 лет до уровня прожиточного минимума; старше трех лет - не менее 50 процентов от величины прожиточного минимума для детей по региону.

8. Поддержка и пропаганда ответственного отцовства, вовлечение мужчин в заботу о детях (информационные, просветительские, обучающие программы).

9. Открытие центров мужского здоровья (психологического и физического) с целью снижения смертности мужчин, вовлечения мужчин в практики семейной и родительской заботы.

10. Смещение семейно-демографической политики на муниципальный уровень с целью внедрения программ для поддержки семей с детьми (ухода за детьми, развития и воспитания детей) на локальном уровне, в районе проживания.

11. Создание инновационных программ для молодежи/молодых родителей с целью формирования установок на баланс родительских и профессиональных ролей женщинами и мужчинами в репродуктивном возрасте.

12. Создание информационных материалов/кампаний с целью изменения общества к детям - не только своим, но и «чужим» (детям-сиротам, приемным детям, детям из многодетных семей, с ограниченными возможностями здоровья, инвалидам, мигрантам и др.).

13. Внедрение программ/мероприятий с целью изменения отношения молодежи к браку («Санкт-Петербург - столица брачной индустрии»; создание инновационных программ для заключения брака, новых брачных маршрутов, конкурсов, праздников, выставок, «Бракфестов»), создание программ по подготовке молодежи к браку, профилактике разводов; создание и развитие конфликтологических служб, служб медиации при центрах социальной помощи семье и детям, судах.

14. Совершенствование программ поддержки многодетных и приемных семей, пропаганда многодетности и ответственного родительства, поддержка ценностей семьи с несколькими детьми.

15. Развитие семейной и детской городской инфраструктуры.

Источники и литература

- 1) Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований Москва-1976, Россия-2000 и Россия-2014)//Экономические стратегии. 2015. № 5-6. С. 80–87.
- 2) Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение// Социологические исследования. 2013. №2. С.129–136.
- 3) Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика// Социологический журнал. 2017. Том 23. С. №1. 88–110. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5003>.
- 4) Карцева Л.В. Какую семью мы можем и должны сохранить (по материалам социологических исследований)/ Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 74–79.
- 5) Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России: колл. монография /под ред. А.И. Антонова. М.: Фонд А. Первозванного и Центр национальной славы, 2015.
- 6) Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России//Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 99-110.
- 7) Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал, 2015. Том. 21. № 4. С. С. 132-148. DOI:<https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3068>.
- 8) Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал, 2018. Том. 24. № 1. С. 95-113. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.
- 9) Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети// Социологические исследования. 2015. №3. С.70–77.

Установки на семью и детей в общественном мнении молодежи

Волосков Игорь Владимирович

ГБОУ Школа №887

E-mail: igorvol72@mail.ru

Мотивация на создание семьи и детей является важным исследовательским аспектом социального развития молодежи. Во многом от этого зависят показатели воспроизводства, численность экономически активного поколения, процессы естественного воспроизводства населения.

Исследования системы ценности молодежи показывают, что на разных этапах динамики семья и любовь являются важными ориентирами молодежи [1]. Социологический опрос московского студенчества, проведенного социологическим факультетом МГУ (N=3000) [3, с.9], свидетельствует о значительном доминировании традиционных семейных ценностей. На вопрос «Какие ценности являются наиболее значимыми для Вас?» 61% отметили «семью, родителей, родственников», 35% «здоровье», 29% «душевное благополучие, согласие с собой», 27% «материальный достаток». Показателен в результатах исследования значительный разрыв между семьей и другими ценностями. Также обращает на себя внимание нераспространенность в студенческой среде работы (всего 15%), карьеры (9%), высокого положения в обществе (6%). Очевидно, что социальная адаптация в обществе проходит за счет ресурсов семьи и родственников. Данная закономерность укрепляет значимость семьи в системе ценностей. Однако означает ли это мотивацию на создание собственной семьи и рождение детей?

Следует учесть особенности социального развития молодежи, риски, возникающие в данном процессе. Наиболее значимыми из них оказываются низкие материальные условия жизни молодежи, неспособность найти достойную работу, недоступность высшего образования, неспособность решения жилищной проблемы. Отмеченные риски накладываются на процессы прагматизации общественного мнения, повышения роли материального благополучия и карьеры, распространение женских движений, выступающих против рождения детей. Во многом перечисленные обстоятельства заставляют молодежь при наличии намерения на создание семьи и рождения детей рационально откладывать это событие на более поздний возраст.

Глубинное социологическое исследование мотивации на создание семьи у студентов было проведено в Пензе (n=75). Возрастной диапазон исследуемой группы составлял 19-21 год. Система ценностей была разде-

лена на значимые и незначимые. По результатам данного исследования значимыми в данной выборке респондентов являются следующие ценности-цели: активная деятельная жизнь (19,6 %); материально обеспеченная жизнь (17,4 %); здоровье (12,9 %); интересная работа (11,1 %). Редко в качестве значимых ценностей-целей студенты выбирали любовь, причем данная ценность как значимая в большей степени отмечалась девушками (6,8 %); наличие хороших и верных друзей (5,3 %); счастливая семейная жизнь (5,3 %), также в основном выделяемая девушками; уверенность в себе (4,4 %); развлечения (4 %); творчество (4 %). Таким же образом были проанализированы ценности-средства, выделенные молодежью в исследуемой выборке. При этом, наибольшее количество респондентов среди молодежи признало значимыми ценности-средства: независимость (17,8 %) жизнерадостность (15,1 %), образованность (14,2 %), ответственность (9,8 %) [2, с.1214]. Таким образом, ценности любви, создание собственной семьи не является значимыми жизненными ценностями студенчества, им противопоставлены активная активная деятельная жизнь, свобода, независимость. 69% респондентов предпочли свободу семейной жизни. Ориентация на рождение детей в будущем через 2-3 года выражена у 35% студентов и в основном девушек. [2, с.1215].

Исследование установок на создание семьи и рождение детей важно в исторической и территориальной динамике. При достаточно устойчивых общественно-политических условиях, стабильности социально-экономических процессах существенные изменения в общественном мнении не происходят. Опрос в Пензе в 2012 году показал, что при положительном восприятии семьи как социального явления, студенчество больше ценит свободу и независимость, потому склонно создание семьи и рождение детей откладывать на более поздние сроки. Данную закономерность подтверждают данные и других социологических исследований, проведенных в других регионах России.

В 2017 году проведено исследование в Мордовском государственном университете (n=216) [4]. Результаты опроса подтверждают сформировавшуюся тенденцию общественного мнения студенчества о переносе рождения детей на более поздний срок. Причинами часто выступает необходимость накопления социального капитала (образование, карьера, жилье), что предшествует рождению ребенка. Большинство респондентов отметили, что оптимальным возрастом вступления в брак является 25-30 лет (43,9%) [4, с.535]. По статистике, возрастная группа, в которой чаще всего заключаются браки, с 2010 г. — это группа 25—30-летних по сравнению с группой 18—24-летних, доминирующих до 2010 г. Таким образом, об эффекте отложенного деторождения свидетельствует и офици-

альная статистика. В европейских странах возраст, в котором возможно создание семьи и рождение детей считается после 30 лет. Возможно, при существующей тенденции развития общественного мнения студенчества, данная закономерность будет распространена и в России.

Другим значимым фактором, влияющим на мотивацию создания семьи и рождение детей, является образование. Чем выше уровень образования и значимость карьеры, тем позднее заключаются браки и планируется деторождение. При сравнении групп студентов и аспирантов выявлено, что у молодых ученых значительно отложен момент создания семьи и рождения детей. Лишь 37 процентов опрошенных мужчин и 40 процентов женщин- аспирантов имеют детей, по сравнению с 84% в данной возрастной группе в целом по Мордовии. Таким образом, мотивация на создание семьи и деторождение у молодых ученых вдвое ниже [4, с.637]. Повышение значимости высшего образования и аспирантуры в современном российском обществе будет способствовать развитию позднего деторождения.

Таким образом анализ состояния общественного мнения студенчества показал противоречивость общественного сознания студенчества. Высокая значимость семьи противостоят социальные риски противоречивые жизненные ценности молодежи. Данные противоречия отодвигают создание семьи на более зрелый возраст.

Источники и литература

- 1) Волосков И.В. социальные технологии формирования системы ценностей студенчества.- lambert academical publishing, 2014.-280с.
- 2) Евграфова, Ю.А. Ценности современной молодежи и установки на семью и деторождение// Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки.-№28.-Пенза, 2012, с. 1212-1216.
- 3) Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В. Аналитический отчет по итогам социологического исследования по теме «Социальный портрет современного российского студента».-М., МГУ, 2017.
- 4) Сидоркина В.М., Фадеева И.М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений// Регионология.-т.25. №4, 2017.С.528-541.

Преодоление бедности современной российской семьей посредством социально-контрактных отношений

Воронова Ксения Андреевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

E-mail: voron55555@yandex.ru

Одной из самых острых проблем современного российского общества является существование широкого слоя бедного населения, который за последние несколько лет начал вновь разрастаться. Так доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2013 г. составляла 10,8%, а в 2017 уже - 13,3% [4]. По социологическим данным около четверти населения на сегодняшний день отмечает свое неудовлетворительное материальное положение [4]. Среди основных причин этой негативной тенденции можно отметить ухудшение социально-экономических условий жизни в связи с кризисными процессами, которые ярко проявились в России в 2014 году на фоне обострения внешнеполитической ситуации. Важно, что среди бедных преобладают семьи, имеющие несовершеннолетних детей (по данным на 2016 год - 79%), тогда как среди всего населения семьи с детьми до 18 лет составляют всего около 32% [4]. В этой связи преодоление современной российской семьей состояния бедности представляется одной из ключевых задач как для государства, так и для самих семей.

Понятие бедной семьи только входит в научный обиход и часто попадает в одну классификацию с кризисными, маргинальными и неблагополучными семьями. Среди этих трех категорий ближе всего будет кризисная семья, хотя, как и в случае с остальными типами, нельзя говорить о равенстве, есть только пересечение. Бедность является одним из факторов неблагополучия, маргинальности, кризисности. Бедная семья, по нашему мнению, характеризуется в первую очередь дефицитом разного рода ресурсов, не только материальных, а также социальных, физических, образовательных, трудовых, институциональных, ценностных. Ей свойственна недостаточность уровня потребления продуктов, товаров и услуг в сравнении с существующими социальными стандартами.

Социологические данные, представленные в работах исследователей, свидетельствуют о том, что среди бедных чаще встречаются женщины, вдовы, разведенные, состоящие в гражданском браке, многодетные [3]. Результаты эмпирического исследования, проведенного нами в первой половине 2018 года в Пермском крае (N=1102), которое содержит дан-

ные по семьям, участвовавшим в социально-контрактных отношениях с целью преодоления состояния бедности, показывают, что для этих семей характерны: высокая иждивенческая нагрузка (84% с несовершеннолетними детьми), наличие безработных (38%), распространенность тяжелых хронических заболеваний и инвалидности (11%), преобладание начального и среднего уровня образования (60%), работа в бюджетном секторе экономики (27%), низкое положение в должностной иерархии (72%).

Кроме этого для половины бедных семей характерна иждивенческая установка, т.е. ожидание постоянной безвозмездной помощи со стороны государства, представление о том, что «общество должно, обязано» решать их проблемы. Экстернальный локус контроля или поиск внешних причин ситуации также часто наблюдается среди бедных семей, причем в качестве основных причин называются: недостаточный уровень заработной платы (73%) и отсутствие работы (69%). Характерно для таких семей и отнесение себя к состоянию социальной нормы, т.е. они зачастую считают, что уровень их жизни характерен для большинства окружающих людей, что они «живут как все» (39%). Все это, с одной стороны, отражает негативные социальные тенденции, но, с другой стороны, приводит к снятию с себя ответственности, пассивному поведению, неспособности самостоятельно предпринимать усилия, которые бы вели к выходу из неблагоприятной ситуации.

Эти выводы отчасти были подтверждены нами при сравнительном анализе потенциалов бедной и небедной семьи, который был осуществлен с использованием данных базы Европейского социального исследования, которое было проведено в различных регионах России («European Social Survey», N = 2430, 8 волна, 2017 г.) [2]. Интересно, что корреляционный анализ показал, что с точки зрения ценностного потенциала, бедные семьи отличаются консерватизмом, стремлением к равенству, традиционностью, тогда как небедные семьи, наоборот, склонны к изменениям, самостоятельности, самоутверждению, риску, новому, достижению, власти и богатству. Социальный потенциал бедных семей также противоположен небедным и характеризуется низким уровнем социального доверия, меньшим количеством социальных связей, более редкими встречами с близкими людьми. Относительно физического потенциала для бедных характерно среднее и плохое здоровье и чаще встречается инвалидность. Бедные семьи чаще имеют основное, среднее и начальное профессиональное образование, чаще являются безработными, работают в бюджетной сфере, занимают подчиненные должности, меньше организуют свою работу, реже принимают участие в принятии значимых решений. Для них более характерно проживание в селе или в некрупных

населенных пунктах, в менее развитых территориях (например, Дальний Восток, Сибирь).

Причины, почему российские семьи оказываются в состоянии бедности, связаны с недостаточностью источников дохода, слабой социальной защищенностью, особенно женщин и детей, пассивной жизненной стратегией, неконкурентоспособностью на рынке труда, отсутствием необходимых навыков и знаний и др. Важную роль здесь играет кризисное состояние самого института семьи. Нуклеаризация современной российской семьи приводит к отсутствию обмена жизненным опытом и взаимопомощи между поколениями. Высокая разводимость, рост неполных семей и распространенность незарегистрированных браков ведут к юридической и экономической уязвимости матери и детей, большой иждивенческой нагрузке, низкому уровню качества жизни.

Бедная семья как среда социализации следующих поколений является не самой благоприятной, закрепляя проблему, делая ее решение более сложным. Дело в формировании у детей социально-психологических особенностей, передаче специфических социальных установок, стереотипов, поведенческих стратегий, норм и ценностей. В исследовании бедности на Западе во второй половине XX века образовалась целая научная школа, благодаря которой сформировалась концепция «культуры бедности» (О. Льюис, В. Вилсон, К. Кларк, У. Миллер, Г. Ганс) [5]. Согласно идеям этого направления, со временем возникает особая субкультура бедных, а районы проживания бедных семей становятся своеобразными «гетто». Для бедных семей характерны депрессивность, подавленность, слабая воля, уязвимость, сниженная коммуникативность, наличие различных страхов, негативная установка по отношению к деньгам и богатству (например, представление о невозможности честного накопления материальных благ или преступности всех обеспеченных людей), низкий уровень взаимной поддержки и высокий уровень соперничества, низкая экономическая и правовая грамотность. Для бедных семей также в большей степени характерны изолированность, напряженные и конфликтные отношения, восприятие своего положения как неизбежного.

Все это приводит современных социологов к идее о невозможности решения проблемы бедности простой экономической поддержкой, т.к. обретаемые финансовые ресурсы только усугубляют пассивную и иждивенческую установку к социуму. Кроме того, получая деньги в руки, но, не располагая адекватными стратегиями их использования, вложения, преумножения, бедные семьи не могут извлечь в должной мере из них пользу. Поэтому все большей популярностью как на Западе, так и в России начинают пользоваться социально-контрактные отношения между

органами социальной защиты и бедными семьями. Они подразумевают договор на определенный срок (от 3 месяцев до 1 года, в среднем - 7 месяцев), по которому стороны обязуются реализовать совместно ряд мероприятий, имеющих направленность, чаще всего это: развитие личного подсобного хозяйства, приобретение необходимой техники для дальнейшего оказания услуг и производства товаров, а также получение образования и медицинского обслуживания. В результате семье государством переводится сумма, которая необходима для реализации этих мероприятий (сумма очень различается в регионах РФ, в среднем составляет около 35 тыс. руб.). Важно, что сама семья также вносит часть средств (чаще 50%) для достижения обозначенных целей. Все это фиксируется в различных документах, счетах, чеках, оформляется в виде отчетов, которые сопровождаются также фото и видео подтверждениями. При подготовке соглашения специалисты социальной защиты используют принципы составления бизнес-плана, работают с мотивацией, установками, ценностями участников социальных контрактов. Основная задача, которая здесь преследуется, это запуск механизма самообеспечения семьи благодаря активизации различных имеющихся у нее ресурсов, а также обретения недостающих. За счет появления новых источников дохода такая семья постепенно все меньше нуждается в помощи со стороны государства, может в итоге выйти на предпринимательство, фермерство и т.д. Подавляющее большинство социальных контрактов в стране реализуется в сельской местности и направлено на развитие личного подсобного хозяйства.

Полномасштабное внедрение социально-контрактных отношений в России началось с 2012 года после ряда экспериментов на региональном и федеральном уровне. В результате, как по федеральным данным (более 60%) [1], так и в рамках нашего исследования в 2018 году (82%), участие в социальных контрактах ведет к увеличению благосостояния, обретению новых источников дохода, улучшению потребления семей. Преодоление бедности в Пермском крае произошло в 7% случаев (72 семьи). Причем здесь есть статистически подтвержденная связь с полом (чаще мужской), образованием (более высокий уровень), местом проживания (чаще городская местность), направлением социального контракта (приобретение техники для оказания услуг), спецификой новых источников дохода (чаще встречается доход от предпринимательства). На федеральном уровне информация о преодолении порога бедности благодаря социально-контрактным отношениям неопубликована, результат измеряется в других показателях, что осложняет контроль и совершенствование данного направления работы с бедными семьями.

Таким образом, большая часть бедного населения в современной России это семьи с детьми. Эти семьи обладают определенными признаками и отличаются специфической структурой. Для них характерен более низкий уровень социального, физического, образовательного, трудового, институционального потенциалов. Кризис современного института семьи усиливают негативные тенденции, связанные с увеличением бедности. Бедная семья является неблагоприятной социализирующей средой для подрастающего поколения, со временем формируя определенную субкультуру бедности со своими социально-психологическими характеристиками, нормами и ценностями. Для преодоления всего этого комплекса проблем, сопутствующих бедности семей, необходимы специальные меры, одной из которых являются социально-контрактные отношения со специалистами органов социальной защиты. Они направлены на переход к самообеспечению благодаря реализации определенных мероприятий и достижения цели, позволяющей обрести новые источники дохода. Реализуется принцип софинансирования со стороны семьи и государства. Много внимания в ходе этого процесса уделяется активизации потенциала семьи, формированию новых ценностей и установок, мотивации, обретению навыков и знаний. Накоплен уже определенный опыт в этом направлении, есть положительные результаты, однако есть и проблемные аспекты, требующие совершенствования данной меры.

Источники и литература

- 1) Данные Минтруда РФ от 03.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/401> (Дата обращения: 01.11.2018).
- 2) Европейское социальное исследование в России [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения: 25.11.2018).
- 3) Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С.20-28.
- 4) Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 25.11.2018).
- 5) Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012, 526 с.

Оценка уровня заинтересованности в родительском труде во взаимосвязи с возрастом респондентов (результаты исследований в Уральском регионе)

Ворошилова Анжелика Игоревна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

E-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru

Безусловно, одним из ключевых факторов, определяющих мотивацию родительства, является уровень заинтересованности субъекта в процессе реализации родительской деятельности. Данный показатель связан с ценностным восприятием родительства, однако он также может быть использован как некоторый индикатор, отражающий, насколько человеку интересно заниматься родительством с точки зрения процессной реализации родительских функций. Процессная реализация функций родительства, в свою очередь, может быть рассмотрена как родительский труд — т. е. особый вид осознанной деятельности родителя, направленной на поиск оптимальных вариантов развития и саморазвития ребенка в процессе его социализации [2].

В связи с этим мы попытались измерить уровень заинтересованности родителей в реализации своих функций среди респондентов различного возраста, а также установить наличие взаимосвязи между уровнем интереса к родительской деятельности и возрастом их детей.

Объектом нашего исследования стали родители (N=500) Уральского региона. Возраст опрашиваемых находился в интервале от 19 до 57 лет, модальное значение возраста опрошенных составило 27 лет, медианное — 30 лет, при среднем возрасте опрошенной совокупности в 31 год. 75 % опрошенных имели высшее образование и еще 4 % — неоконченное высшее. Пятая часть респондентов (19 %) имели среднее специальное образование.

86 % опрошенных родителей на момент исследования состояли в зарегистрированном браке, еще 9 % ответили, что состоят в постоянных отношениях с партнером (незарегистрированном, «гражданском» браке). Холостыми и разведенными на момент опроса назвали себя 6 % ответивших (по 3 % соответственно).

Основная часть респондентов характеризуется малодетностью их семей. Почти 60 % опрошенных имеют одного ребенка, 36 % опрошенных — двоих. Троих детей воспитывают чуть менее 4 % респондентов, четверых еще меньше — 1,6 %. Пять детей и более имеют менее 1 % респонден-

тов. Отметим, что среднее количество детей на одну женщину в выборке оказалось примерно равным значению этого показателя по России (1,5 ребенка на одну женщину) [3]. При этом распределение детей по возрасту следующее. 22 % опрошенных являются родителями младенцев до года, почти 70 % воспитывают детей в возрасте от 1 до 6 лет, 18,7 % опрошенных имеют детей школьного возраста (от 7 до 13 лет), еще 9,3 % — детей-подростков старшего школьного возраста (13-17 лет). Помимо этого, 12,4 % респондентов являются родителями детей старше 18 лет. Помимо стандартных вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов, инструментарий исследования включал в себя вопрос «Насколько интересно Вам заниматься детьми?», предполагающий следующие варианты ответов: 1) «мне абсолютно не интересно заниматься обязанностями, связанными с моими детьми, я бы полностью отдал эти функции кому-то другому»; 2) «в основном мне не интересно заниматься детьми, но некоторые моменты я считаю интересными или полезными для себя», 3) «воспринимаю это нейтрально, не испытываю особого удовольствия или неприязни, делаю потому что надо», 4) «в основном мне интересно заниматься моими детьми, но есть некоторые моменты, которые даются тяжело», 5) «мне доставляет большое удовольствие заниматься детьми, это очень интересно, мне хотелось бы развиваться в этой деятельности». Для целей статистического анализа на предмет наличия взаимосвязей, каждому из ответов была присовена количественная переменная, означающая «уровень заинтересованности», от 1 (наименьший уровень заинтересованности) до 5 (наибольший уровень заинтересованности) соответственно.

В результате было установлено, что возраст респондентов и их уровень заинтересованности в родительской деятельности оказались связаны (наличие взаимосвязи было доказано медианным критерием и критерием Краскела-Уоллеса.). В частности, респонденты старшего возраста чаще демонстрировали высокий уровень интереса к этому виду деятельности. Это подтверждает и уровень среднего возраста респондентов в группах ответивших. Так, в группе тех, кому не интересно заниматься детьми, средний возраст оказался несколько ниже, чем в целом по массиву респондентов (26 лет против среднего возраста в 31 год по всей совокупности). А среди тех, кто демонстрирует более высокий уровень интереса к родительской деятельности, средний возраст, напротив, несколько выше (31,6 лет). Нейтральное отношение характерно в целом для респондентов в возрасте 30 лет, что очень близко к среднему возрасту по всей совокупности опрошенных. Таким образом, наши данные позволили установить тенденцию повышения интереса к родительской

деятельности с увеличением возраста респондентов.

Статистически связаны (по оценке с помощью критерия Краскела-Уоллиса) оказались также такие показатели, как возраст ребенка и уровень родительской заинтересованности. Поскольку часть родителей были средне- или многодетными, при анализе мы ориентировались на возраст старшего ребенка в семье (Рис. 1).

Абсолютное большинство родителей младенцев демонстрируют высокий уровень заинтересованности в родительстве как в деятельности. В частности, больше половины опрошенных сказали, что им в целом интересно заниматься родительским трудом, хотя некоторые моменты и даются тяжело. Еще 38 % респондентов этой группы выразили крайне высокий уровень интереса, признав, что им приносит большое удовольствие заниматься детьми и они хотели бы развиваться в этой деятельности. Нейтральное отношение выразили только 7 % респондентов, в то время как людей, не заинтересованных в выполнении родительских функций, среди опрошенных данной группы не оказалось вообще.

В то же время, полученные ранее исследовательские данные об особенностях различных стадий родительского труда [1, 43.] свидетельствуют о высоком уровне сложности, характерной для этого периода родительства. Но, несмотря на это, в ответах респондентов не зафиксировано какое-либо негативное восприятие этих сложностей. Такой позитивный окрас восприятия родительства на этом этапе может быть объяснен рядом причин. Первые относятся скорее к биологическим — известно, что во время беременности и лактации у женщин происходят значительные изменения в организме, сказывающиеся на их самочувствии и оценках окружающей действительности. Вторая группа причин может быть отнесена к социальным — у родителей еще не накоплен негативный опыт в общении с ребенком, младенец еще не оформился в самостоятельную личность и полностью зависим от родителей. В связи с этим на данном этапе просто отсутствуют конфликты между родителями и детьми, и члены семьи в основном просто радуются самому факту появления нового человека. Помимо этого, на данном этапе родительства человек еще просто не может выработать какое-то однозначное отношение к происходящему в связи с новизной этой деятельности.

В группе родителей дошкольников распределение респондентов по уровню заинтересованности в родительской деятельности существенно меняется. По-прежнему остается высока доля тех, кто заинтересован в родительской деятельности — 66 %. Однако почти вдвое, по сравнению с родителями детей до одного года, меньше доля тех, кто демонстрирует крайне высокий уровень интереса к родительской деятельности —

таких респондентов только 19 %. Среди родителей дошкольников уже чаще встречаются те, кто нейтрально воспринимает родительские обязанности — доля таких респондентов составляет десятую часть от всех опрошенных. Кроме того, всего 5 % родителей детей в возрасте от 1 до 6 лет признались, что им не интересно выполнять родительские обязанности. Возможно, такое распределение мнений связано с накоплением родительского опыта — человек постепенно замечает все больше ошибок и трудностей, часть родителей при этом приходят к пониманию, что эта деятельность не приносит им удовлетворения. Кроме того, меняется и личность самого ребенка, особенности взаимодействия с ним, содержание родительских функций и требования как к ребенку, так и к родителю.

Группа родителей детей младшего школьного возраста, аналогично группе родителей младенцев, также продемонстрировали очень высокий уровень заинтересованности в родительской деятельности. 83 % родителей этой группы сказали о высокой степени заинтересованности в родителстве, еще 17 % — крайне высокой. Ни нейтрального, ни негативного отношения к родительским обязанностям родителями детей младшего школьного возраста выражено не было. Говоря о причинах высокого уровня заинтересованности родителей этой группы, можно выдвинуть предположение, что на данном этапе дети, с одной стороны, уже не требуют постоянного физического ухода и во многом освобождают родителей от части обременительных обязанностей, а с другой — уже активно формируются как самостоятельные личности.

Распределение мнений родителей подростков (от 7 до 13 лет) об уровне их заинтересованности в родительском труде очень напоминает распределение ответов родителей детей-дошкольников. Так, большинство родителей (67 %) отмечает свой высокий уровень интереса к родительской деятельности, еще 17 % — очень высокий. Десятая часть респондентов признались в нейтральном отношении к родительским обязанностям, выполнению их по принципу «потому что надо». В то же время, только 6 % родителей этой группы отметили крайне низкий уровень заинтересованности в родительской деятельности, признавшись, что родительские обязанности их тяготят и они «полностью отдали эти функции кому-то другому». Это, например, может быть связано с драматичным переживанием «трудного возраста» ребенка-подростка.

В оценках заинтересованности в родительской деятельности среди респондентов с совершеннолетними детьми сохраняются тенденции, характерные для всего массива опрошенных. Большинство отметили высокий и очень высокий уровень заинтересованности в родительской деятельности (58 % и 38 % респондентов соответственно). Нейтральных или

умеренно негативных ответов среди родителей этой группы получено не было, при этом лишь 4 % родителей взрослых детей высказали довольно резкое мнение о том, что «им абсолютно не интересно заниматься обязанностями, связанными с детьми, они бы полностью отдали эти функции кому-то другому».

Таким образом, возраст детей и уровень заинтересованности родителей определенно связаны между собой, но характер этой взаимосвязи, очевидно, нелинейный и его еще предстоит уточнить. Возможно также и то, что уровень заинтересованности в родительстве связан с особенностями прохождения этапов родительства и преодоления проблем, характерных для детей разных возрастов.

(Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6)).

Источники и литература

- 1) Родительский труд: специфика анализа и управления: монография / А. П. Багирова, О. М. Шубат, М. М. Пшеничникова. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. — 208 с.
- 2) Родительский труд: экономический и социологический анализ: монография / под общ. ред. проф. А. П. Багировой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 208 с.
- 3) Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

Приложения

Уровень интереса к родительской деятельности в разрезе групп респондентов с различным возрастом старшего ребенка, %

Уровень заинтересованности родителей	Возраст старшего ребенка в семье				
	до 1 года	от 1 года до 6 лет	от 7 до 13 лет	от 14 до 17 лет	старше 18 лет
Абсолютно не интересно	0,0	1,5	0,0	5,6	4,2
Скорее не интересно	0,0	3,0	0,0	0,0	0,0
Нейтральное отношение	7,1	10,5	0,0	11,1	0,0
Скорее интересно	54,8	66,2	83,3	66,7	58,3
Очень интересно	38,1	18,8	16,7	16,7	37,5
Всего	100	100	100	100	100

Рис. 1. Уровень интереса к родительской деятельности в разрезе групп респондентов с различным возрастом старшего ребенка, %

Любовь как основной мотив для вступления в брак (по результатам эмпирического исследования)

Григорьева Екатерина Александровна

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: yreewda@gmail.com

Вступая в брак, современные молодые люди руководствуются различными мотивами, такими как экономические соображения, профессиональная необходимость, моральный долг, необходимость продолжения рода и др. В рамках данной работы хотелось бы остановиться на вопросе о том, какую роль в этом процессе играет любовь. Для ответа на поставленный вопрос были использованы результаты качественного исследования, проведенного в 2015 г. под руководством д.с.н. Семиной М.В., исследовательский вопрос которого был сформулирован следующим образом - «зачем современной женщине мужчина?».

Современная женщина самодостаточна, способна самостоятельно себя обеспечить и построить успешную карьеру, поэтому для нее мужчина больше не является кормильцем - она сама зарабатывает и сама себя содержит. Имея собственный источник доходов, женщина больше не боится разводов - она может сама о себе позаботиться, сама воспитать и прокормить детей. Женщина перестала полностью экономически зависеть от мужчины, что и стало отправной точкой для данного исследования, призванного обозначить основные мотивы современной женщины для вступления в брак. В этой связи необходимо обратиться к сформулированной в XIX в. идее классика социологии Ф. Энгельса: в коммунистическом обществе женщины уже не будут посредством института брака материально зависеть от мужчин, поэтому отношения между женщинами и мужчинами будут основаны прежде всего на подлинной любви [1]. Проект коммунистического общества остается нереализованным, однако, в связи с обретением женщинами относительной экономической независимости от мужчин, интересным представляется вопрос о роли любви в отношениях между мужчиной и женщиной и в их брачном поведении.

Методология данного исследования заключалась в проведении интервью с респондентами, его аудиозаписи и транскрибировании. Всего было опрошено 113 женщин и девушек в возрасте от 18 до 24 лет. Данная работа основана на анализе 25 интервью, выбранных с помощью метода случайного отбора. Помимо поставленной проблемы исследования, были так же затронуты сопутствующие ей темы: идеал мужчины, восприятие современного мужчины, опыт отношений с мужчинами.

Среди 25 проанализированных в рамках данного исследования ин-

тервью было 14, в которых не было никаких упоминаний о любви. В 5 из 25 интервью о любви говорится как о главной причине для вступления в брак, в 6 - как об одной из причин. Интересно, что в ряде интервью были упоминания о любви как об основе прошлых или настоящих отношений, но при этом любовь не была названа как основная причина, по которой мужчина нужен. Возможно, это является свидетельством того, что современная женщина не так уж независима и самодостаточна - она вступает в отношения, так как ее захватывают чувства, но одних чувств для создания семьи и совместного счастья не достаточно. Но почему? Обратимся к цитате из одного интервью:

«Мы правда очень любим друг друга... Главная проблема - то, что он нерешительный. Очень долго приходит к какому-либо решению, очень много анализирует. Вот. Я бы хотела, чтобы он стал попроще, и чтобы научился слу... именно не слушать меня, а слышать». (Сфера деятельности: реклама и медиабизн, Возраст: 21, не замужем, г. Королев)

Женщины, как бы сильны и независимы они не были, ждут от мужчин поступков, действий, принятия решений. В своем интервью эта девушка рассказала, что получает образование и параллельно работает. Представляется, что она и есть та современная женщина, которая стремится сама себя обеспечить, построить карьеру, и которая представляет особый интерес для нас в рамках данного исследования. Но при этом она отмечает, что ей необходимы понимание и сопереживание. Она не готова взять на себя мужские функции, хотя ради заработка совмещает учебу и работу, что не всегда благотворно сказывается на получении знаний. Вот в чем заключается проблема эмансипированности современных женщин - она может, но не хочет быть мужчиной в отношениях. Данный вывод справедлив и для других респондентов.

В этой связи любовь становится причиной, по которой женщина вступает в отношения с мужчиной, в том числе и брачные. А опора, поддержка и защита - причины, по которым она остается в этих отношениях. Важность наличия надежной опоры в лице своего спутника жизни подчеркивается во всех проанализированных в рамках данной работы интервью.

«Я хочу чувствовать себя защищенной, хочу, чтобы дома меня кто-нибудь ждал, жалел меня, выслушивал, чтобы я могла о ком-то заботиться, чтобы я знала, что сегодня могу приготовить вкусный ужин и порадовать своего любимого человека. Чтобы мы любили друг друга». (Сфера деятельности: строительство, Возраст: 20 лет, не замужем, г. Кашира)

В этом высказывании любовь играет роль необходимой составляющей отношений, но очевидно, что держится любовная связь в представлении респондента на понимании и поддержке. Говоря об этом конкретном интервью, следует упомянуть, что респондент так же совмещает учебу и работу в столице, в то время как родной город находится в Московской области. И снова респондент предстает в виде современной независимой женщины, способной снимать квартиру в Москве, и которая вместе с тем признается в своей зависимости от простого человеческого участия в её жизни, понимания и тепла.

Что особенно важно, она готова делиться своей заботой с любимым человеком. Но желание отдавать и получать, обозначенное в данном интервью, является скорее исключением. Для многих респондентов была характерна следующая формулировка: «мужчина должен...». При этом представительницы слабого пола указывали на существование негативной тенденции потребительского отношения мужчины к женщине. На наш взгляд, ситуация, когда один из партнеров настроен исключительно на то, чтобы получать, а другой готов бескорыстно отдавать, невозможна при наличии чувств одинаковой силы с обеих сторон. Как бы ни отодвигали респонденты в своих интервью чувства на второй план, как бы ни акцентировали внимание на необходимости иметь рядом с собой мужчину-опору, тем не менее любовь остается основой отношений. От силы и искренности чувств зависит то, будет ли девушка в подобном интервью рассказывать о потребности в поддержке. Ведь если чувств необходимо и достаточно, то мужчина сам захочет и будет опорой для своей женщины.

О мужчине как о возможности продолжении рода говорили многие. В основном это упоминалось как один из аспектов отношений и как основной мотив для вступления в брак. Но были и такие интервью, в которых продолжение рода было обозначено как единственный мотив для вступления в отношения с мужчиной. Обратимся к следующей цитате:

«Мой самый большой страх - зависимость. Я не хочу зависеть от мужчины, я хочу быть независимой, мне мужчина нужен чисто только для того что бы продолжить свой род, для всего остального я сама у себя есть». (Сфера деятельности: студентка, Возраст: 21 год, не замужем г. Москва)

Основываясь на интервью этого респондента и всех тех, кто рассуждал подобным образом, можно предположить, что такая точка зрения вызвана отсутствием опыта переживания настоящих чувств. Однако, не имея представления о любви, все же не обязательно воспринимать мужчину лишь как вспомогательный инструмент для выполнения репродуктивной функции. Кроме того, высказывая подобное мнение респонденты

практически не упоминали о вступлении в брак и необходимости создания семьи. Данная особенность требует дальнейшего изучения.

Таким образом, в рамках данного исследования были сделаны следующие выводы:

- 1) Упоминаний о любви в проанализированных интервью было меньше, чем ожидалось.
- 2) Любовь представляется основой отношений, но для их поддержания женщинам необходима забота, поддержка и опора в лице мужчины. Любви недостаточно для того, чтобы совместное существование было счастливым.
- 3) Основным мотивом для вступления в брак является желание продолжения рода. Любовь упоминается лишь в совокупности с другими мотивами.
- 4) Экономические аспекты взаимоотношений с мужчинами не были затронуты респондентами, из чего можно сделать вывод, что данный вопрос не представляет особой значимости для женщин при выборе партнера.
- 5) Рассуждая об идеальных отношениях между женщиной и женщиной, и указывая на свои потребности в этих отношениях, девушки склонны игнорировать собственную роль в удовлетворении потребностей мужчины.

Говоря о последнем пункте, стоит обратиться к представлениям о любви немецкого социолога Эриха Фромма, которые нашли отражение в его работе «Искусство любить». Как становится понятным из самого названия книги, любовь, в представлении автора, это искусство, такое же, как искусство жить: «если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству» [2]. Но вопреки глубоко коренящейся в нас жажде любви, почти все наши силы тратятся на обучение достижению успеха, престижа, власти, богатства, и почти никакие усилия не прилагаются для обучения искусству любви. Действительно, своеобразным подтверждением вышесказанного является четко обозначенное желание респондентов получать, и практически полное отсутствие свидетельств о их желании отдавать. Разумеется, речь идет о духовной близости и ее составляющих.

Подводя итоги, стоит отметить, что русско-американский социолог П. Сорокин выделял две формы современной любви: «эстетически идеальная» любовь, которая выражается в единстве душ, и «ресторанная» любовь, представляющая собой лишь единство тел. Он отмечает, что ростом человеческой цивилизации развивались эстетические чувства человека, они постепенно освобождались от своей биологической основы и половых вожделений, все сильнее окрашивались «цветами» культуры и психики, в результате чего любовь перестала быть простым способом удовлетворения биологических потребностей в интимных отношениях, а стала не столько единством тел, сколько единством душ [3] - «эстетически идеальной» любовью. К счастью, данное исследование не выявило наличия у респондентов опыта «ресторанной» любви.

Источники и литература

- 1) Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. С. 553.
- 2) Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука, 2001. С. 5-6.
- 3) Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 2014. С. 256.

Детность семьи как основной показатель семейного образа жизни

Грудина Татьяна Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: grudina-tatyana@yandex.ru

Мотивацию к рождению детей в семье в их количественном отношении, как правило, рассматривают с двух сторон. Во-первых, речь идет о репродуктивных установках супругов (в частности, об установках на детность). А во-вторых, о важности внешних обстоятельств, которые могут оцениваться людьми как благоприятные или не благоприятные для реализации этих установок. Ниже будут представлены результаты опросов (за последние несколько лет), проведенных кафедрой социологии и семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в ходе которых выяснилось, какое количество детей люди имеют и хотели бы иметь, а также значимость семейного образа жизни в жизненных устремлениях населения.

Прежде чем приступить к результатам конкретных социологических исследований, необходимо определить, что же входит в понятие «детность»? Детность - среднее число детей в семье. В зависимости от числа детей в расчете на одну семью различают многодетность (5 и более детей), среднедетность (3-4 ребенка) и малодетность (1-2) ребенка. В некоторых случаях возможно более обобщенная классификация семей по числу детей: малодетность (1-2 ребенка) и многодетность (3 и более детей). Итак, «детность - это одна из основных характеристик исторических типов воспроизводства населения. Наличие того или иного числа детей в семье; определяется, прежде всего, господствующими социальными репродуктивными нормами детности» [2]. Также, детность является одним из основных показателей в интерпретации сути семейного образа жизни.

Как правило, главным регулятором в построении семейно-детного образа жизни выступают ценностные ориентации супругов. Система ценностных ориентаций - важнейший компонент образа жизни. В современном обществе система ценностей является элементом мировоззрения личности, оказывающим влияние на ее развитие, ориентацию в выборе семейного или одично-холостяцкого образа жизни, профессионального определения, личностного развития и пр. Можно сказать, что во всех сферах жизни система ценностей является тем фундаментом, на котором держатся все социальные взаимодействия. Тогда как именно через институт семьи, на наш взгляд, происходит формирование личности, осуществляется накопление и передача опыта, ценностей, традиций. Резуль-

татом всех этих процессов является воссоздание определенного образа жизни, образа мыслей, отношений, моделей поведения. В семье формируются и закладываются базовые ценностные ориентации и представления личности, которые при функционировании систем родства могут транслироваться из поколения в поколение. Семейно-родственная система с доминирующей властью старших поколений обеспечивает преемственность традиций и ценностей. В данном контексте ценностные ориентации личности выступают важнейшим фактором мотивации поведения человека и лежат в основе его социальных поступков, образа жизни (семейного или атаксемейного) и т.д.

В результате опроса 2169 респондентов из 10 регионов России относительно их семейной ситуации и жизненных приоритетов, связанных брачно-семейным образом жизни, были выявлены следующие семейно-детские установки среди населения [5]. На рис. 1 представлены 16 утверждений, которые касаются рождения и воспитания разного числа детей в семье. Эти утверждения раскрывают значимость бездетной жизни, важность воспитания детей в семье, где есть братья и сестры, а также выявляют те экономические затруднения, с которыми может сталкиваться семья при рождении детей.

Исходя из представленных данных, мы видим, что у респондентов разного пола и возраста наибольшее согласие вызвали утверждения о ценности детей в целом («ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок», «только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее»). По своему значению близки их средние оценки и превышают 4 балла по 5-ной шкале. Стоит отметить, что именно эти два суждения не вызвали сомнения у всех респондентов (самые низкие доли ответов «трудно сказать») [5, с. 119]. В своем отношении к ценности детей, родительства, многодетности респонденты поддерживают в целом ценность детей, которая в большей мере выражается в ориентации на однодетность, а парадигма child-free массового одобрения пока не находит среди населения. Многодетность, с одной стороны, поддерживается и является преимуществом при воспитании детей. С другой стороны, определенная доля респондентов стремится к планированию деторождения и выступает против многодетного образа жизни, поскольку его связывают с весьма большими затратами на достойное воспитание и содержание детей [3,4,5]. По-прежнему остается весьма дискуссионным вопрос о материальном обеспечении семьи при рождении детей. Если сравнить ответы респондентов разных возрастов, здесь мы увидим, что молодые люди в большей степени заботятся о достаточно высоком материальном благосостоянии для обеспечения в будущем своих детей. Они

чаще соглашались с утверждениями, что «детей можно заводить только на определенной материальной базе», «люди заводят ребенка только тогда, когда его жизнь перспективна», «нельзя рождасть детей при безысходности собственного существования». Тогда как, умудренные опытом и испытавшие жизнью различные обстоятельства, респонденты из старшей возрастной группы (50 лет и более) чаще выбирают такие суждения, как «ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок» и «чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем». Здесь и радости и трудности идут рука об руку, потому так полярно и распределен выбор ответов.

Для выявления жизненных ценностей и предпочтений многодетных матерей им предложено ответить на следующий вопрос: «Все люди хотят жить хорошо, но каждый человек понимает это по-своему. А что значит "хорошо жить" для вас?». Ответы были проранжированы. На первое место респондентов просили поставить ценность, которая для них выступает наиболее важной и далее по убыванию в зависимости от степени важности. На рис. 6 [4, с. 180] представлены средние значения рангов для каждой из ценностей (отметим, что чем меньше значение среднего ранга, тем более значимой является эта ценность). Таким образом, наиболее важным аспектом жизни среди многодетных родителей г. Уфы является ценность семьи, детей, заботливых близких (средний ранг - 1,93), а также ценность здоровья (средний ранг - 1,99). Семья, дети, здоровье в жизненных ценностях и установках многодетных матерей со значительным разрывом стоят впереди по отношению ко всем остальным предложенным ценностям. Конечно же, материальное благополучие, достаток в семье многодетные матери отмечают, но адекватно оценивают свои реальные возможности и потому такие ценности, как высокое положение в обществе, возможность путешествовать, наличие денег в неограниченном количестве, веселая полная удовольствий жизнь, ставят на последнее место. Принцип «бери от жизни все» здесь не является руководством к действию, а как раз наоборот, показывает свою неспособность, умение многодетных ограничивать себя ради пользы другого - токов механизм совместной семейной работы. Многодетные в своем поведении более склонны к спокойной безопасной жизни, душевному благополучию, выбирают свободу и самостоятельность в жизни, ценят уважение, благодарность других, общение, интересную работу. Именно семьецентризм, признание ценности семейного образа жизни, выступает ведущим мотивом в построении единства в семье, его сохранения и укрепления, согласованности внутрисемейных ролей и решений. Мнение каждого отдельного члена семьи не подавляется, а наиболее полно рас-

крывает через общее участие всех членов семейного коллектива в деле каждого. Потому, можно предположить, что, чем выше детность семьи (многодетность), тем более ее образ тяготеет к семейному. Тогда как в условиях малодетности более вероятна вероятность того, что в семье проявляются внесемейные ориентации, индивидуалистические установки, реализуются интересы и потребности каждого члена семьи не через внутригрупповое межличностное семейное взаимодействие, а в условиях достижения личных целей и желаний каждого индивида в отдельности вне семейного круга общения. Таким образом, индивидуализм превалирует над семьецентризмом. Эгоизм, забота о личном благополучии, взаимозаменяемость семейных ролей, стремление к равноправию, первенство индивидуальных целей (на первом месте образование, карьера, социальный статус и пр.) вступают в конкурентную борьбу с семейными ценностями. Семейный образ жизни, ценностные ориентации на семью с несколькими детьми в настоящее время утрачивают свое ведущее значение. Это проявляется в достаточно высоком уровне разводимости, высокой доли сожительства и неполных семей, противоборствующем влиянии фамилизма и индивидуализма на социальный институт семьи в целом и на семейно-детный образ жизни в особенности. Ориентации на профессиональную деятельность и статусные характеристики, благополучие и комфорт выходят на первый план и требуют значительного капиталовложения. «Современная система социального устройства не стимулирует семью и семейный образ жизни, а скорее ориентирована на холостяцкое существование [1]. Необходимость более глубокого изучения детерминант репродуктивного поведения, многодетности, семейного образа жизни, его привлекательных особенностей требует проведения дополнительных эмпирических исследований среди различных групп населения.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №tel:18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Антонов А.И. Коэффициенты рождаемости растут, а население убывает // Российская Федерация сегодня. – 2015. № 13
- 2) Детность. Источник: <http://demographia.ru/node/397>
- 3) Забаев И. В. Семья и деторождение в России: Категории родительского сознания / И. В. Забаев, прот. Н. Емельянов и др.; [под. ред.

М. С. Ковалевой]. – М.: ПСТГУ, 2013. – 222 с.

- 4) Семьецентризм: миф или реальность? / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. – Москва: Москва, 2016. – 324 с
- 5) Семья, дети - жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Ответственный редактор А.И. Антонов. М., Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. – М. – 2015. – 270 с.

Приложения

	Всего	Пол		Возраст		
		Мужской	Женский	18-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок	4,5	4,4	4,6	4,4	4,6	4,6
Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни	3,9	3,8	4,0	3,9	4,0	3,7
Быть счастливым можно и не имея детей	2,6	2,7	2,5	2,5	2,5	2,8
Родители часто бывают менее счастливы, чем те, у кого нет детей	2,4	2,5	2,4	2,4	2,4	2,5
Детей можно заводить только на определенной материальной базе	3,0	2,9	3,0	3,3	2,7	2,7
Правы те, кто, отказываясь от детей, говорит «нечего плодить нищету»	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,0
Люди заводят ребенка только тогда, когда его жизнь перспективна	2,4	2,4	2,4	2,6	2,3	2,3
Нельзя рожать детей при безысходности собственного существования	3,2	3,2	3,2	3,3	3,1	3,3
Надо выполнять заповедь: «Плодитесь и размножайтесь» и не мудрить	2,6	2,7	2,5	2,7	2,5	2,5
В нынешних условиях дай бог одного-то вырастить, а там - видно	3,0	2,9	3,0	3,0	3,0	2,9
Многодетные семьи не пользуются престижем в обществе	2,7	2,7	2,7	2,7	2,8	2,8
Только неразвитые люди могут рожать бесчисленное число детей	2,4	2,4	2,4	2,2	2,6	2,4
Чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем	2,5	2,6	2,5	2,4	2,5	2,7
Только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее	4,1	3,9	4,1	4,0	4,1	4,0
Настоящие люди вырастают в многодетных дружных семьях	3,3	3,3	3,4	3,3	3,3	3,4
Чем больше детей, тем дружнее и сплоченнее семья	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5

Рис. 1. Распределение средних оценок по 16 утверждениям о ценности детей и родительства в зависимости от пола и возраста респондентов*

Коррекция агрессивного поведения трудных подростков методом иппотерапии

Докукина Ирина Александровна

Среднерусский институт управления-филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: irenalks@mail.ru

Проблема воспитания детей-подростков с агрессивным поведением является одной из центральных психолого-педагогических проблем - в этом можно убедиться, исходя из статистики запросов родителей и педагогов. Это связано с тем, что подростковый возраст является одним из самых сложных на этапе становления личности. Причинами агрессивного поведения могут выступать различного вида факторы: гормональные сбои, сложные отношения в семье, непоследовательность в воспитании, слишком строгая дисциплина, реакции группирования, а также сложное мироощущение подростка. Он еще не «взрослый» - ему многое нельзя, но уже и не «ребенок» - от которого многое требуют.

Данное исследование актуально из-за всемирной обсуждаемой, социальной проблемы. Методологической основой настоящего исследования являются основные положения возрастной и педагогической психологии, представленные в работах отечественных и зарубежных психологов: А. Бандуры, Г.Э. Бреслава, Т.В. Драгуновой. Подростковый возраст является еще этапом становления личности, поэтому данный период лучше всего подходит для внесения коррективов в развитие ребенка, для того, чтобы он стал полноценной, самодостаточной личностью. Существует множество методов коррекции агрессивного поведения подростков, например: визуализация, работа в парах, работа в группах, дискуссия, спортивные мероприятия. Одним из видов спортивных мероприятий является лечебная верховая езда, в научной литературе её сокращают в аббревиатуру ЛВЕ. Ее подвид - иппотерапия, по определению французского врача, психолога Осиповой А.А.- «это метод психосоматической терапии, цели и задачи которой - помочь достижению двигательной, психологической независимости и сделать человека способным адекватно реагировать на новые, изменяющиеся обстоятельства» [4, с. 250].

Иппотерапия работает не только с детьми ДЦП, аутистами и инвалидами, но также уделяет внимание работе с детьми, которые не являются социально адаптированными, имеющими психологические или психосоматические проблемы. При общении с лошастью, у каждого человека происходит обмен энергии с ней. При катании на лошади появляется

чувство свободы, повышается самооценка, а так же происходит налаживание социальных связей. Однако иппотерапия - это не просто «катание на лошади» - это так же и уход за ней. Подростки приучаются к самостоятельности, что является основным ведущим новообразованием подросткового возраста, помогают чистить лошадь, кормить её, а также просто выводить на прогулку. Иппотерапия, совместно с коррекционной программой по снижению уровня агрессии, дает положительные результаты. Таким образом, данное исследование является актуальным и направлено на коррекцию агрессии у трудных подростков. В качестве предмета исследования рассматривается агрессивное поведение подростков.

Одним из серьезных симптомов «трудного подростка» является отставание в усвоении школьной программы. В исследованиях М. Раттера был сделан вывод, что одна треть мальчиков с ассоциальным поведением имеет проблемы, выражающиеся в задержке чтения [5, с. 130]. Скорее всего, они возникают в результате действия нескольких механизмов. Первое, это особенности темперамента, которые способствуют возникновению нарушения поведения, они схожи с теми, которые предрасполагают ребенка на возникновение у него проблем с чтением. Второе, это неблагоприятная обстановка в семье. И, третье, сам факт неуспеха школьного обучения приводит некоторых детей к разочарованию и обиде, которые могут перерасти в протест, агрессию и, в конце концов, ассоциальное поведение. Все трудные подростки нарушают правила, которые, как уже описывалось выше, могут иметь делинквентный и/или девиантный характер. Нарушение правил поведения можно выделить в две группы: социализированные формы антиобщественного поведения и несоциализированные формы антиобщественного поведения. Для первой группы не характерны эмоциональные расстройства и они легко приспосабливаются к социальным нормам внутри своих антиобщественных групп: группы друзей и, даже семьи. В основном, такие дети происходят из тех семей, где применяются неадекватные средства воспитания, и такие антиобщественные формы поведения усваиваются ими в институте первичной социализации. Среди таких подростков характерны: прогулы в школе, воровство и алкоголизм. Во втором варианте дети с социализированным и несоциализированным агрессивным поведением [6, с. 120]. Ребенок с социализированными формами нарушения поведения, не имеют ярко выраженных психических расстройств и легко адаптирующийся к различным социальным условиям из-за низкого морального уровня регуляции поведения. Дети с несоциализированными формами нарушения поведения чаще всего находятся в плохих отношениях с семьей и

другими детьми. К этой группе относятся дети с негативным эмоциональным состоянием, имеют те или иные негативные состояния: высокую тревожность, эмоциональную напряженность, возбужденность, депрессивность. Для таких детей характерны такие качества, как: негативизм, дерзость, агрессивность и мстительность. В семье ощущается враждебность, эмоциональное отчуждение ребенка, сильный недостаток заботы, внимания и любви. Несоциализированная агрессивная деятельность характерна для ребенка, имеющего психические нарушения, связанные с эмоциональными расстройствами и отсутствием хороших, приносящих радость, межличностных отношений [1, с. 100].

В России использование иппотерапии началось в 1991 году, после открытия в Москве детского экологического центра «Живая нить». Иппотерапия является одной из форм лечебной физкультуры. Она имеет эффективное воздействие на организм человека, является средством для лечения соматических, психических заболеваний, занимается реабилитацией после травм, а так же может применяться для социальной реабилитации. Оказывает благотворное влияние на физическую и социально-психическую сферу как взрослого человека, так и ребенка. Лечебную верховую езду делят на две группы: иппотерапию (лечение с помощью лошади) и реабилитационную верховую езду (когда человек самостоятельно управляет лошастью под руководством инструктора).

Иппотерапия особенно эффективна в работе с детьми ДЦП, аутистами и детьми с ЗПР [2, с. 90]. Многие дети получают возможность установить нормальные социальные отношения с окружающим миром и улучшить свое физическое состояние. Достигнутые результаты в таком сложном направлении, как работа с детьми-инвалидами, дает немаловажную уверенность в успешности иппотерапии и в сфере коррекции агрессивного поведения. Суть иппотерапии заключается в выполнении пациентом комплекса упражнений на шагающей лошади. Во время верховой езды, благодаря движениям лошади, мышцы всадника попеременно сокращаются и расслабляются [3, с. 25]. Человек, сидя на лошади, полностью подчиняется ее ритму. Лошадь при движении шагом выступает в роли «терапевтического посредника» для всадника, передавая двигательные импульсы, аналогичные движению человека при ходьбе. Она передает пациенту от 90 до 110 разнонаправленных двигательных импульсов в минуту. Данное двигательное воздействие вызывает ответную реакцию пациента, которая помогает инструктору физиологично корректировать двигательную активность больного. Кроме того, температура тела лошади выше человеческой на 1,570 градуса. Движения мышц спины идущей лошади разогревают и массируют спастичные мышцы ног всадника, уси-

ливая кровотока в конечностях. Улучшение кровотока в целом улучшает кровоснабжение мозга.

Иппотерапия - это воздействие не только на физиологическую, но и на психоэмоциональную стороны организма. У большинства людей, особенно это касается трудных подростков, нарушено ощущение пространства себя, ощущения своей личности. Лошадь может увеличить это пространство, расширяя коммуникативные возможности человека. Это происходит тогда, когда человек едет верхом и для того, чтобы управлять лошадью, ему необходимо вступить в контакт с ней, придерживаясь при этом определенных правил. Только в этом случае лошадь отреагирует на требование наездника. После регулярных занятий, происходит перенос о «общения» с лошадью к общению с другими людьми. Дети также стараются находить контакт, приемлемыми для этого способами. К лошади, используемой в лечебной верховой езде, тоже предъявляются требования, касающиеся ее характера, выносливости, типа и даже породы. Характер у такой лошади должен быть уравновешенный (некоторые виды пород нельзя использовать, так как у них имеется врожденный «взрывной» темперамент), лошадь должна идти на контакт, «слышать» всадника, быть терпеливой и надежной. Лошадь не должна быть игривой под всадником, не должна ничего бояться: очень часто лошадь может испугаться любой мелочи, например сильного ветра на улице, что является совершенно недопустимым для лошади, применяемой в иппотерапии. Если все выше приведенные условия соблюдены, то лошадь становится способной понижать уровень тревоги и страха у человека, которые могут привести к агрессии. Иппотерапия стимулирует воздействие на различные органы чувств - зрение, слух, обоняние, осязание и все это сопровождается положительным психотерапевтическим эффектом, потому что ребенок начинает получать новые, неизвестные ему чувства, которые доступны только при занятиях конным спортом. Он получает огромное удовольствие от общения с большим, добрым животным, общение с которым дарит чувство свободы, превосходства над окружающими, что очень важно при формировании адекватной самооценки в подростковый период.

Таким образом, иппотерапия воздействует не только на физиологическое, но и на психологическое оздоровление человека. Является методом лечебной физкультуры, который можно использовать для коррекции агрессивного поведения трудных подростков.

Источники и литература

- 1) Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания

и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс. – М.: Политиздат, 1999. – 512 с.

- 2) Бреслав Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности / Г.Э. Бреслав. - М.: Речь, 2005. - 97 с.
- 3) Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте / Т.В. Драгунова// Вопросы психологии. - 1972. - №2. – С. 25-37.
- 4) Осипова А.А. Введение в практическую психокоррекцию: групповые методы работы / А.А. Осипова. – М.: Воронеж, 2000. – 320 с.
- 5) Раттер М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – М.: Прогресс, 1987. - 280 с.
- 6) Румянцева Т.Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке / Т.Г. Румянцева. – Минск: Университетское, 1991. - 148 с.

Соответствие степеней тревожности респондентов по результатам тестирования тестом М.Люшера и ранжирования наименований цветового ряда

Жаворонков А.В.¹, Королёв А.Л.¹

1 - Институт социологии РАН

Существует проблема получения надежных эмпирических данных о степени тревожности людей с целью последующего выявления взаимосвязей этой тревожности с беспокойностью теми или иными сторонами социального взаимодействия. В настоящей работе получены результаты предварительной обработки данных в эксперименте, который имеет перспективные направления рассмотрения взаимосвязей психологической тревожности с выделяемыми исследователем параметрами общественной жизни. Работа пролонгирует целевой эксперимент по *выявлению валидности методики ранжирования наименований цветового ряда в соответствии её применения по определению психологической тревоги респондента тем результатам, которые получены методикой классического теста М.Люшера* [Жаворонков, 2018]. В проекте «Исследование жизненных ценностей и семейно-детных ориентаций супружеских пар - 2018», проведенного Кафедрой социологии семьи и демографии Социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, интервьюер в заключение тестировал респондента с помощью карточек теста М.Люшера. В начале интервью респондент, отвечая на вопрос о предпочитаемых цветах, ранжировал близкий к тесту М.Люшера ряд названий цветов.

Массив обследованных после выбраковки одинаковых или незаполненных в тестовых разделах документов составил 598 респондентов, представлявших 299 семейных пар. Результаты тестирования словесным и цветовым вариантами были обработаны идентично двояким образом. **Во-первых**, в соответствии с инструкцией обработки результатов теста М.Люшера были получены по четыре группы степеней тревожности (норма/ низкая/ средняя/ высокая степени тревожности) [Марищук и др., 1984]. **Во-вторых**, у каждого из 598 респондентов были получены соответственно каждому тесту два ряда по 64 позиции восьми цветов на восьми местах (матрица Г.Клара [Klar, 1974]). Вторая операция проста, пояснительная схема первой отражена в таблице (см.рис.1).

Обсчёты результатов частотных распределений по двум тестам следующие.

Во-первых, корреляции двух рядов по цветовому и «словесному» тесту средних значений каждой из 64 позиций в массиве из 598 респондентов составили по Пирсону, Кендаллу, Спирмену соответственно +0,893,

+0,762, +0,917 при значимости в 99,9%.

Во-вторых, четыре степени тревожности, определенные по цветным карточкам теста М.Люшера, дали следующие доли массива в целом: 22% - норма, 41% - низкая, 23% - средняя, 13% - высокая степени тревожности. Эти же доли массива по «словесному» тесту составили соответственно 26%-34%-26%-14%.

В третьих, коэффициенты взаимной сопряженности частот степеней тревожности по двум тестам в таблице 4 на 4 с девятью степенями свободы составляют: $K_{\text{Пирсона}} 0,627$, $V_{\text{Крамера-Чупрова}} 0,362$, $C 0,531$ при ($Q > 99,95\%$).

В упомянутой выше работе [Жаворонков, 2018] на 127 респондентах (97 школьников старших классов и 30 студентов 2 и 3 курсов факультета управления РГГУ, обследованных в 2009г.) аналогичные показатели выглядят несколько иными, но близкими.

1 - Корреляции матриц Г.Клара составляют соответственно в значениях тех же коэффициентов в том же доверительном интервале +0,737, +0,559, +0,714.

2 - Соотношение долей по тревожности, полученных тестом М.Люшера, оказывается 19%-28%-41%-12%, а полученных вопросом о предпочитаемых цветах - 20%-31%-31%-18%.

3 - Коэффициенты взаимной сопряженности срезов тревожности, исходя из частот цветового и «словесного» теста в аналогичных таблицах 4 на 4, несколько выше: $K_{\text{Пирсона}} 0,707$, $V_{\text{Крамера-Чупрова}} 0,408$, $C 0,577$ при ($Q > 99,95\%$).

Рассмотрение взаимосвязей групп по степеням тревожности, полученных двумя методами, с целым рядом социально-демографических, поведенческих и мировоззренческих признаков в исследованиях с 1990г. (словесный тест практикуется нами с этого времени) выявило целесообразность объединения двух групп низкой и средней степени тревожности в одну для некоторых процедур анализа. Во-первых, «триады» демонстрируют большую устойчивость долей (норма/низкая и средняя/высокая тревожность), во-вторых, сила отклонения частот признаков, связь с которыми рассматривается, становится определённое. Повышение же надёжности выводов как раз наиболее желательно при пилотажном характере исследований, отрабатывающем эффективность испытываемого инструмента. Затем можно вернуться на «круги своя».

Для наглядности картина анализа сопряженности укрупнённых степеней тревожности, полученных двумя методами в исследовании семей в 2018г., отражена на рисунке 2.

Коэффициенты взаимной сопряженности частот степеней тревожно-

сти по двум тестам в таблице (см.рис.2) (3 на 3 с четырьмя степенями свободы) составляют: $K_{\text{Пирсона}} 0,559$, $V_{\text{Крамера-Чупрова}} 0,395$, $S 0,488$ при ($Q > 99,95\%$). Сопряженность результатов тестирования двумя методами достаточно высокая. Две трети (65%) протестированного массива оказываются в одних и тех же областях психологической тревожности вне зависимости от метода тестирования. Одна треть (33%) разбросана по четырём «смежным» между собой «зонам», а «полярные» позиционирования респондентов в области психологической тревожности по двум тестам нерепрезентативны. Отклонения частот по критерию Стьюдента с 95% значимостью также свидетельствует о высокой прямой зависимости градаций признаков, полученных разными методами.

(Однако именно эти две группы (по 1% каждая) представляют наиболее интересных для социологического и социально психологического изучения людей. Этими респондентами фиксируются противоречивые состояния полярных чувственной и лексической форм цветовых выборов и рефлексий цветовых предпочтений. Вопрос о причинах такой позиции, о том, какие тренды семейного развития они представляют, относится и к составляющим 33%-ный слой. И здесь необходимо выяснение того, существуют ли связи этих явлений с типами социального взаимодействия или это всего лишь следствие своего рода «броуновского» движения стохастического вероятностного процесса в обмене человеческими свойствами)

С 1990г. в ряде исследований нами постоянно изучались связи степеней тревожности, полученных той или иной методикой. Информация представляемого проекта не составила исключения. **Тревожность в семье рассмотрена здесь в связи с согласованностью у супругов, во-первых**, взглядов на типы семьи, измеренных по семантическому дифференциалу, **во-вторых**, оценок жизненных факторов семейного благополучия, **в-третьих**, оценок феминистических и ориентированных на семью суждений общественного мнения, **в-четвертых**, оценок мер господдержки семьи, **в-пятых**, жизненных ориентаций для себя и для детей, **в-шестых**, совпадения эмоциональной атмосферы по цветовым рядам. Рассмотрим по теме статьи последнюю.

В процессе обработки информации были получены 299 парных коэффициентов tau-b Кендалла относительно шкал оценок указанных параметров у каждой семейной пары *(Во всех случаях группы по степени совпадения супружеских ориентаций в семейной паре относительно указанных параметров выявляются на основе корреляционных рядов значений tau-b Кендалла (совпадения шкал с оценками) у мужа и жены. Так как эти ряды имеют распределения близкое к нормальному,*

группы строятся на основе стандартного отклонения, а затем рассматриваются в связях с группами по степени тревожности). Степени совпадения эмоциональной атмосферы в семье выявлялись, с одной стороны, корреляцией рядов рангов выбора **цветовых карточек** теста М.Люшера женой и мужем, а с другой стороны, - рядов ранжированных по предпочтению **наименований** цвета. На основании критерия $X_{\text{среднее}} \pm 1\sigma$ из каждого ряда были получены по три группы степени согласованности эмоциональной атмосферы: низкая/средняя/высокая. По карточкам М.Люшера они составили 19%-63%-18%, а по «словесному» тесту 18%-65%-17%. В таблице на рисунке 3 приведены данные самых сильных взаимосвязей из четырёх возможных.

Итак, данные таблицы свидетельствуют о чётко выраженной обратной связи степеней тревожности и семейного согласия в плане эмоциональной атмосферы. **Чем выше степень тревожности, тем меньше согласованность цветовых предпочтений. И наоборот - чем меньше тревожность, тем выше согласованность цветовых предпочтений супругов.** Коэффициенты взаимной сопряженности составляют здесь $K_{\text{Пирсона}} 0,167$, $V_{\text{Крамера-Чупрова}} 0,118$, $C 0,165$ при ($Q > 98\%$). Имеет смысл отметить, что из четырёх логически возможных сочетаний измеренных параметров (тест М.Люшера/«словесный» тест, дающие два типа тревожности и два типа согласованности, то есть четыре зоны логического квадрата) три варианта чётко указывают с различной степенью достоверности на сделанный логический вывод. Только рассмотрение в качестве фактора степени тревожности по «словесному» тесту, а в качестве следствия степени согласованности мужа и жены в эмоциональном выборе цветовых карточек пока не обнаруживает значимых (выше 80% надёжности) отклонений. Здесь, вообще-то, возникают достаточно фундаментальные проблемы измерения и его погрешностей на пересечении форм смысловой рефлексии и чувственных выборов, но независимо от их разрешения ясно следующее. Обеспокоенность или спокойствие в семье - это степень эмоциональной согласованности, гармоничности отношений жены и мужа. «Перемножение» степени тревожности на шкалы ранжированного цветового ряда это своего рода **количественно-качественная структура эмоционального взаимодействия** в общности «семья». И дальнейший анализ полученных взаимосвязей и корреляций должен идти как в границах массивов, где единицей измерения служит отдельная семья, как поле того или иного социально типического взаимодействия, так и по дифференцированным по полу направлениям анализа. Необходимо исследовать связи полученных параметров с различными областями социальной жизни в масшта-

бах различных общностей. И, конечно, необходимо совершенствование перспективного инструмента как за счёт увеличения объёма статистического материала, так и путем улучшения инструментария.

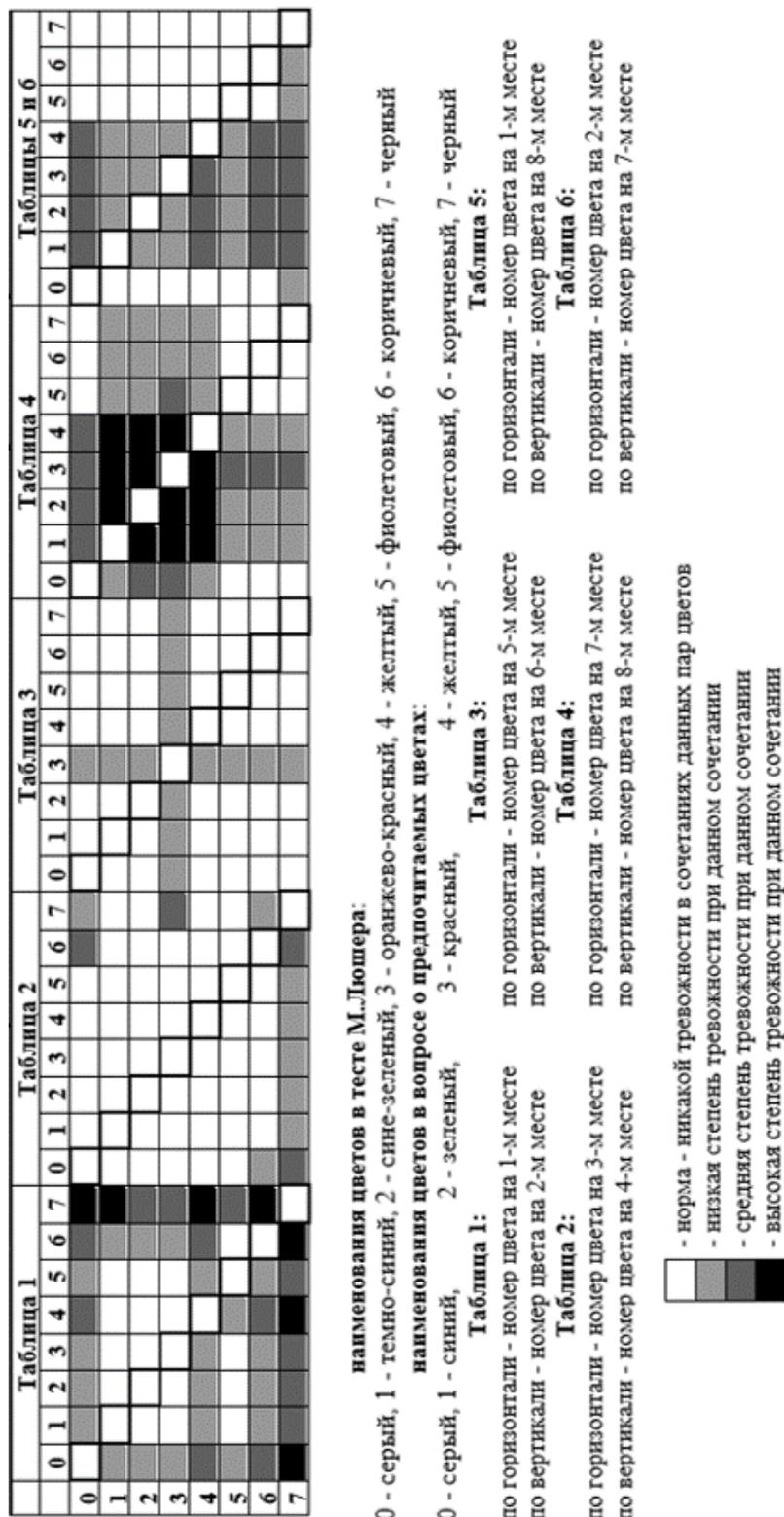
В заключение - одно замечание о практическом значении полученного результата. Посылка данной работы, исходящая из школы Г.М. Андреевой от её ученика В.Л. Павлова, приводит к возможности комбинированного формата социологических процедур. Можно, осуществляя исследования большими массивами со «словесным» тестом, корректировать в подвыборках (скажем в 500 респондентов), показатели степени тревожности и согласованности объединений и общностей людей. Хорошо разработанный инструментарий интервью или анкет позволяет свести к минимуму временные затраты на выборы стимульного материала по М. Люшеру. Успешный опыт применения метода семантического дифференциала Ч. Осгуда в массовых опросах в совместных с Кафедрой социологии семьи и демографии МГУ исследованиях позволил получить несколько тысяч документов высокой степени надежности, позволяющих построить конструктивные модели демографического поведения. Сочетание исследовательских техник генетики, биологии, психологии, социологии, семиотики и психолингвистики открывает хорошие перспективы.

(Исследование выполнено методом анкетного опроса в онлайн и оффлайн формах во втором квартале 2018 года при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037. Стимульный материал к методике «Метод цветových выборов» (МЦВ) был предоставлен Институтом прикладной психологии. Программа компьютерной обработки разработана А.Л.Королёвым)

Источники и литература

- 1) Жаворонков А.В. Связь психологической тревожности с некоторыми социальными параметрами в 1991, 2012 и 2016 гг. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / М. 2018.
- 2) Марищук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А., Серова Л.Р. Методики психодиагностики в спорте. М., 1984.
- 3) Klar G. et al., Luscher-Tesf. Bern-Stuttgart, 1974.

Приложения

Получив уровень тревожности по всем шести парам сочетаний цветов у каждого респондента, выбираем у него наивысший. Это и есть уровень тревожности по тесту М.Люшера. Аналогично определяется уровень тревожности и по «словесному» тесту.

Рис. 1. Схема определения степеней тревожности по сочетаниям пар цветов, выбранных на соответствующих местах по тесту М.Люшера, а также по ранжированию названий цветов. Уровень тревожности в клетках таблиц обозначается дифференцированно типом заливки, исключая выделенную диагональ, так как один цвет не может быть одновременно на двух местах

Сопряженности частот тестов		Степени тревожности определенные по предпочтению названий цвета										
		В % по массиву в целом				В % к группам подлежащего				В знаках отклонения		
		«-»	«+-»	«+»	S	«-»	«+-»	«+»	S	«-»	«+-»	«+»
Л ю ш е р	S	26	60	14	100	26	60	14	100	26	60	14
	«-»	13	8	1	22	59	38	3	100	+++	---	•
	«+-»	12	46	7	65	18	71	11	100	---	+++	---
	«+»	1	6	6	13	5	44	51	100	•	---	+++

- S - в целом
«-» - норма, никакой тревожности в сочетаниях пар цветов
«+-» - низкая и средняя степень тревожности
«+» - высокая степень тревожности

Рис. 2. Взаимосвязь частот распределения минимальной (норма), умеренных (слабая и средняя) и высокой степеней тревожности, полученных в обработке данных теста М.Люшера и словесного ранжирования предпочитаемых цветов (в % в массиве в целом, по отношению к группам подлежащего и в знаках силы отклонения частоты на пересечении признаков от частоты в массиве в целом по критерию Стьюдента в 80% /+ или -/, 90% /++ или - -, 95% /+++ или - - -/ доверительных интервалах; "•" означает непредставительную частоту; n = 598)

Тревожность и согласованность		Степени согласованности выборов предпочитаемых названий цвета										
		В % по массиву в целом				В % к группам подлежащего				В знаках отклонения		
		«-»	«+-»	«+»	S	«-»	«+-»	«+»	S	«-»	«+-»	«+»
Т р е в о ж н	S	18	65	17	100	18	65	17	100	18	65	17
	«-»	3	16	7	26	13	60	27	100	-	-	+++
	«+-»	11	41	8	60	19	67	14	100	+-	+	--
	«+»	4	8	2	14	25	63	12	100	+	+-	-

- S - в целом
«-» - норма, никакой тревожности / низкая степень согласованности у супругов
«+-» - низкая и средняя степень тревожности / средняя степень согласованности
«+» - высокая степень тревожности / высокая степень согласованности супругов

Рис. 3. Взаимосвязь групп по степени согласованности ранжирования предпочитаемого цвета между женой и мужем и групп по степени тревожности, полученных в обработке словесного ранжирования предпочитаемых цветов (в % в массиве в целом, по отношению к группам подлежащего и в знаках силы отклонения частоты на пересечении признаков от частоты в массиве в целом по критерию Стьюдента в 80% /+ или -/, 90% /++ или - -, 95% /+++ или - - -/ доверительных интервалах; n = 598)

Социальный статус семьи – эмпирическая система индикаторов эффективности экономической политики

Злотникова Лидия Михайловна

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

E-mail: lidia_zlotnikova@mail.ru

В последние десятилетия в мировой гуманитарной науке предпринимаются усилия по поиску и обоснованию новых показателей оценки результативности общественного развития. До 2013 г. под эгидой ЮНЕСКО проводился расчёт человеческого развития. В настоящее время оценка изменений в цивилизационном развитии проводится под новым названием, т.е. индекс человеческого развития переименован в «индекс развития человеческого потенциала». Принято считать, что как первый, так и второй показатель характеризуется как интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни грамотности, образованности и долголетия. Он обозначен стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов.

Параллельно периодически проводятся исследования по определению уровня счастья. На наш взгляд, обозначенные попытки оценки достижений развития общества и человека носят ограниченный характер. Основная причина низкой эффективности используемых принципов и методов заключается в том, что проводится сбор итоговой количественной информации. Ее величины находятся в значительной степени в жёсткой зависимости от субъективного подхода руководителей тех или иных государственных статистических органов управления. В качестве примера можно привести действие системы двойного учёта в здравоохранения. Сложившаяся практика медицинской статистики такова, что отражение реальных результатов влечёт за собой снижение финансирования, ухудшение материального положения медицинских учреждений, включая работающих врачей.

Усиленное внимание к конечным результатам, положенным в мировую оценочную систему, не отвечает требованиям времени ещё и по причине полного отсутствия внимания к основному производителю человеческого капитала, а также формированию человеческого потенциала - семье. Сформированная в 18 в. классическая экономическая теория определила основные факторы производства в виде земли, капитала и труда. Высокий уровень абстрагирования от действительности позволил основоположникам экономической теории и их последователям рассмат-

ривать требуемые изменения под воздействием рыночных законов. Обратно говоря, совершенствование каждого из перечисленных факторов должно происходить автоматически.

Можно согласиться с тем положением, что благодаря использованию различных технологий, например выведение земли из оборота на определённое время, позволит восстановить плодородие, в банковской сфере управление денежной массовой приведёт к повышению эффективности использования. Манипулирование заработной повысит заинтересованность к трудовой отдаче, повышению ценности необходимого труда и т.д.

Данное упрощение используется не только в экономической теории, но и современной экономической политике. Небольшой анализ научных тем, которые высоко оценивались в течение многих десятилетий Нобелевским комитетом говорят о том, что основной производитель человеческого капитала - семья без должного внимания. Используемое умозаключение не отрицает научного интереса к социальным процессам в сфере семейных отношений. Демографы, социологи, психологи, врачи, используя узко специализированный подход постоянно тратят много усилий на исследование собственного предмета исследований. Но общей картины о том, что происходит со современной семьёй, к сожалению, не существует.

Сложно назвать те сферы гуманитарных исследований, в которых не проявляется тревога по следующим социальным проблемам, рождаемость, смертность, морально-нравственное состояние человека, его эффективная трудоспособность, трудоспособная продолжительность жизни и т.д. первым шагом на пути перечисленных проблем, на наш взгляд, должно стать радикальное изменение отношений к семье, как социальному институту. Именно семья была, есть и будет основой любого общества.

Мы не будем углубляться в проблему физиологического деторождения и уточнения понятия «семья», но обратим внимание на наиболее жизненно необходимые. Первый оценочный критерий благополучия семьи и эффективности экономической семьи должен стать коэффициент здоровой репродукции подрастающего поколения. Бесплодие медленно, но верно становится своеобразным бичом современности. Оно формируется в течение длительного периода времени. В медицине на уровне теории обосновано наличие зависимости состояния репродуктивного здоровья от перенесённых заболеваний. На первый взгляд как ангина, различные простудные и вирусные инфекции способны привести к осложнениям в виде снижения или уничтожения репродуктивной функции. В тоже время организация медицинской практики в современных условиях полностью исключает системный мониторинг подрастающего поколения.

Нет детских врачей андрологов, гинекологов, не проводится грамотная профилактика и обучение молодых родителей по основам формирования репродуктивного здоровья.

Среди факторов риска ослабления репродуктивной функции все чаще врачи называют лишний вес и ожирение подрастающего поколения. Одним из действенных способов поддержания и укрепления репродуктивного здоровья бесспорно является систематическая физическая нагрузка. Однако доступность различных спортивных площадок, постоянных тренировок (не для спортивных достижений), а поддержания здоровья с каждым годом становится все более проблематичным. Государственная политика коммерциализации социальной сферы в буквальном смысле слова все сильнее закрывает доступность физкультурно-оздоровительных объектов не только для взрослых, но и детей. Постоянный рост цен, отсутствие грамотных специалистов, ограниченные возможности проведения совместных семейных тренировок негативно действуют на формирование репродуктивного здоровья.

Особое место в формировании репродуктивного здоровья, как и формирования личностного потенциала занимает действующая система затрат. Как уже указывалось, коммерциализация социальной сферы приобрела настолько уродливые формы, что члены семьи (в настоящее время - это преимущественно женщины) официально признаны «тунеядцами» в Республике Беларусь. В соответствии с законодательными нормами, если член семьи не работает в общественном производстве по достижению ребёнком 11-летнего возраста он подвергается материальной ответственности, т.е. должен уплатить определённую материальную сумму в бюджет государства. К тому же все жизненно необходимые услуги отец или мать, занятые воспитанием обязаны оплачивать в полном объёме. Платность медицинских, образовательных, коммунальных услуг - это ещё одна системная проблема. В Республике Беларусь время, проведённое в учреждениях средне специального и высшего образования, не включается в общий трудовой стаж. Получение профессии, даже, если оно происходит за собственные деньги государством оценивается «как свободное времяпровождения».

Государственная политика коммерциализации становления и развития человеческого потенциала противоречит сути развития цивилизации. В известной работе Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» дана очень точная характеристика «Почти все экономисты уклоняются от анализа противоречия между принципом максимизации прибыли и тем, что повсеместно принято считать принципами рационального поведения ... довольно простым, но едва ли убедительным образом: они

игнорируют современную действительность» [1]. Социально-экономическое игнорирование действительности наиболее ярко прослеживаются в отношении семьи. Максимизация прибыли в краткосрочном периоде для отдельного экономического субъекта (человека или промышленного предприятия) полностью отрицает наличие подлинного производителя настоящего капитала. Человек, который сегодня оценивается с позиций либо эффективного производителя материальных благ, либо универсального производителя, не появляется сам по себе. Для этого необходима сложная система отношений между людьми, человека и общества, человека и государства.

Сложно не признать широкое распространение самонадеянности в понимании механизмов формирования поведения человека, его отношения к самому себе, морально-нравственным принципам жизнедеятельности. Бесспорно, что ещё несколько столетий тому назад разобщённое существование человека было нормой. Человек нес полную ответственность за себя и членов семьи. Высокий уровень изолированности поддерживался экономическим статусом. По этой причине творцом и хранителем традиционных ценностей была семья.

Развитие общественного производства по пути узкой специализации и дифференциации сопровождался перенесением функций контроля за пределы семьи. Индустриализация снижает экономическую и социальную значимость семьи. Производителя интересует только высокий уровень производительности и способности приносить доход собственнику. Отношение между людьми все чаще основываются на принципах экономической статусности. Объективно роль семьи, как фундаментальной основы цивилизационного развития, остаётся решающей. Социальные, морально-нравственные установки, цели и ценности закладываются в семье. Физическое, психическое и репродуктивное здоровье были и в ближайшее время будут отражать социальный статус семьи. Сложно отрицать влияние общественного мнения, средств массовой информации, однако только семья способна вносить серьёзные коррективы. В связи с этим возникает проблема между реальным статусом и гипотетическими требованиями. Оказать сущностное влияние на поведение подрастающего поколения, формируемые под внешним влиянием поведенческие ценности семья способна только в том случае, если обладает временными, денежными и материальными ресурсами. Однако реализуемая экономическая политика государства, нацеленная на материальное обогащение, априори рассматривает семью не только как бесплатный источник производства трудовых ресурсов, но и активно коммерциализирует основные институты социализации человека. Сложно оспорить тот факт, что

некоторые представители человеческой цивилизации способны глубоко понимать природу человека, прогнозировать его поступки и т.д. Преобладающее большинство не владеют такими навыками.

Ускорение темпов индустриализации сопровождается увеличением сложностей в отношениях между людьми. Расширение знаний о человеке - это насущная потребность современности - с одной стороны. А с другой - возвышение материального производства влечёт за собой низведение социального статуса семьи. В повседневной жизни можно постоянно наблюдать нарастание разрыва между подлинной ценностью жизни человека, соответственно статуса семьи и ценностью материального богатства. Сложно представить ситуацию, при которой доходы производителей фиктивных денежных средств были бы равны затратам семей на формирование нового человека. Ни один банк всегда и везде содержит банковские авуары под присмотром. Если дети оказываются предоставленными сами себе, вся вина ложится на родителей. О том, что они не имеют реальных возможностей, государство не интересуется.

Вернуть подлинный социальный статус семье архисложно. Практика показывает, что недостаточно признать на вербальном уровне высокую значимость семьи. На первом этапе, на наш взгляд, необходимо проведение полномасштабного социально-экономического исследования по определению реального статуса семьи, вернув социологии ее подлинное значение. За годы так называемых реформ сформирована и реализуется система стимулирования безусловных рефлексов. Телесный вещизм потеснил функционирование институтов социализации. Средства массовой информации переполнены так называемыми достижениями тех, кто торгует телами. Как отмечал П. Сорокин «мутация поведения - это ответ на революционные преобразования». И сегодня сложно, но необходимо возвращать подлинный статус семье. Сделать это возможно на пути изменения целей институтов социализации. Во-первых, образование, наука, культура, здравоохранение должны служить семье, а не промышленному производству. Во-вторых, государство обязано отказаться от процессов коммерциализации социальной сферы. В-третьих, эффективность экономической и социальной политики должна оцениваться не на основе макроэкономических достижений, а повышении социального статуса семьи. Увлечённость макроэкономическими результатами, примитивными арифметическими тождествами закономерно влечёт за собой игнорирование всего человеческого в человеке. Идеологическим сторонникам и последователям математической макроэкономики безразличен источник источников роста. Уход от политики макроэкономических достижений к анализу и учёту подлинных изменений в социальных процессах наиболее

сложный и противоречивый процесс. Мы прекрасно осознаем трудности, которые возникнут на пути изменения целей и ценностей, перемещения внимания от одного объекта воздействия к другому. Другого пути возвращения к подлинному развитию цивилизации, на наш взгляд, не существует. Закончить размышления по обозначенной проблеме хотелось бы словами И. Пригожина: «Современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли» [2]. Возвращение подлинного социального статуса семье - это единственно закономерный верный путь к целостности существования.

Источники и литература

- 1) Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021> (дата обращения 20.11.2018)
- 2) Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. URL: https://scorcher.ru/art/theory/determinism/order_from_chaos.php (дата обращения 25.11. 2018)

Легитимность политических решений в области однополых отношений в России

Зырянова Александра Николаевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: alexandrasyryanova@yandex.ru

В настоящее время всё большую актуальность приобретает тема гомосексуализма, гомосексуальных отношений, в частности уровень его распространенности в России, представленность темы в СМИ, различные социально-политические дискуссии. На наш взгляд, исследовательская проблема заключается в том, что, с одной стороны, существует мнение о дискриминации прав сексуальных меньшинств российским государством, с другой - так же существует мнение о нарушении генеральных ценностей россиян и противоречие законодательству ЛГБТ в своей деятельности и проявлениях. Исследовательский вопрос данной работы формулируется следующим образом: «Легитимны ли политические решения в области однополых отношений в России? Если да, то каков тип и уровень этой легитимности? Если нет, то по каким основаниям принимаются такие политические решения?»

Основной целью исследования является изучение легитимности политических решений в сфере гомосексуализма в виду сложившегося противоречия. Достижение цели предполагается с помощью решения ряда задач:

1. Выделить релевантные политологические подходы к определению и классификации легитимности власти.
2. Проанализировать основные политические решения в сфере гомосексуализма за последние 5 лет (2013-2018 гг.)
3. Выделить тип легитимности политических решений в сфере гомосексуализма в России.

Объектом работы является гомосексуализм как часть общественно-политического ЛГБТ-движения.

Предмет - легитимность политических решений в сфере гомосексуализма в современной России.

В данной работе под легитимностью власти понимается признание народом представителей власти и их политических решений, неформальное согласие и одобрение их действий. Данное определение было скомбинировано, исходя из политологических рассуждений Э. Панеях, понимающей легитимное действие как «действие, которое не оспаривается никем из игроков, которые имеют право и возможности это действие оспорить»

[9]; рассуждений В.А. Ачкасова, С.М. Елисеева и др., выделяющих три условия легитимности, удовлетворение властью которых образует нормативную основу легитимности [8]:

- 1) власть соответствует и руководствуется принятым или установленным в обществе правилам и нормам;
- 2) эти правила оправданы путем ссылки на веру, которую разделяют и управляемые, и управляющие;
- 3) имеются доказательства согласия подчиненных на существующие отношения власти.

В настоящее время в России, согласно исследованиям ВЦИОМ, власть в целом признается легитимной 86% россиян [10]. При этом, как отмечает А.А. Керимов, современное российское общество характеризуется низким уровнем развития политической культуры, подверженностью манипулированием сознания, принятием обмена демократических свобод на «относительное экономическое благополучие» [6].

В политической теории легитимность власти рассматривается многими исследователями, которые предлагают типологии и классификации её по различным основаниям. Наиболее интересными в рамках данной работы выступают теории, предложенные Д. Истоном и М. Вебером.

Д. Истон разработал несколько типологий, раскрывающих суть объекта, содержания и длительности легитимности власти. По временному критерию Д. Истон выделяет 2 основных типа поддержки, власти [14].

1. Диффузная - общая, долговременная, во многом аффективная поддержка идей и политических решений, касающихся наиболее важных принципов политического устройства без учета результатов данных действий.

2. Специфическая - инструментальная, рациональная, кратковременная, поддержка власти и её политических решений и действий.

По источникам легитимности власти Д. Истон предлагает выделять 3 типа легитимности [5].

1. Идеологический связан с ценностями и нормами, общественными убеждениями, которые отражены в политических решениях и действиях.

2. Структурный - определяет отношение населения к самой структуре политического режима и распределения в нем ролей для принятия и реализации властных решений.

3. Персональный - характеризует отношение граждан к лицам, выполняющим властные полномочия и роли в рамках существующего политического режима.

М. Вебер

в рамках теории политического господства выделяет 3 типа легитимного

господства [2]:

1. Легитимность рационального характера, которая основывается на законности (или вере в неё) осуществления власти. Здесь важно соблюдение принципов правового государства. Сомнений в легитимности власти не возникает, если все действия и полномочия официально закреплены в законодательстве.

2. Легитимность традиционного характера, основанная на вере в легитимность главы, которая основана на существующих традициях. Под традициями здесь понимается в том числе традиция при передаче и осуществлении власти.

3. Легитимность харизматического характера, предполагающая поддержку на основе личностных свойств и качеств лидера. Личность правителя в таком случае персонифицируется, наделяется особыми качествами, а том числе всезнанием и предвидением.

Идеи М. Вебера и Д. Истона позволяют целостно подойти к анализу легитимности политических решений в сфере гомосексуализма: выделить источники этой легитимности, определить тип и продолжительность поддержки решений, а также установить тип господства власти над гражданами в случае легитимности этого господства.

Легитимность политических решений в России крайне важна ввиду постоянной трансформации взглядов, ценностей и предпочтений, в частности у молодёжи, наиболее склонной к радикальным и бескомпромиссным ответам. Как уже было отмечено, в целом россияне лояльно относятся к власти и её политическим решениям, однако, в отношении ЛГБТ-движений складывается особая ситуация, которая затрагивает многих не только с точки зрения нарушения их личных прав, но и с точки зрения моральных и нравственных принципов, ценностей и традиций.

Говоря о факторах, или причинах, высокого уровня признания власти, А.А. Керимов отмечает, что легитимность президентской власти основана на нравственном идеале, безупречности образа лидера страны, что отражается в его традиционных взглядах на семейные ценности, которые вступают в некоторое противоречие с ЛГБТ [6].

Анализируя эволюцию отношений к гомосексуализму по данным ВЦИОМ, можно отметить, что с 2007 г. доля людей (21%), выступающих за «ограничение гомосексуализма», увеличилась в 1,5 раза (33%); а доля людей, поддерживающих мнение о введении уголовного наказания за гомосексуализм, увеличилась в 2 раза и на 2013 г. составляет 42% [4].

Всё это еще раз подтверждает актуальность изучения проблемы однополых отношений в России, что заставляет обратить внимание на отражение общественного мнения в политических решениях и поддержки этих

решений населением. Наиболее остро общественность восприняла Федеральный закон «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» 2013 г., запрещающий «действия, направленные на популяризацию нетрадиционных сексуальных отношений» [6], что подразумевает запрет на формирование: 1) нетрадиционных сексуальных установок; 2) привлекательности гомосексуализма; 3) искаженного представления о равноправии пар; 4) интереса к гомосексуальным отношениям [7]. При этом, согласно исследованию ВЦИОМ, реализованному в 2013 г., 88% поддержали введение этого запрета.

Одним из основополагающих документов, отражающих права нетрадиционных сексуальных ориентаций, является Семейный кодекс, согласно ст. 12 которого брак может быть заключен только между мужчиной и женщиной, что детерминирует сложившуюся ситуацию с однополыми отношениями в России в целом. Проанализировав базу данных социологических опросов ВЦИОМ 2005-2013 гг., нами было выделено несколько заключений. Около 86% не согласны с тем, что однополые пары должны иметь право вступать в брак, что подтверждает легитимность и востребованность ст. 12 СК РФ. Доля людей, считающих, что такое право у сексуальных меньшинств должно быть, составляет 4%. Стоит отметить, что в 2005 г. аналогичный вопрос выявил 14% считающих, что однополые пары должны иметь право на вступление в брак, и 58% отметили свое несогласие с этим. Интересно то, что почти 15 лет назад россияне терпимее относились к сексуальным меньшинствам.

На наш взгляд, это может быть связано, во-первых, с популяризацией и распространением гомосексуальных отношений: если раньше люди в целом не встречались с активными проявлениями однополых отношений, то в настоящее время люди с нетрадиционной ориентацией не скрывают этого, открыто об этом говоря, участвуя в различных массовых мероприятиях, в программах различного формата на телевидении, что могло подогреть интерес общественности к сущности гомосексуализма и сформировать новые представления об этой группе.

Во-вторых, по мнению В.В Кортунова, «возрождение гомофобии» можно объяснить статусом если не привилегированной, то особенной группой общества, представителей которой сложнее уволить с работы, исключить из вуза, что может рассматриваться как дискриминация [7]. В-третьих, что вытекает из предыдущего положения, представителем такой группы стало быть «модно и выгодно», это притягиваем внимание и гарантирует некоторую «неприкосновенность личности» [7]. Именно в этот период (с 2005 г. по 2013 г.) гомосексуализм в России набирал обороты, для своей легитимности было необходимо доказывать либеральность и про-

грессивность группы: активно создавались специализированные сайты знакомств, форумы, гей-клубы, гей-журналы, такси для геев. Возможно, столь громкое заявление о себе возмутило большую часть россиян, настроило и обернуло против себя.

В 2013 г. на волне возросшей заинтересованности в сфере гомосексуальных отношений, их уместности и допустимости в российском обществе, был принят закон об ограничении пропаганды однополых отношений, возможность принятия которого поддержали 88% населения и 7% усомнились в его необходимости. Интересно, что абсолютное большинство тех, кто в целом не одобряет (и одобряет) деятельность президента и премьер-министра поддержали возможность принятия данного закона, что говорит о высоком уровне поддержки со стороны населения этого закона и о легитимности этого политического решения [1].

М. Фуко в работе «История сексуальности» выдвигает тезис о глубокой связи властных и сексуальных отношений. И. Соболева и Я. Бахметьев отмечают, что российская власть во время кампании по регулированию нетрадиционных сексуальных отношений использовала аргументы биополитики, деиндивидуализирующей человека, которые применяются властью постоянно (запрет распоряжаться своим телом выражен в ограничении возраста сексуального согласия, ограничении периода прерывания беременности и т.д.) [11]. Авторы считают, что это политическое решение нельзя полностью назвать легитимным ввиду демонстрации дискриминирующей биополитики, усиления социального неравенства и бескомпромиссности в этом вопросе.

На наш взгляд, принятие именно этого закона и именно в его формулировке (ст. 6.21. о «Пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних») дает представление о наличии некоторого компромисса: закон не запрещает состоять в однополых отношениях; не запрещает информирование о нетрадиционных сексуальных отношениях. Данный закон призван ограничить информирование об однополых отношениях только в отношении несовершеннолетних [3].

Исследуя легитимность принятия данного закона следует рассмотреть позицию меньшинства в этом вопросе, а именно реакцию ЛГБТ на регулирование их сексуальности. И. Соболева и Я. Бахметьев выделили 3 типа реакции, изучая представителей сексуальных меньшинств посредством 77 глубинных интервью: игнорирование государственной политики, ответный протест, принятие предложенных правил игры. Принятие предпочли люди, принимающие позицию большинства. Игнорирование предполагает избегание контакта с государственными органами и поиск механизмов вне-государственного регулирования отношений. Про-

тест подразумевает выбор стратегии борьбы, непринятие государственного решения [12]. В целом представители ЛГБТ не изменили своих поведенческих практик, но добиваются огласки этого решения, защиты прав дискриминируемых групп, не упуская возможности преодоления барьера нарастающего отчуждения. Масштабных акций протеста против этого закона с принятием закона 2013 г. обнаружено не было, поэтому можно говорить о некотором согласии меньшинств с политическим решением государства о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и условной легитимности к этому решению.

Говоря о типе легитимности политических решений в области однополых отношений, следует отметить, что и М. Вебер, и Д. Истон выделяют идеальные типы легитимности, в реальности которые могут не существовать, а проявляться в синтезе с другими типами. Анализируя легитимность политических решений по вышеставленному вопросу в соответствии с теорией Д. Истона, можно предположить, что в России этот вопрос соединяет в себе и диффузный, и специфический тип поддержки власти (на наш взгляд), которая характеризуется:

- 1) долговременностью, присущей диффузному типу, ввиду постоянного присутствия неприязни общества к однополым сексуальным связям (ещё в СССР было уголовное наказание за мужеложство);
- 2) рациональностью, присущей специфическому типу, предполагающей сохранение семейных ценностей, брачно-семейной структуры общества, удержание показателей демографической политики на приемлемом уровне.

По источникам легитимности власти, выделенным Д. Истоном, на наш взгляд, легитимность таких решений относится к идеологическому типу, который связан с ценностями и нормами, общественными убеждениями. Именно морально-нравственные основания не дают российскому населению принять и поддержать однополые сексуальные отношения, поэтому государство принимает лояльные решения о запрете пропаганды среди детей, не сильно затрагивающие меньшинства и одновременно охраняющие существующие семейные ценности.

Изучив и проанализировав легитимность политических решений в сфере однополых сексуальных отношений следует вывод о высоком уровне легитимности россиян к принятым решениям (о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений) не только со стороны «традиционного» большинства, но и ЛГБТ сообщества, которые стараются нейтрально относиться к принятому закону, не организуют протесты и не нарушают закон демонстративно. Исследовав мнения россиян, согласно базе данных опросов ВЦИОМ, мы приходим к выводу, что для России характерен идеологический тип легитимности власти в этом вопросе.

Источники и литература

- 1) База результатов опросов россиян "Архивариус". Поиск: гомосексуализм. URL:https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=&text=%D0%B3%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%BB&logic=AND&in_q=on&day_f1=&month_f1=&year_f1=&day_t3=&month_t3=&year_t3=&ds=2&day_f2=&month_f2=&year_f2=&day_t2=29&month_t2=5&year_t2=2017 (дата обращения: 15.06.2018).
- 2) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Том 1 / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2016. 439 с.
- 3) Закон о запрете пропаганды гомосексуализма: аспекты и трактовка // РИА Новости. 2013. URL: <https://ria.ru/infografika/20130709/948546631.html> (дата обращения 16.06.2018).
- 4) Закон о пропаганде гомосексуализма: за и против // Данные опросов ВЦИОМ. 2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1038> (дата обращения: 16.06.2018).
- 5) Ивлев С. В., Мельникова И. С. Основные подходы к определению понятия «Легитимность власти» // Вестник КемГУ. 2008. №2. С. 66-70.
- 6) Керимов А.А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // Власть. 2015. №3. С. 121-123.
- 7) Картунов В.В., Зорина Н.М., Краснова О.Н., Кокотов С.А. Социокультурные и мировоззренческие истоки гомофобии в России // Сервис +. 2015. №4. С. 91-104.
- 8) Листовская В. Н. Ачкасов В. А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / Ин-т "открытое о-во". М.: аспект-Пресс, 1996. 127 с. (открытая кн. Открытое сознание. Открытое о-во). Библиогр. В конце ст // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 1998. №1. С. 7-10.
- 9) Панеях Э. Разделение властей // Устройство свободы. In liberty. 2010. URL: <http://old.inliberty.ru/blog/155-razdelenie-vlastey> (дата обращения 20.06.2018).

- 10) Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных и общественных институтов, рейтинги партий // Данные опросов. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9085> (дата обращения: 14.06.2018).
- 11) Ростова А.В. Представители сексуальных меньшинств: особенности социальной дистанции в современном российском обществе (по результатам исследования в Г. О. Тольятти) // Вестник ВУиТ. 2011. №8. С. 205-213.
- 12) Соболева И., Бахметьев Я. «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «Пропаганды гомосексуализма» // ЖИСП. 2014. №2. С. 217-232.
- 13) Федеральный закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ г. Москва "О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей". Дата подписания 29.06.2013 г. Опубликован 2.07.2013 г.
- 14) Яковлев А.Н. Легитимация политической власти: модели традиционные и инновационные // Власть. 2011. №6. С. 72-76.

**Анализ факторов детерминации позднего деторождения у
женщин фертильного возраста и их влияния на
демографическую ситуацию в регионе (на материалах
Республики Мордовия)**

Карасева Алёна Сергеевна

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва
E-mail: karaseva.alena@inbox.ru

На жизнь каждой семьи влияет социальная ситуация: ни одна семья не может уберечься от вторжения в нее общественной жизни. Исходя из этого, правы те ученые, которые предлагают изучать влияние социальных и экономических факторов на рождаемость не на макроуровне, а на уровне семьи.

В результате чего, объективно назрела потребность и востребованность в изучении факторов, детерминирующих позднее деторождение у женщин фертильного возраста в Российской Федерации и Республике Мордовии, а также в разработке практических рекомендаций по компромиссному взаимодействию женщин и государства, которые учитывают репродуктивные интересы женского населения и потребности общества в воспроизводстве населения.

В соответствии с чем, с ноября 2017 - май 2018 г. на территории Республики Мордовия проводилось социологическое исследование на тему: «Факторы детерминации позднего деторождения у женщин фертильного возраста и их влияние на демографическую ситуацию в Республике Мордовия».

Всего в опросе приняло участие 300 женщин (100 %) фертильного возраста от 18 до 44 лет. Вся численность испытуемых была разделена на 3 группы по возрасту: **1 группа** - от 18 до 25 лет 100 чел. (33,3 %); **2 группа** - от 26 до 35 лет 100 чел. (33,3 %); **3 группа** - от 36 до 44 лет 100 чел. (33,3 %). Главная цель авторского исследования - анализ факторов детерминации позднего деторождения у женщин фертильного возраста и выработка рекомендаций по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия.

В ходе работы были использованы следующие методы исследования: *методы сбора информации:* анализ документов, анкетирование, *методы обработки результатов исследования:* ранжирование, математические методы обработки социологической информации.

В соответствии с анализом вопроса: «Всегда ли брак, по Вашему мнению, должен предполагать наличие детей?», можно сделать вывод,

что для женщин **первой возрастной группы** характерен наименьший показатель по значимости и важности наличия детей в браке, а наибольшее значение, по всем вариантам ответов, соответствует установкам **третьей возрастной группы** для которой семья и дети - это осознанный социальный институт.

Анализируя распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, для чего люди заводят детей и почему принимают решение не заводить детей?» по их возрасту, а также по уже имеющемуся у них количеству детей, следует отметить следующие закономерности: наибольшая активность по утверждению «**Люди заводят детей для того, чтобы. . .**» приходится на **первую возрастную группу** женщин, у которых нет детей, менее активны **вторая и третья возрастные группы**, у которых один и два ребенка. Рассматривая второе высказывание «**Люди не заводят детей, потому что. . .**» следует отметить закономерность: наибольшее количество ответов наблюдается в **первой и второй возрастных группах**, у которых отсутствуют дети, среди респондентов **третьей группы** наиболее инициативны те, у кого два ребенка.

Для того, чтобы определить возраст, который, по мнению респондентов, является наиболее актуальным для рождения первенца, мы предложили им ответить на следующий вопрос: «По-Вашему мнению, какой возраст для женщины сегодня является оптимальным, наилучшим для рождения первого ребенка?». В соответствии с чем получили следующие результаты: до 17 лет - 1 (0,3 %), 18-20 лет - 22 (7,3 %), 21-24 года - 151 (49,6 %), 25-28 лет - 96 (32,8 %), 29-32 года - 19 (6,3 %), 33-35 лет - 8 (2,7 %), 36-40 лет - 2 (0,7 %), 41 год и старше - 1 (0,3 %).

Относительно распределения данных ответов респондентов по критерию возраста, следует отметить следующую закономерность: для всех групп наиболее оптимальным считается возраст 21-24 года, а также 25-28 лет, наименее подходящим для рождения первого ребенка считается возраст, по мнению респондентов, - до 17 лет; 36-40 лет; 41 год и старше.

Следует отметить, что исходя из результатов опроса, проведенного в 2014 г. ФОМ (Фондом Общественного Мнения), в ходе которого опрошено 1500 респондентов, в 43 субъектах РФ, было выявлено: **наиболее оптимальным возрастом у женщины для рождения первого ребенка** является 21-24 года - 51 %, а также 25-28 лет - 23 %, наименее благоприятным, как и, по мнению респондентов из РМ, является возраст до 17 лет и 41 год и старше - меньше 1 %.

В том числе, респондентам было предложено ответить на следующий вопрос, в ходе опроса: «Сколько вам было лет, когда родился ваш

(первый) ребенок?», в соответствии с чем были получены следующие результаты: у 36 % респондентов первый ребенок родился в возрасте от 21 до 24 лет, также, у 29 % опрошенных возраст рождения первенца составлял 16-20 лет [2].

При анализе **возраста, который считается оптимальным для рождения первого ребенка**, актуальным становится факт рассмотрения тех возрастных рамок, которые, с точки зрения респондентов, являются определяющими «позднего» деторождения. Исходя из этого, для 5 респондентов (1,7 %) таковым считается возраст от 18-29 лет; 30-34 года оптимальны для 63 респондентов (21 %); 117 (39 %) женщин отметили данный возрастной период 35-39 лет, как наиболее поздний для рождения первого ребенка; для 88 (29,3 %) респондентов таковым считается возраст от 40-44 лет; возраст 45 лет и старше считают «поздним» 27 (9 %) женщин.

Причем, при распределении данных ответов по возрастным группам респондентов следует отметить следующую закономерность: для **первой группы** (представители которой в настоящее время обучаются) наиболее «поздним» считаются возрастные диапазоны - 30-34 года, 35-39 лет; респонденты **второй возрастной группы** «неподходящим» для рождения первого ребенка определяют период - 30-34 года, 40-44 лет, а **третья** уподобляет тенденциям первой группы и полагает, что 30-34 года, 35-39 лет наиболее неблагоприятный возраст для деторождения, в том числе (представители данных групп работают в бюджетных организациях).

К примеру, в соответствии с результатами опроса, проведенного ФОМ в 2014 г., «**поздним**» определен возраст 35-39 лет, так считают 27 % опрошенных, что по сравнению с РМ, намного меньше и составляет 39 %. Средний возраст по РФ, по данным ФОМ - 36 лет.

В том числе, в ходе данного опроса, респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Как вы считаете, в целом в «позднем» рождении первого ребенка больше плюсов или минусов?», результаты которого таковы: 36 % опрошенных считают, что в нем больше минусов, и 36 % считают, что в нем больше плюсов, 28 % затруднились ответить.

Для того, чтобы спрогнозировать ситуацию в области деторождения, которая распространена в современном обществе и обусловлена теми мерами, мероприятиями, формами и видами помощи и поддержки, которые предусмотрены государством, с целью стимулирования деторождения, преимущественно, у женщин фертильного возраста, мы предложили респондентам ответить на вопрос: «Как Вы считаете, сейчас хорошее время, чтобы рожать детей, или нет?». В соответствии с чем, при распре-

делении ответов по возрастным группам респондентов следует отметить следующие закономерности: **для всех групп** наиболее часто выбираемым ответом является «не хорошее и не плохое», причем, если для респондентов **первой группы** данный вариант приемлем при отсутствии детей, то для **второй** - как при отсутствии детей, так и при наличии одного ребенка, а для **третьей** - при наличии двоих детей. Наиболее приемлема данная характеристика современной демографической ситуации для городской местности, однако и в сельской она занимает не менее важное место.

При этом среди **факторов, которые в наибольшей степени оказывают влияние на позднее деторождение у женщин фертильного возраста** респонденты предположили «низкий уровень заработной платы» - так считают 81 женщина или 27 %; 57 (19 %) респондентов таковым определяют «высокий уровень безработицы»; 51 женщина, что составляет 17 % от числа опрошенных указала, что «кредит/субсидия на приобретение жилья» является актуальным фактором откладывания деторождения.

Исходя из распределения факторов, оказывающих влияние на позднее деторождение у женщин фертильного возраста, по возрастным группам респондентов следует сделать следующий вывод: наиболее характерными для **первой группы**, никогда не состоявшей в браке (в зарегистрированном или не зарегистрированном/супружеском союзе) являются следующие из них: «быстрый рост цен»; «низкий уровень заработной платы»; «высокий уровень безработицы»; для **второй** - «быстрый рост цен»; «низкий уровень заработной платы»; «кредит/субсидия на приобретение жилья»; **третьей** - «низкий уровень заработной платы»; «низкий размер детских пособий»; «кредит/субсидия на приобретение жилья». Причем, в данном случае, респонденты второй и третьей возрастных групп состоят в зарегистрированном браке. На основе этого, следует заметить следующую закономерность: для данных групп свойственны проблемы в области получения мер социальной поддержки на решение жилищной проблемы, а для первой - это достаточно высокий уровень безработицы.

Данные исследования подтверждают то, что как для РФ, так и для РМ наиболее характерна тенденция **откладывания рождения первого ребенка на более позднее время**, так считают 192 респондента или 64 % от числа опрошенных для РФ, а для РМ - 156 респондентов (52 %).

На основе полученных результатов можно сделать вывод относительно той ситуации, которая распространена в Российской Федерации: на

сегодняшний день она сходна как в городской, так и в сельской местности среди всех возрастных групп, где женщины стараются **отложить рождение ребенка на более позднее время**, в Республике Мордовии лишь в городской местности среди первой возрастной группы наблюдается тенденция того, что женщины **стараются как можно раньше завести детей**, среди остальных же групп ситуация аналогична федеральной. Причем большинство из женщин русские по национальности, мордва (мокша и эрзя) также придерживаются как в РФ, так и в РМ тенденции откладывания деторождения.

В том числе, респондентами были указаны следующие **факторы, которые повлияли (могли бы повлиять) на позднее рождение у них ребенка**, а именно: «изменение собственного самочувствия» - 87 чел. (29 %), «страх» - 60 чел. (20 %), «тревога за малыша» - 42 чел. (14 %).

При этом, в результате рассмотрения иных **факторов, определяющих процесс позднего деторождения у женщин фертильного возраста**, необходимо отметить следующие из них: «отсутствие здорового образа жизни у матери» - 114 чел. (38 %), 81 респондент или 27 % от числа опрошенных указали, что «вредные привычки» являются одним из факторов, детерминирующим процесс позднего деторождения, в том числе, наиболее распространенным стал ответ «дорогостоящие медицинские услуги», так считают 45 чел. (15 %).

Эти тенденции подтверждаются тем, что **143 респондента (47,7 %) считают себя защищенными со стороны действующего законодательства в области материнства и детства**, а **157 респондентов (52,3 %)** от числа опрошенных - нет.

Рассматривая практику деторождения в современной России, среди женщин фертильного возраста, следует отметить, что помехи к рождению детей - негативно воспринимаемые условия жизнедеятельности, а также конкуренция потребностей (детерминированной ценностными ориентациями), когда потребность в детях уступает по значимости иным потребностям, полноценным удовлетворением которых индивид не готов пожертвовать ради удовлетворения потребности в детях. Довольно часто влияние второго фактора оказывается не менее существенным, чем первого.

Наряду с созданием семьями условий для рождения желаемого числа детей, важнейшей задачей должно стать усиление потребности в детях: переход от господствующих норм малодетности к нормам среднететности.

С целью стимулирования рождаемости представляется необходимым

усиление дифференциации мер социально-экономической помощи семьям в зависимости от числа детей и очередности рождения, переориентация их, прежде всего, на преимущественную поддержку вторых и, особенно, третьих рождений среди женщин раннего репродуктивного возраста. Среди таких мер наибольший эффект могут дать те, которые будут направлены на: улучшение жилищных условий (например, предоставление кредита на покупку или строительство жилья с условием его погашения при рождении второго и третьего детей), формирование общественного сознания в отношении того, что однодетность порождает одиночество, в будущем, как родителей, так и взрослых детей и т.д.

Н. Н. Логинова отмечает то, что *«в Республике Мордовия: низкий суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим детям - в соответствии с чем необходимо сосредоточить усилия на содействии семьям в решении жилищных вопросов и обеспечении занятости, повышении уровня и качества жизни»* [1].

Таким образом, компромиссное взаимодействие женщин и государства, при учете репродуктивных интересов женского населения и потребности общества в воспроизводстве населения будет достигнуто только в результате повышения достатка, расширения возможностей занятости и возможности получения жилья, доступности качественного здравоохранения, образования и социальной защиты семьи, а также женщин, в отдельности.

Источники и литература

- 1) Логинова Н.Н. Демографический портрет регионов Приволжского ФО // Семья и демографические исследования. 2016. № 4. Режим доступа: <https://riss.ru/analitics/30207/>
- 2) Оптимальный возраст для рождения детей. Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11764>

Межпоколенная трансляция ценностных ориентаций в нуклеарных семьях

Карпова Вера Михайловна

МГУ имени М.В.Ломоносова

E-mail: wtkarpova@yandex.ru

В современных условиях кризиса института семьи и поиска различных мер поддержки семьи и семейного образа жизни часто можно услышать о необходимости развития и распространения семейных ценностей не только среди взрослого населения, но и среди детей. Появляются предложения и в некоторых регионах России даже вводится в рамках школьного образования специальный курс «Семьеведение» [4, 5]. Действительно, базовые ценности формируются в рамках развития личности еще в детском возрасте, когда основным агентом социализации выступает семья и поэтому стремление обратиться именно к молодому поколению видится вполне обоснованным. Однако, следует учитывать тот факт, что первичная социализация происходит семье и именно здесь ребенок получает самые первые и общие представления о ценностях, разделяемых его близкими родственниками, в первую очередь родителями. Исследования показывают, что людям свойственно в будущем воспроизводить структуру семьи своих родителей: например, рост числа детей в ориентационной семье прямо взаимосвязан с числом детей в нуклеарной семье [2], стиль воспитания, который выбирают родители часто определяется стилем воспитания в прародительских семьях [6].

Исследования межпоколенной трансмиссии ценностей зачастую основываются на сравнении ценностных ориентаций различных поколений [3] или на сравнении ценностных ориентаций представителей разных поколений одной семьи [1]. При этом механизм передачи ценностей остается вне поля зрения исследователя и более того, совпадение или несовпадение ценностей нельзя оценить с точки зрения того, насколько передача ценностей обусловлена детско-родительским взаимодействием, семейной социализацией, а насколько она была предопределена другими источниками социализации.

В данной работе представлены первые шаги в анализе процесса передачи ценностных ориентаций от родителей к детям, а именно произведена оценка того, насколько те или иные ценности действительно транслируются родителями в рамках семейной социализации их детей. Анализ проводится на основе совокупной базы исследований, проводившихся кафедрой социологии семьи и демографии совместно с институтом социологии РАН в 2014 -2016 году. В рамках данных исследований задавался

блок вопросов о ценностных ориентациях как самих респондентов, так и о тех ценностях, которые они хотели бы привить своим имеющимся или будущим детям. Такая организация вопросов позволяет оценить не только нынешние ценностные ориентации респондентов, но и то, насколько они склонны передавать их своим детям, то насколько эти ценностные ориентации включены в семейную социализацию ребенка и насколько они будут воспроизводиться в будущих поколениях. Другими словами, можно проследить насколько дети воспитываются по образу и подобию родителей, или же при выборе наиболее важных аспектов жизни родители не всегда воспроизводят свои ценности.

За три года исследований была собрана совокупная база, состоящая из 4500 респондентов в возрасте 17 до 90 лет (средний возраст 40,9 лет), среди которых 59,8% состоят в зарегистрированном браке и почти треть (62,9%) имеют детей. В выборке преобладают женщины (61,1%), что в первую очередь обусловлено спецификой отдельных исследований, включенных в объединенную базу.

Вопрос о ценностных ориентациях во всех представленных исследованиях задавался единообразно в форме просьбы проранжировать 15 сфер «хорошей жизни» для себя («Все люди хотят жить хорошо, но каждый человек понимает это по-своему. А что значит "хорошо жить" для вас?»), а затем те же сферы жизни респондентов просили проранжировать для детей («А теперь отметьте свойства жизни, которые Вы хотели бы видеть у имеющих или ваших будущих детей.»). Каждая из сфер жизни могла быть поставлено на одно из мест с 1 по 15, так что минимальному значению ранга соответствует наибольшая важность данной ценности для респондента.

Результаты первичного анализа ответов респондентов показали, что наиболее важны для респондентов здоровье (средний ранг 2,3 для себя и 2,0 для детей) и семья (средний ранг 2,9 и 3,7 соответственно), причем как для себя, так и для детей. На первое место ценность «здоровье для себя» поставили 51,1% респондентов, а о первостепенной важности «здоровья для детей» говорили 66,1%. Таким образом можно сделать вывод, что ценность здоровья не только является наиболее важной для респондентов, но и транслируется ими в рамках семейной социализации, причем акцент ее возрастает.

Любопытно в связи с этим сравнить насколько транслируется вторая по важности ценность - «Семья, дети, заботливые близкие». Почти равное количество респондентов поставили семью для себя на первое (35,4%), второе (32,8%) и третье и далее (31,8%) места. В целом чаще всего на первом-втором месте для респондентов располагаются ценно-

сти здоровья и семьи, в то время как все остальные существенно уступают в степени важности. Анализ того насколько ценность семьи воспроизводится в следующем поколении показывает явную тенденцию к девальвации этой ценности (рисунок 1): только 19,6% респондентов ставят семью на первое место для своих детей, 32,6% на второе, а почти половина опрошенных (47,8%) располагают семью на третьем месте и далее в системе ценностных ориентаций своих детей. Средний ранг ценности «Семья, дети, заботливые близкие» в наибольшей степени различается между оценками «для себя» и «для детей» по сравнению со всеми остальными утверждениями (разница средних рангов составляет 0,818), причем на фоне минимальных значений стандартного отклонения.

Более подробное сравнение средних рангов всех 15 ценностей, отмеченных «для себя» и «для детей» (рисунок 2) показывает статистически значимые различия (на основе t-теста для связанных выборок) практически для половины ценностей. Так родители (нынешние и будущие) более важными считают для своих детей такие ценности как: здоровье, свободу и самостоятельность в жизни, физическую силу и высокий статус в обществе. Менее важными, чем для самих себя, аспектами «хорошей жизни» для детей родители находят: семью, материальное благополучие, спокойную и безопасную жизнь, душевное благополучие и деньги в неограниченном количестве. То есть родители в целом хотят видеть своих детей более здоровыми, свободными, успешными и независимыми, чем они, в то время как сами чаще задумываются о семье, покое, материальном и душевном благополучии.

Детальный анализ, который планируется в качестве перспективы данной работы предполагает сравнение не только средних рангов в целом по всей совокупности, но и проведение многофакторного дисперсионного анализа для оценки перспектив межпоколенной трансляции ценностей родителями разного возраста, пола, социального и образовательного статуса, внутри семей с разным числом детей. Так в рамках исследования многодетных матерей 2009 года было обнаружено, что ценность семьи, даже среди этой группы населения не передается в следующие поколения, и для собственных детей многодетные родители на первое место гораздо чаще ставят ценность здоровья, а не семьи и семейного образа жизни.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Гришина Н. В., Лавренчук С. Ю. Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnyye-orientatsii-lichnosti-semya-i-pokolenie> (дата обращения: 27.11.2018).
- 2) Гришина О.В. Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2008, №6, с. 29-41
- 3) Дубров Д.И., Татарко А.Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennaya-transmissiya-tsennostey-v-gorodskoy-i-selskoy-srede> (дата обращения: 27.11.2018).
- 4) Курс семействования уже преподают в школах 38 регионов России // РИА-новости, 25.11.2016. <https://ria.ru/society/20161125/1482199417.html?inj=1>
- 5) Преподавание курса «Семьеведение» в современном Татарстане. // Материалы республиканской научно-практической конференции. 5 апреля 2014. http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_234966.pdf
- 6) Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.11.2018).

Приложения

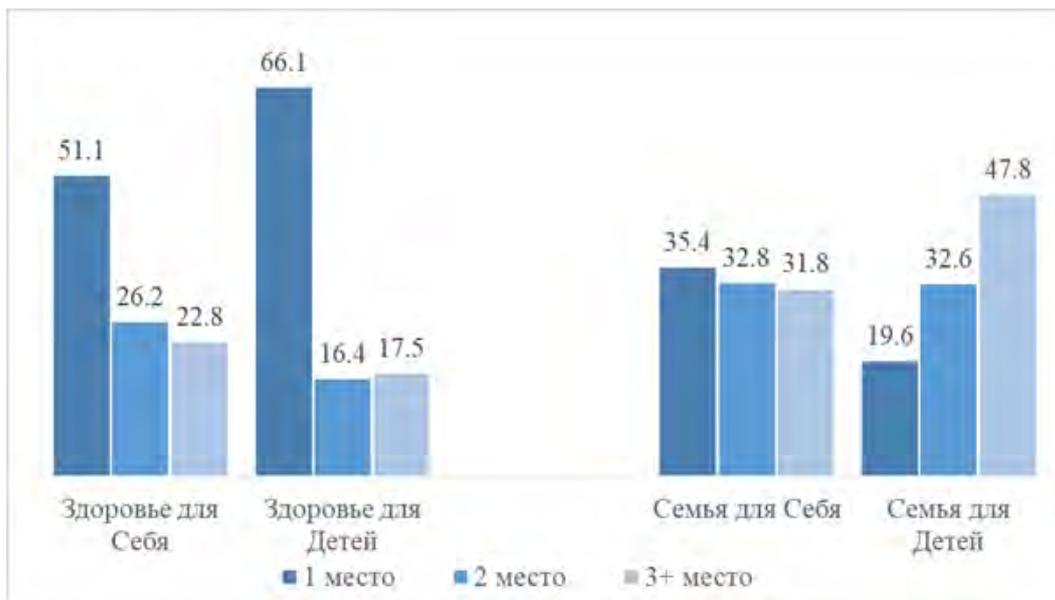

Рис. 1. Частота упоминания категорий ЗДОРОВЬЕ и СЕМЬЯ для себя и для детей (в %)

Рис. 2. Средние ранги ценностей «для себя» и «для детей»

Семейный образ жизни в представлениях жителей Татарстана (по итогам социологического исследования)

Карцева Лидия Валерьевна

Учреждение высшего образования "Университет управления "ТИСБИ"

E-mail: lizolda@mail.ru

Семейный образ жизни - понятие, которое воспринимается в современном российском обществе неоднозначно. С годами оно вытесняется такими категориями, как профессиональная карьера, успех, благополучие, и все они - из разряда материальных эквивалентов рыночного общества. Установка на брак, долговременное супружество, рождение детей оттесняется на периферию и индивидуального сознания, и территорий страны. [1, 2, 3, 4]. Кризисные явления в брачно-семейных отношениях остаются, в отдельных сферах усиливаются [4, 5]. Без анализа особенностей отношения граждан из тех или иных государственных образований к указанному вопросу составить общее мнение о ситуации с институтами брака и семьи невозможно.

В целях прояснения ситуации в 2017-м году в сотрудничестве с отделом социальной политики Государственного Совета Татарстана региональным комитетом Национального общественного комитета «Российская семья» было проведено социологическое исследование отношения жителей республики к институтам брака, семьи, семейному образу жизни. [6]. Выборка составила 1401 человек, была репрезентативна по категориям населения, его размещению в республике и пропорционально представляла мнения сельских районов (Пестречинский, Алексеевский, Алькеевский, Камско-Устьинский, Рыбно-Слободский, на треть Татарстан - сельскохозяйственный регион) и горожан - жителей столицы республики, город-миллионника Казань (1 205 651 человека), а также «малых городов» - Мамадыша (15 528 человек) и Лениногорска (63 635 человек).

Полученные данные позволяют установить: отношение татарстанцев к браку и семье остаётся уважительным, а семейное положение в общественном сознании не потеряло своей актуальности и в условиях чрезвычайно быстрой смены профессиональных стратегий не только молодёжи, но и зрелого населения.

Отметим некоторые показатели категории «семейный образ жизни» в их социологическом измерении.

Идеальное число детей. Два ребёнка в семье признают более уместным 57,8 % респондентов. *Одного ребёнка* назвали только 8,8 % опрошенных, а вот на *трёх детей* ориентированы 28,0 %, на *четырёх* -

5,5 %. Многодетная (три и более детей) семья привлекает треть (33,5 %) опрошенных, что само по себе примечательно.

Планируемое, или ожидаемое число детей. *Один ребёнок* определён в качестве цели 10,7 % опрошенных, *двоих детей* назвали большинство (65,9 %), *троих* только 20,7 % вместо 28,0 % в графе «идеальное число детей», четверых 2,7 % вместо 5,5 % в том же параметре.

Реальное число детей. Здесь наблюдается тенденция к смещению чисел к минимуму. *Одного ребёнка* имеют 34,7 %, а не 8,8 % или 10,7 %, как указывалось в двух предыдущих случаях. *Двоих* растят 51,7 %, что почти совпадает с идеальным числом. *Трое* воспитываются у 11 % опрошенных (далеко не 28 % и даже не 20,7 %, что фигурирует в категориях идеального и ожидаемого чисел). *Четверо* наследников подрастают в 2,3 % семей опрошенных татарстанцев (для сравнения: в идеале это 5,5 %, в планах - 2,7%).

Таким образом, республиканские семьи движутся от идеальной среднедетности к практической одно-двухдетности, хотя от среднедетной модели семьи не отказываются, а напротив тяготеют к ней.

Контрольный вопрос о том, сколько детей были бы достаточны для того, чтобы *семья чувствовала себя счастливой*, показал: одного ребёнка для счастья мало (7,1 %), двое детей лучше (53,9 % ответов). Трое тоже хорошо - сообщили 33,5 % респондентов, что превышает число реальной среднедетности втрое. Следовательно, власти республики вполне могут делать ставку на среднедетность. Нужно лишь обеспечить для этого соответствующие условия.

Оптимизма в настроениях опрошенных хватает. По крайней мере, своим детям родители посоветовали бы родить двоих (63,8 %), троих (23,0 %) и только в крайнем случае - одного (9,4 % опрошенных).

Как *воспитывать* сыновей и дочерей, респонденты рассуждают здраво. Не ставят во главу угла отцы и матери проблемы полезного досуга, общения с детьми, еды, питья и т.п. Но вот вопросы, которые волнуют, не из разряда оригинальных. На первые места вышли актуальные ныне духовное и физическое здоровье и качественное образование. Считают важными родители и такие нюансы семейного воспитания как формирование умения постоять за себя - очевидно, в ситуации чрезмерного влияния на детей, подростков их ближайшего дружеского и соседского окружения, социальных сетей. Настроены родители и на приучение детей к трудовому воспитанию. Порой заработанная ребёнком небольшая сумма может стать реальным довеском к скромному семейному бюджету.

В этом контексте меньшее значение имеют моральные стороны личности ребёнка, выпестываемые в семье. Не до этических премудростей

там, где процветают коррупция в верхних эшелонах власти, нищета в значительном сегменте российского общества, сохраняются низкие стандарты качества жизни «простых» людей.

Таким образом, семейность, признание высокого статуса семейных ценностей сохраняются в Татарстане как ведущие ценностные установки населения. Семейный очаг, рождение и воспитание детей - образ жизни, который привлекателен для мужчин и женщин, сельчан и горожан. Трое детей - вариант предпочитаемый в качестве идеального, условия его реализации - повышение уровня и качества жизни, удовлетворённость социально-экономической ситуацией в стране.

Источники и литература

- 1) Карцева Л.В. Представления студентов и школьников о браке / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 3 (31). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 26 – 30.
- 2) Карцева Л.В. Образ семьи в сознании девушек-учащихся (на примере Татарстана) / Вестник Казанского ун-та культуры и искусств. 2014. № 4. Ч. 2. С. 96-98.
- 3) Карцева Л.В. Татарстанская учащаяся молодёжь о семье и семейном воспитании в зеркале обучения предмету «Семьеведение» / Трансформация семьи и брака сегодня: научный подход: Сб. докладов участников науч. конф. - М.: ЦНС, 2015. - С.190-194.
- 4) Карцева Л.В. К вопросу перехода от кризисной парадигмы фамилизма к парадигме моделирования брачно-семейных отношений в педагогической практике: Материалы Межд. науч.-практ. конф. «Реализация стратегии ЮНЕСКО по подготовке педагогических кадров: Проблемы и пути внедрения инновационных технологий в образовательное пространство», посвящённой празднованию 70-летия ЮНЕСКО под эгидой Международного десятилетия сближения культур на 2013-2022 годы. 24-25 сентября 2015 г. Алматы: КазНПУ, 2015. - С.13-16.
- 5) Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. . . .д.соц.н. – М., 2015. – 50 с.
- 6) Карцева Л.В. Семья в Татарстане: социальный портрет: научная монография. – Казань: РИЦ «Школа», 2017. – 108 с.

Родительская делинквентность: разработка понятийного аппарата

Кравченко Альберт Иванович

МГУ имени М.В.Ломоносова

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Как известно, семья выступает фундаментальным, можно сказать, градообразующим, фактором любого общества. Однако она может и строить, и разрушать это общество. Полноценно функционирующая семья выступает созидающим началом, неполноценно функционирующая - разрушающим. Во втором случае надо говорить о конфликтных и делинквентных семьях. Нас интересуют вторые.

В первом типе неблагополучных семей конфликт - постоянно действующий фактор повседневной жизни, которые выявляет точки столкновения интересов членов семьи и в стрессовой по своему проявлению и последствиям форме их разрешающий. Конфликты возникают и гасятся. В семьях, которые автор относит к делинквентному родительству, конфликты ведут себя двояко: 1) они возникают, но никогда либо в большинстве случаев благополучно не разрешаются, формируя тем самым нарастающее отчуждение между членами семьи; 2) они не возникают вообще, поскольку между членами семьи нет интересов, по поводу которых возникают противоборства, состязание, напряжение и споры. В первом случае, прибегая к образному языку, мы имеем дела с постоянно действующим вулканом, во втором - с потухшем вулканом. Огнедышащий вулкан все больше разъединяет членов семьи, отдаляет и отчуждает их друг от друга, потухший вулкан уже разъединил все, что можно разъединить, по существу разрушив семью как реально функционирующую ячейку общества (хотя формально развод может не оформляться).

Делинквентное родительство означает такую ситуацию, когда муж и жена полностью не выполняют свои воспитательные функции (хотя при этом они могут полностью или частично выполнять другие свои функции) по отношению к детям, а те предоставлены сами себе либо улице. Степень отчуждений отношений в такой семье достигает своего максимума. Большинство ныне живущих или когда-либо живших взрослых в детстве испытывали на себе воздействие неадекватных родительских практик и установок - от скрытого отвержения, недооценки степени взрослости ребенка, до чрезмерной привязанности, гиперопеки и гиперсоциализации. Отклонение от нормы воспитания как в отрицательную, так и в положительную сторону может пагубно сказаться на формирующейся и социально неокрепшей личности ребенка. Родители-делинквен-

ты не следят за дисциплиной и организацией быта, не призывают своих чад к послушанию и не прививают им нравственные ценности. Делинквентные родители сами, как правило, становятся источником появления делинквентных подростков, стоящих на учете в полиции. В их число входят алкоголики, безработные, люди, имевшие или имеющие приводы в полицию, неоднократно нарушавшие закон.

Среди особенностей психического состояния и поведения ребенка, позволяющих заподозрить пренебрежительное отношение к ребенку специалисты выделяют: постоянный голод или жажда; кража пищи; стремление любыми способами, вплоть до нанесения самоповреждений привлечь к себе внимание взрослых; требование ласки и внимания; подавленное настроение, апатия; пассивность или, напротив, агрессивность и импульсивность; делинквентное (антиобщественное) поведение вплоть до вандализма; неумение общаться с людьми, дружить; неразборчивое дружелюбие; регрессивное поведение; трудности в обучении, низкая успеваемость, недостаток знаний; низкая самооценка. В благополучных семьях родители передают детям духовные ценности (стремление к познанию, творчеству, самосовершенствованию и радости от этого), формируя самостоятельность, профессиональные навыки. Напротив, в неблагополучных семьях духовные ценностные ориентации не играют большой роли в жизни родителей, а характер общения таков, что передача культурного наследия детям практически отсутствует.

Не все формы неадекватного родительства оказывают патологическое, т.е. необратимо разрушительное, воздействие на структуру личности. Многим удается приспособиться к неуместным воспитательным практикам и закалить свой характер, некоторые навсегда остаются в роли зависимого ребенка, не деформируя, а модифицируя свой личностный уклад. Часть детей сбегает из дома в раннем возрасте либо отселяется от них в более зрелом, стараясь минимизировать негативное воздействие. В ряду патогенных форм неадекватного родительства специалисты выделяют особую группу воспитательных практик, объединенных общим названием делинквентного родительства, или родительская делинквентность. Она играет одну из главных ролей в этиологии пограничного личностного расстройства.

Родительская делинквентность (Parental Delinquency) у зарубежных социологов [1]. обозначает уклонение родителей от своих обязанностей по воспитанию и социализации детей. Эта, назовем ее экстремально негативной, форма неадекватного родительства касается не только психологических, социально-психологических и социальных отношений, но и юридической стороны, поскольку связана с защитой прав ребенка и

их нарушением. Родительская делинквентность порождает многообразную картину патологий (пограничное личностное расстройство, множественное личностное расстройство, созависимость, депрессия), причиной которых служит та или иная форма насилия, пережитого ребенком в детстве. Общество в лице органов правопорядка реагирует на данное явление применением закона о лишении родительских прав. Оно придумало специальные учреждения для оставляемых детей и систему санкций, при помощи которых либо наказывают за нарушение, либо поощряют за соблюдение отношений родительства.

Недостаток заботы о ребенке может быть как предумышленным, так и непредумышленным. Он может быть следствием болезни, бедности, неопытности родителей или их невежества, следствием стихийных бедствий и социальных потрясений. Заброшенными могут оказаться дети, проживающие не только в семье, но и находящиеся на государственном попечении. Среди особенностей психического состояния и поведения ребенка, позволяющих заподозрить пренебрежительное отношение к ребенку специалисты выделяют: постоянный голод или жажда; кража пищи; стремление любыми способами, вплоть до нанесения самоповреждений привлечь к себе внимание взрослых; требование ласки и внимания; подавленное настроение, апатия; пассивность или, напротив, агрессивность и импульсивность; делинквентное (антиобщественное) поведение вплоть до вандализма; неумение общаться с людьми, дружить; неразборчивое дружелюбие; регрессивное поведение; трудности в обучении, низкая успеваемость, недостаток знаний; низкая самооценка[2].

Родственные связи биологически никак не проявляют себя или проявляют очень слабо. Ребенок узнает голос матери, ее запах, успокаивается в ее присутствии. Казалось бы, биологическая связь между двумя кровными родственниками ярко и сильно выражена, что она сохранится на всю жизнь и будет только укрепляться. Но почему тогда очень часто мы наблюдаем разрыв кровнородственных связей: мать бросает ребенка или подбрасывает его на порог чужого дома, боясь осуждения общественного мнения; родные братья становятся заклятыми врагами при дележе власти или наследства; жена увлекает мужа в клан своей родни и привязывает к своей юбке так сильно, что он отлучается от своей кровной, родительской семьи. Во всех подобных случаях социальные связи оказываются сильнее родственно-биологических.

Делинквентные родители не исполняют свои прямые обязанности и функции: отец обязан научить ребенка вести себя правильно в запутанной системе социальных взаимоотношений, а мать - привить обходительность, вежливость и уступчивость в межличностных взаимоотношениях.

Оба они, если это не делинквентные родители, обязаны научить ребенка сохранять свое достоинство, не ущемляя прав других людей, не вмешиваясь в их личную жизнь и ни в коем случае не навязывая им собственной, нередко вызывающей или неприличной, модели поведения.

Делинквентные, т.е. плохие родители - это неудачные социализаторы. Иначе говоря, агенты первичной социализации, не справляющиеся со своими функциями. Количество выполняемых функций, скажем материальное обеспечение или сексуальное удовлетворение, в таких случаях меньше числа дисфункций, т.е. вреда, наносимого самим себе, детям, окружающим людям и обществу. В большинстве неблагополучных семей и родители неблагополучные. В нестабильных парах супруги характеризуются низким уровнем социальной адаптации, повышенной агрессивностью, низким уровнем эмоциональной устойчивости, острым ощущением своей неудачливости, алкоголизмом и беспорядочными половыми связями. Не достигнув успеха в воспитании детей, делинквентные родители редко добиваются успеха и в других сферах жизнедеятельности, например в бизнесе или творчестве. Некоторые социологи видят причины семейного неблагополучия (неустойчивость брака, разводы, дезорганизация общения в семье и социализация детей, нуклеарность и малодетность семьи) в том, что супруги все более стремятся удовлетворить свои высшие потребности за пределами семьи. Иначе говоря, семья и родительство становятся неконкурентоспособными по сравнению с такими ценностями, как повышение социального статуса, уровня образования, материального благополучия и т.п., что и приводит к росту числа неблагополучных семей.

Очень большое значение для родителей из неблагополучных семей имеют аффилиативные ценности (потребность принадлежать к определенной группе и занимать какое-либо место в ней, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви). Они формируют чувство зависимости от мнения других, ложного коллективизма, которое правильнее назвать стадностью. Став родителем, такой человек вовлекается в бесконечную последовательность хаотичных действий по воспитанию. Стремясь руководить другими, он толком не знает, как управлять собственными поступками. Неблагополучные родители не умеют понять мысли, чувства и желания детей, неспособны направить взросление ребенка в нужное русло. Короче говоря, они не могут выковать из своих детей личность потому, что сами не являются таковой.

Делинквентное родительство характеризует противостояние и единство двух крайностей - насилия на полюсе власти (родители) и уязви-

мость на полюсе подчинения (дети). *Локус уязвимости* - это человек, связанный с социальными структурами домохозяйства, сообщества, общества и мировой системы. Люди уязвимы в разной степени, их уязвимость различается своей причинно-следственной структурой, эволюцией и серьезностью возможных последствий. Ребенок - единственный член семьи, который не может властвовать, и вынужден подчиняться. Когда он вырастает, то в качестве родителя отыгрывается на своих детях - командует ими без устали, кричит и бьет. Ведь больше ему негде вылить накопившуюся агрессию и многолетнее накапливание в своей психике комплекса бесправия и подчиненности. **Насилие** - это демонстрация силы для оказания влияния или уничтожения. Оно может быть изображено как несколько концентрических кругов с четким "ядром" в центре и размытых по краям. Ядром можно считать прямое физическое насилие, причиненное людям. Вслед за ним идут "психологическое насилие", ментицид, злонамеренные манипуляции. Оба вида - физическое и психологическое - относятся к прямому насилию. К ним примыкают косвенные формы насилия, в том числе ритуально оформленное социальное насилие или "социальная испорченность", означающая уменьшение жизнеспособности или индивидуальной пригодности в силу традиций, обычаев, обрядов населения.

Различают четыре основные формы жестокого обращения с детьми (авторитарный стиль) и пренебрежения их интересами (попустительский стиль): физическое насилие, сексуальное (развращение) насилие, психическое (эмоциональное) насилие, пренебрежение основными нуждами ребенка (моральная жестокость). Если у маленьких детей особенности психики и поведения ребенка, подвергшихся физическому насилию, проявляются малоподвижности, боязни родителей или физического контакта с взрослыми, постоянной беспричинной настороженности, агрессивности, лживости, воровстве, жестокости по отношению к животным, склонности к поджогам, то у подростков (тинэйджеров) признаки насилия приобретают еще и социальную окраску: одиночество, отсутствие друзей, боязнь идти домой после школы, побеги из дома, суицидальные попытки (попытки самоубийства), делинквентное (криминальное или антиобщественное) поведение, употребление алкоголя, наркотиков, токсических средств. Психический статус ребенка при этом определяется моделью зависимости от компульсивного поведения родителей, формирующимся как следствие попыток ребенка обрести безопасность, сохранить собственную идентичность и самоуважение. Такая модель получила название "со-зависимость" (co-dependence). Ребенок, пытаясь взять на себя решение семейных проблем, отрицает свои собственные потребности. В

результате он становится зависимым от потребностей, желаний, надежд и страхов семьи, а в конечном счете уязвимым. Как показывают эмпирические исследования, очень часто ситуация насилия воспринимается как катастрофа, событие, которое нельзя пережить. Страх, тревога, подавленность, растерянность, гнев, отвращение — спектр наиболее часто встречающихся переживаний непосредственно после насилия. Выраженность эмоциональных переживаний зачастую очень высокая, и событие, как и его последствия, чрезмерно драматизируются ребенком.

Совращение несовершеннолетних, сексуальные домогательства, по всей видимости, существовали всегда. У детей, страдающих от инцеста, неизбежно разрушение семейной любви и доверия, в травмоопасных семьях родитель-насилник часто запугивает ребенка (угрозы убить или покалечить), скрывая от правосудия свое преступление. В случае абьюза жертва сталкивается прежде всего с неизбежностью повторения травматической ситуации, и возникает необходимость выработки защитной адаптивной стратегии, в буквальном смысле “стратегии выживания” [3]. Такой защитой для личности становится диссоциация. Так как тело подвергается насилию, и жертва не в состоянии предотвратить это, единство личности сохраняется путем отщепления Я от собственного тела [4]. Результатом становится переживание “оцепенения”, “омертвления”, дереализация (ощущение нереальности происходящего) и частичная амнезия. Этот процесс напоминает описанный Р.Д.Лэнгом модус поведения ребенка-шизофреника в семье — “стратегию, придуманную человеком для того, чтобы жить в непригодной для жизни ситуации” [5]. Описывая “расщепленное самобытие” шизофреника, Р.Д.Лэнг отмечает его основную характеристику как “стремление умереть, чтобы выжить”. Следствием этого часто бывает низкий “барьер проницаемости” вплоть до способности “стать тем, что воспринимаешь”.

Воспитание и социализацию, по мнению автора, следует различать как план и рынок. **Воспитание** - целенаправленное воздействие субъектов, имеющих верховную власть в данном сообществе, на одного или нескольких бесправных объектов по заранее составленному плану ради достижения целей, которые считают правильными первые, но не вторые. **Социализация** - стихийный и никем не управляемый процесс воздействия социальной среды (ближней и дальней), включающей множество разнонаправленных процессов и непредсказуемых по своим последствиям факторов, на субъекта, вынужденного каждую секунду совершать свободный выбор одной альтернативы из набора возможных альтернатив и принимать решение, которое является главным способом адаптации к постоянной меняющейся социальной среде.

Если мы сравним оба определения, то заметим, что первое характеризует модель поведения в плановой (социалистической, авторитарной, тоталитарной) экономике и обществе, а второе - рыночное общество с демократическими свободами и неопределенностью последствий выбора. Родители напоминают государство, а дети - народ. Первые имеют четко поставленные цели, философию и идеологию воздействия, план действий. Насколько последовательно они осуществляют свой план - другой вопрос. Если план остается только на бумаге, то общество либо дети приходят со временем в состояние хаоса и произвола. С одной стороны, они не знают правил и заповедей, поскольку субъект воспитания сам непоследователен, ленив и не заинтересован в успехе, с другой - они брошены на произвол судьбы, ибо их никто не учил самостоятельно думать и принимать ответственные решения.

Противоположный случай - закручивание гаек и воспитание человека в футляре, во всем послушного государству и родителям, не умеющего самостоятельно думать и решать даже во взрослом возрасте. При этой модели государство и родители продолжают вмешиваться в поведение и жизнь подчиненных даже тогда, когда те становятся взрослыми и обзаводятся собственной семьей. Народные присказки о теще - это одна их характерных черт наставничества матери, вынуждающее дочь во всем слушаться и полагаться исключительно на мнение матери. Маменькин сыночек - взрослый дядя, которого по жизни за ручку ведут родители - другая черта. Чрезмерное, неограниченное и неумное вмешательство субъекта воспитания в жизнь объекта - сущность данной модели. Делинквентное родительство означает замену воспитания социализацией, плановое воздействие стихией и самотеком.

Можно осуществлять социализацию, не занимаясь воспитанием. Родители, обычно малообразованные, кормят детей, попивают, приносят в семью деньги (часто не все), на выходные уезжают на свои шесть соток, устраивают дружеские компании и попойки, но целенаправленным воспитанием своих детей они не занимаются. Никто их не водит в музеи, не читает книги, не проводит душевспасительные беседы и т.п. Социализация есть, а воспитания нет. Видимо, нет и инкультурации. Следовательно, можно проводить социализацию. Но не иметь воспитания и инкультурации.

Подведем итоги. Родительская делинквентность - уклонение родителей от своих обязанностей по воспитанию и социализации детей. В ряду патогенных форм неадекватного родительства специалисты выделяют особую группу воспитательных практик, объединенных общим названием делинквентного родительства, или родительская делинквентность.

Она играет одну из главных ролей в этиологии пограничного личностного расстройства. Родительская делинквентность порождает многообразную картину патологий (пограничное личностное расстройство, множественное личностное расстройство, созависимость, депрессия), причиной которых служит та или иная форма насилия, пережитого ребенком в детстве. К делинквентному поведению детей приводят два стиля воспитания - авторитарный и попустительский (гипоопека). Если первый стиль распространен преимущественно в среде низшего класса, то второй - в среде высшего класса. Наименьший процент делинквентного родительства дает демократический стиль.

Делинквентные родители сами, как правило, становятся источником появления делинквентных подростков, стоящих на учете в полиции. В их число входят алкоголики, безработные, люди, имевшие или имеющие приводы в полицию, неоднократно нарушавшие закон. Пренебрежение нуждами ребенка (моральная жестокость) - отсутствие со стороны родителей или лиц их заменяющих элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию.

Источники и литература

- 1) Martins Y. Parental Delinquency? // SIECUS. 1996, Vol.4 No.3. September; Adolescence and Puberty. Bancroft J., Reinisch J.M. (Eds.) N.Y.: Oxford University, 1990; A Parent's Handbook: Teaching Your Kids about Developing Healthy Relationships. Gallagher R., Liz Claiborne. Women's Work Foundation, 1998.
- 2) Информация с веб-сайта: <http://kid-in-danger.narod.ru>
- 3) Ильина С.В. К Проблеме влияния насилия, пережитого в детстве, на формирование личностных расстройств [www.nsu.ru]
- 4) Levy F., Pines Fried J., Leventhal F. (eds). Dance and other expressive therapies: when words are not enough , N.Y., Routledge, 1995.
- 5) Лэнг Р.Д. Расколотое "Я". Спб, Белый кролик, 1995. с.297.

Семейно-детский образ жизни: благодаря или вопреки? Социологический взгляд

Лебедь Ольга Леонидовна

Первый МГМУ им М.И.Сеченова (Семёновский университет)

E-mail: lebed_olga@mail.ru

Фундаментальное значение института семьи и семейных ценностей для устойчивости социума сегодня осознается не только кругом экспертов, но и на уровне гражданского сообщества в целом. Подтверждением тому служат постоянно проводимые круглые столы, научные конференции и общественные мероприятия, раз за разом привлекающие внимание к происходящим в стране семейно-демографическим процессам и поискам путей изменить ее в лучшую сторону. Например, в сентябре этого года на социологическом факультете МГУ прошла Всероссийской научно-практической конференции "Социальная динамика населения и устойчивое развитие", в октябре в Общественной палате Российской Федерации - научная конференция «Нравственное и физическое здоровье семьи как основа будущего России», в ноябре - международный Форум программы «Святость материнства» «Семья в современном мире: значение, тенденции и перспективы», научно-практический вебинар «Семейно-детный образ жизни: социологический анализ», в Доме Ученых г. Москвы постоянно проходят демографические секции, каждая из которых затрагивает проблемы народонаселения и его сбережения. И это только те мероприятия, в которых принимала участие лично автор, а сколько их ежегодно проводится по всей стране?

Прошедшая в Общественной палате РФ конференция поднимала темы: обеспечение физического здоровья членов семьи, различные аспекты репродуктивного здоровья, сохранение трудоспособности граждан России, профилактика профзаболеваний на производстве, своевременная диспансеризации и наблюдение за своим здоровьем взрослых членов семьи, поддержания здоровья семьи как общности - и это лишь малая толика многоаспектного взгляда на здоровье, не только физическое, но и психическое, социальное и нравственное.

Обсуждение этических и нравственных вопросов в контексте здоровья семьи и родительства основано на том, что здоровье рассматривается сейчас как совокупность физического, духовного и социального благополучия (по определению ВОЗ). Отсюда бесспорна важность психологических составляющих как в процессе подготовки к родительству, так и в «выполнении» социальных ролей отца и матери. Однако, этому уделяется недостаточное внимание или уделяется, но применительно к

критическим ситуациям (вступление/невступление в брак, репродуктивный выбор, развод, агрессия, стресс, ограниченные возможности кого-то из членов семьи, болезни и др.).

Психологами-практиками (психологами доабортного консультирования, консультантами, перинатальными, семейными и детскими психологами), социологами-учеными и социальными педагогами подчеркивается значимость сохранения психологической стабильности личности и общности семьи на протяжении всей семейной жизни, важность эмоциональной поддержки, прежде всего, родными и близкими, родственниками и друзьями, а не профессионалами разных направлений и уровней. Но замена семейного круга поддержки на социальный [круг] произошла вместе с разрывом межпоколенческих связей, переходом от расширенных семей к нуклеарным, с перехватом многих семейных функций государством и другими социальными институтами. Что посеяли - то и пожинаем. . . .

Момент связанности физического, психологического и здоровья семьи, ее социального благополучия, трудоспособности ее членов, физического, духовного и нравственного воспитания подрастающего поколения с благополучным будущим России постоянно звучит как значимый компонент социальной реальности, а обмен практическим опытом о формах, содержании, результатах и значении деятельности специалистов профессиональных служб в области реализации репродуктивного потенциала и родовспоможения в различных регионах - важная составляющая общественной жизни.

Уровень воспроизводства населения, не обеспечивающий замещения поколений, и увеличивающий долю нетрудоспособного (по старости) делает риск значительного количества регионов «превратиться в пустое, безлюдное пространство» (Атьков) вполне реальным в не таком уж отдаленном будущем. Эксперты подчеркивают, что негативные тенденции в стране уже в ближайшее время могут привести к следующему:

численность российских женщин в активном репродуктивном возрасте 20-29 лет, на которых приходится большая часть рождений, сократится почти вдвое;

численность населения Российской Федерации в трудоспособном возрасте сократится к 2050 году на 26 млн. человек и остро встанет проблема обеспечения экономики необходимыми кадровыми ресурсами;

соотношение числа жителей в трудоспособном и нетрудоспособном возрастах к 2050 году составит лишь 1,6:1, такая диспропорция еще больше обострит ситуацию с социально-экономической нагрузкой на трудоспособное население;

число мужчин призывного возраста (18-27 лет) сократится к 2050 году более чем на 40% или на 4,5 миллионов, что приведет к необходимости привлечения на службу в армию граждан страны обоих полов;

депопуляция и вымирание приведет к опустошению и опустыниванию пространств и обезлюдению территорий.

В современной социально-экономической реальности страны, особенно в отдельных регионах имеющий место быть довольно опасный, хотя и не лежащий на поверхности, социальный феномен: потеря трудовой мотивации, а именно утрата уверенности мужчин (в наибольшей степени) в том, что их труд, честный, профессиональный, полноценный позволяет содержать, обеспечивать семью, иногда сложно даже прокормить семью с детьми, не говоря уже об обеспечении ее в полной мере. Этот вопрос, ранее неоднократно поднимавшийся в выступлениях и публикациях ученых-социологов (Антонов А.И., Атьков А., Лебедь О.Л.), что подобный «социальный стресс» чаще всего это происходит с увеличением числа иждивенцев в семье, прежде всего, детей, но это может быть и неработающий супруг, заболевший член семьи, вышедшего на пенсию родители/родитель, появление в семье студента и проч. Но «опасность», прежде всего в том, что нередко неспособны обеспечить содержание двух несовершеннолетних детей (не говоря уже о большем количестве) ДВОЕ (!) работающих родителей, причем не имеющих сверхзапросов, а просто проживающих в тех регионах России, где низок уровень, производства, нехватка рабочих мест, и низкий уровень жизни в целом. Именно это останавливает родителей от рождения детей (чаще второе, третьего и последующих, но иногда и первого). Однако, ситуация глубже социально и психологически. В стране, где двум работающим родителям сложно прокормить и вырастить себе замену, не все в порядке с экономикой или с ее организацией на государственном, идеологическом и экономическом уровне. Брачное же, семейное и репродуктивное поведение людей может служить индикатором протекающих процессов в обществе.

Что же касается здоровья, его сохранения и поддержания - то профессиональная медицина на производстве, повышение значения профилактики здоровья (диспансеризация, страхование жизни с учетом состояния здоровья, налогообложение, связанное с состоянием здоровья, повсеместная пропаганда и распространения здорового образа жизни) - залог улучшения состояния здоровья населения в целом и прежде всего, смены отношения к нему. Осознание его как ценности, причем большой ценности, которая имеет разные виды выражения (труд, самочувствие, возможность рожать и воспитывать детей, радость полноценной жизни, экономический ресурс, активное долголетие без страданий и немощи) -

дает большой потенциал для приложения собственных сил для сохранения своего здоровья. Вместо имеющейся в настоящее время тенденции перекладывания ответственности за него на врачей, здравоохранение, государство, экологию и проч.

Бокерия Лео Антонович, акцентирует внимание на важной, вроде бы само собой разумеющейся, но, к сожалению, в силу социальных условий и смены линейки ценностей, все более утрачиваемой стратегии семейного воспитания - воспитывать на собственном примере. Лео Антонович на примере собственной жизни (отец, муж, семьянин, дедушка, тесть, высочайший профессионал, общественный деятель, равнодушный человек) показал как традиционные семейные ценности, полученные им в качестве прививки в детстве, ведут все «направления жизни не только его, но и его дочерей в семейной, репродуктивной и профессиональной жизни». При отсутствии подобных прививок могут возникнуть/и возникают следующие проблемы: в малодетных и бездетных семьях некому учиться быть семьянином, некому передавать опыт, некому учить и учиться жертвенности. Можно ли научиться семейной жизни в казенном учреждении? Вероятно, стоит учиться теории и практике и в семье, и в школе, и в колледже, так как в современных «минисемьях» (2-3 человека) нет опыта межпоколенных связей - вертикальных и горизонтальных, происходит замена их на социальные, не всегда полноценно их компенсирующие. Вывод один: родителям стоит быть такими, какими они хотят видеть своих детей.

Прямое логическое продолжение мыслям Лео Бокерии находится в образе семейной жизни последнего русского царя - Николая II. Пример этой царской семьи - пример «идеальной модели» семейной жизни, в которой присутствовало все в полной мере: любовь, труд, дети, забота о детях, забота о близких, забота об обществе (о других), спорт, творчество, обучение, служение. Многие многодетные семьи и сейчас так живут - вместе работают, трудятся, отдыхают, занимаются творчеством, помогают друг другу и ближнему. Что касается семьи последнего русского императора - это были глубоко верующие люди, трудолюбивые, неспящие. Например, 72 поезда санитарные поезда времен первой мировой и гражданской войн были под патронажем императрицы Александры Федоровны. Княжны служили санитарными сестрами. Под их патронатом была создана целая организация нянь, их обучение, трудоустройство и поддержка, благотворительные ярмарки и многое другое. Сейчас проложен и пользуется популярностью у детей, подростков и молодежи туристический маршрут - «Императорский маршрут» в местах последнего пребывания царской семьи (окрестностях Тобольска). Крас-

ной нитью на протяжении маршрута проходит один из принципов жизни царской семьи - «знать, что плод труда будет востребован».

Вопреки существующим «экономическим наказаниям» за рождения каждого последующего ребенка в виде увеличивающихся расходов на квартплату, уменьшение квадратных метров в жилье на человека, увеличение трудовой (бытовой и профессиональной) нагрузки, уменьшение времени на отдых - люди продолжают рожать второго, третьего, а иногда четвертого и последующих детей. Но единственный ребенок - это, прежде всего реакция на социальную норму и способ удовлетворения некоторых психологических потребностей (в нужности и принадлежности, в радости, самореализации, приложении себя в чем-то, продлении себя, передаче своих ценностей, моральных, родовых, культурных). В ситуации, пока будет рассчитываться подушевой доход - на человека, а не семейный - когда доход делится на всех членов семьи, рожать детей экономически невыгодно, так как при рождении каждого следующего ребенка ухудшается уровень жизни семьи в целом и каждого его члена в целом. Экономическая и социальная компенсация в виде льгот, пособий и выплат в очень малой степени покрывает растущие траты на обеспечение, обучение, воспитание и развитие и детей. Вместе с тем, все социальные институты общества: государства, экономика, армия, образование, религия, медицина - эксплуатируют результаты семейного труда - а именно, социально адаптированных новых, трудоспособных членов общества. Уральская научная социологическая школа (Ильшев, Багирова, Кузьмин и др.) уже не первое десятилетие «ратует» за экономически обоснованное включение репродуктивного труда в экономику России. Защищена не одна докторская диссертация, научные и бизнес-программы подтверждают целесообразность данного положения, однако это не находит широкой поддержки ни в научных, ни в государственных, ни в общественных, ни в бизнес кругах.

Важная тема, которая неоднократно звучит в любом семейно-демографическом дискурсе: репродуктивное здоровье, и его медицинские и психологические составляющие. С одной стороны, ранние сексуальные дебюты и поздние первые роды в связи с нормативностью позднего вступления в брак и возраста первых родов, вплоть до наступления менопаузы (до 50 лет). С другой, оторванность сексуального поведения от брачного, семейного и репродуктивного, оторванность репродуктивного поведения от сексуального (синдром Аллы Пугачевой, суррогатное материнство, одиночное материнство, моделирование младенцев) приводят к все более низкому уровню репродуктивного здоровья к моменту решения семьей или женщиной родить ребенка (в силу возраста и в силу

продолжительной контрацептивной жизни, рисков инфекций и заболеваний как следствие сексуальной жизни не с единственным партнером). Плюс стрессы современных мегаполисов («бешеный ритм», изменения режима день-ночь, утомляемость, страхи, одиночество, тоска и т.п.).

Изменения в репродуктивном поведении приводят к психологическим изменениям женщины, неспособности зачать, выносить и родить ребенка (эпидемия кесаревых сечений, младенческой и детской смертности) и отторжению/непринятию ребенка (рост послеродовой депрессии и проч.). По мнению перинатальных психологов (Жаркин А.П., Коваленко Н.П.) дамокловы мечи современного акушерства и гинекологии: материнская смертность, младенческая смертность, аборт, стрессы, нежелание рожать, страх перед родами, самих родов, страх перед беременностью, проблема отсутствия зачатия, проблема невынашивания беременности. При этом профилактика включает 6 медикаментозных направлений работы и 1 психологическое, а нужно наоборот. Но это с точки зрения психологов. С точки зрения социологов начинать нужно все-таки несколько по другим направлениям, а именно, изменение структуры ценностей личности, возврат к традициям, возврат к семейно-детному образу жизни как нормативному и самому распространенному в обществе. Детей и взрослых на протяжении десятилетия отучали добросовестно трудиться, общество отошло от труда, религии, нравственных ориентиров, межпоколенческих связей, социального контроля в виде поощрения и наказания ближайшими социальными группами (семья, близкие, родственники, община, деревня, село, район, приход), теперь же необходимо снова приучать к традиционному образу жизни через возрождение семейно-детного образа жизни. Плюс необходима психолого-социальная, морально-нравственная и медико-биологическая поддержка как уже ожидающих ребенка будущих родителей, так и потенциальных родителей - подрастающее поколение (дети, подростки и молодежь). А к ним без выверенных образовательных, соответствующих возрасту и основным каналам восприятия и общения - не подойдешь, что и должно стать еще одной приоритетной программой в семейно-демографической и образовательной политике государства. Кого хотим вырастить - того и должны воспитывать.

Приложение 1. Решение задач по укреплению института семьи подразумевает реализацию следующих направлений:

·Целенаправленная, продуманная, широкомасштабная, всесторонняя программа по распространению ценности семьи, прежде всего позитивного образа семьи, включающем в себя состоящих в стабильном за-

регистрированным браке супругов, воспитывающим нескольких детей, а также поддерживающим эмоциональные и социально-экономические родственные и свойственные связи членов семьи.

·Поскольку репродуктивные установки формируются во многом именно в семье, необходима разработка и внедрение просветительских программ для будущих родителей, проводимых профессиональными врачами (в первую очередь - специалистами в сфере репродуктивного здоровья), психологами, специалистами в области медицины и этики (в том числе биоэтики).

·Продлить реализацию федерального материнского капитала до 2025 года, так как в ближайшей перспективе репродуктивный потенциал страны будет значительно снижен, ввиду вступления в репродуктивный возраст малочисленного поколения 90-х годов. Для предотвращения значительных потерь численности населения и создания предпосылок для последующего её роста, необходимо создание условий и формирование предпосылок для рождения в семьях трех и более детей. Материнский капитал позволит продлить реализацию репродуктивных планов населения, в том числе средних и старших возрастных групп.

·Реализацию комплекса мер по дальнейшему снижению числа преждевременного прерывания беременности (абортов); повышение обязательств родителей по обеспечению надлежащего уровня жизни и развития ребенка;

·Расширение практики доабортного консультирования и психологической, социальной и материальной поддержки в ситуации репродуктивного выбора

·Развитие системы консультативной и психологической поддержки семьи в целях создания благоприятного внутрисемейного климата, профилактики семейного неблагополучия, социальной реабилитации семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, подготовки и комплексного сопровождения семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей;

· Корректировка системы защиты прав детей, уполномоченных по правам ребенка, внедрение в работу органов исполнительной власти и судебных органов современных технологий профилактики правонарушений, защиты прав детей, социальной реабилитации и последующей интеграции в общество несовершеннолетних правонарушителей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

·Развитие системы кабинетов и центров медико-социальной помощи беременным женщинам, детям, пожилым людям и находящимся в трудной жизненной ситуации гражданам РФ.

·Продолжить распространение практик просветительской деятельности по охране репродуктивного здоровья населения, профилактике абортов, сохранению жизни еще нерождённого ребёнка, а также в области повышения ценности зародившейся жизни, (в том числе через современные каналы коммуникации) как доказавших свою эффективность и результативность.

·Расширение в рамках медицинского образования для будущих специалистов (врачей, клинических психологов) обучающих и просветительских программ по формированию высоких репродуктивных установок и семейно-ориентированных ценностей.

·Совершенствование единого механизма финансирования деятельности психологов в организациях, оказывающих акушерско-гинекологическую медицинскую помощь.

·Поддерживать необходимость введения выверенных, с четко определенных целями и ожидаемыми результатами образовательных и оздоровительных программ для всех возрастов в области семейного и физического воспитания в общеобразовательных учреждениях страны, а также введение в федеральный образовательный стандарт общего среднего и среднего профессионального образования новой дисциплины из области знаний о семье - «Семьеведения».

·Внесение в проекты федеральных государственных образовательных стандартов по медицинским специальностям на всех уровнях компетенций, нацеленных на формирование нравственного отношения к базовым ценностям жизни, здоровью. Сохранение дисциплины «биоэтика» в базовой части основной профессиональной программы подготовки врачей.

·Введение системы этической и правовой экспертизы вспомогательных репродуктивных технологий, применяемых в медицинских учреждениях, и рекомендуемых том числе и Министерством здравоохранения.

В связи с тем, что профессиональные медицинские знания практически не представлены в СМИ, необходимо активизировать просветительские программы, опирающиеся на опыт и знания квалифицированных специалистов-медиков, с акцентом на вопросы здоровья семьи как единого социального организма в каналах массового распространения информации (прежде всего, ТВ и Интернет).

Трансформация института семьи в современном обществе в аспекте коммодификации репродуктивного здоровья

Лядова Анна Васильевна

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

E-mail: annaslm@mail.ru

С начала 1990-х годов наша страна встала на путь формирования нового типа общества, основанного на принципах рыночных отношений и идеологии индивидуализма, следствием чего стала активная коммодификация различных сфер общественной жизни. Понятие «коммодификация» (от англ. commodity - товар) используется исследователями для обозначения процесса перехода ценности различных благ, услуг в денежный эквивалент, следствием чего становится превращение их в товар, предмет потребления. Парадокс современного общества, которое исследователи обозначают как общество потребления, заключается в коммерциализации тех сфер человеческой жизни, которые ранее рассматривались как непотребительские [1, 2]. Одной из них является здоровье.

Как известно, со второй половины 1940-х годов, после создания в 1948 году Всемирной Организации Здравоохранения, в ее Уставе было закреплено понимание здоровья как наивысшей человеческой ценности [3]. Однако с конца прошлого столетия произошли изменения сложившегося представления о здоровье как ценности, что связано с его коммодификацией. Как отмечает французский социолог Ж.Бодрийяр, в современном социуме традиционные ценности «труд», «семья», «счастье», «дружба» уступают материальным благам, «...здоровье является не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за «статус». Оно в гораздо меньшей степени является фундаментальной ценностью, чем условием производительности» [4].

Здоровье представляет комплексный феномен, включающий различные аспекты. Важнейшим из них является репродуктивное здоровье. Согласно концепции сексуального и репродуктивного здоровья, которая была выдвинута Всемирной Организацией Здравоохранения на Международной конференции по народонаселению и развитию в 1994 г., репродуктивное здоровье определяется как состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов [5]. В последние годы под влиянием различных факторов состояние репродуктивного здоровья современного населения значительно ухудшилось. Так, по данным Росстата на 2016 год беспло-

дие выявлено у 8 млн. российских женщин и 4 млн. российских мужчин, что по исследованиям Всемирной Организации Здравоохранения представляет критический показатель 15% от общего числа пар детородного возраста и характеризуется как угроза национальной безопасности [6].

Современные технологии, помогающие в решении проблем репродуктивного здоровья, относятся к высокотехнологичным и потому дорогостоящим медицинским услугам. Несмотря на государственные программы по преодолению бесплодия с использованием экстракорпорального оплодотворения, они имеют определенные ограничения в аспекте доступности и материального покрытия [7]. Поэтому активным направлением в развитии рынка платных медицинских услуг в России за последние годы стала область репродуктивного здоровья. Однако следует отметить, что не всегда причиной обращения в коммерческие центры, предлагающие новые репродуктивные технологии, является бесплодие. Как отмечают исследователи, изменение социальной роли современной женщины, от традиционной позиции матери и хранительницы очага, к роли успешной бизнесвумен, активной участнице общественной жизни, ведет к отходу от базовых установок на материнство, следствием чего наблюдается усиление тенденции старения рождаемости. Так, по данным экспертов, «за 1991- 2005 годы абсолютно снизились живорождения во всех возрастах, кроме самых старших - у 15-19 летних на 40 %, у 20-24 летних - на 20 %, а у тех, кому 45-49 лет и 50 лет и старше, они выросли на 80 % и 50 % соответственно» [8]. Как отмечают исследователи, прослеживается увеличение доли женщин старшего репродуктивного возраста (старше 34 лет). Причем, большинство из них состоят в первом браке [9]. Таким образом, т.н. «отложенное родительство» становится характерной чертой современного общества. Появляющиеся же на рынке услуги репродуктивной медицины предоставляют возможность преодолеть возникающие с возрастом биологические ограничения для деторождения. Однако новые возможности имеют амбивалентный характер. Безусловно, они благоприятно влияют на демографическую ситуацию, помогая преодолеть барьеры, возникающие у женщин в связи с бесплодием. Однако изменение возрастных характеристик женщин, ставших матерями впервые благодаря использованию репродуктивных технологий, ведет к трансформации модели современной семьи. Так, эксперты отмечают острую потребность в конструировании родительства, в связи с тем, что возникает разрыв между, собственно, родительством и прародительством, что ведет к нарушению преемственности опыта за уходом и по воспитанию детей [10]. Кроме того, коммодификация репродуктивной сферы ведет к ограничению в дальнейшем количества детей в связи с тем, что

данные услуги как высокотехнологичные требуют серьезных материальных затрат, что существенно уменьшает вторичное обращение с целью рождения второго ребенка, следствием чего становится трансформация модели большой семьи к однодетной. Также следует отметить, что возможность использования т.н. банков данных и суррогатного материнства провоцирует распространение неполных семей. Однако согласно исследованиям социальных психологов отсутствие одного из родителей имеет определенные негативные последствия на процесс формирования личности ребенка.

Таким образом, коммодификация сферы репродуктивного здоровья ведет к изменению модели и характеристики современной семьи. Поэтому, несмотря на расширение возможностей в преодолении проблемы бесплодия, использование репродуктивных технологий не должно основываться только на коммерческом интересе соответствующих клиник, в связи с чем предлагается усилить государственный контроль по предоставлению этих услуг.

Источники и литература

- 1) Бодрийяр Ж. Общество потребления. Изд.: Республика, 2006, 272 с.
- 2) Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-potrebleniya-teoreticheskaya-model-i-rossiyskaya-realnost> (дата обращения: 15.11.2018).
- 3) Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 15.11.2018).
- 4) Бодрийяр Ж. Общество потребления. Изд.: Республика, 2006, 272 с., с.122.
- 5) Информационный бюллетень о Целях в области устойчивого развития «Сексуальное и репродуктивное здоровье (задачи ЦУР 3.7 и 5.6)», 2017. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/364947/sexual-reproductive-health-rus.pdf (дата обращения: 15.11.2018).
- 6) <https://medvestnik.ru/content/news/K-2075-g-ot-uvelicheniya-procedur-EKO-prirost-naseleniya-Rossii-sostavit-22-5.html>
- 7) Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы //

ЖИСП. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii-v-rossii-istoriya-problemy-demograficheskie-perspektivy> (дата обращения: 15.11.2018).

- 8) Русанова Н.Е. Репродуктивные возможности демографического развития. М.: Изд-во «Спутник+», 2008, С.240-241.
- 9) Андреева А.Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. № 2. С.17-30.
- 10) Андреева А.Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. № 2. С.21.

Влияние средств массовой информации на воспитание человека: результаты социологических исследований

Ляликова Софья Викторовна

МГУ имени М.В.Ломоносова

E-mail: sofia_lyalikova@outlok.com

В России, как и во многих развивающихся и развитых странах, очень остро стоит проблема простого воспроизводства населения. По данным Росстат, суммарный коэффициент рождаемости, несмотря на небольшой подъем к 2015г. (1,8) снова характеризуется отрицательной динамикой (в 2017г. - 1,6). Для решения данной проблемы ученые, политики и общественные деятели пытаются найти наиболее эффективный комплекс мер, направленных на повышение уровня рождаемости. Большинство фамилистов - сторонники комплексного подхода, включающего экономический, психологический и социальный факторы. Профессор МГУ Антонов А.И. в своих работах акцентирует внимание на разработке и внедрении долгосрочных мер семейно-демографической политики, необходимо поставить во главу угла воспитание просемейно-ориентированной личности. [1] Обеспокоенность потерей нравственных ориентиров современной молодежью обсуждается на самом высоком уровне: регулярные выступления Президента (в том числе в Послании к Федеральному Собранию и Указе Президента РФ от 7 мая 2018 сделан акцент на особенностях воспитания личности, основанной на духовно-нравственных ценностях, являющихся залогом успешного развития государства и единения русского народа), речи Патриарха, конференции и круглые столы, организуемые Государственной Думой (например, круглый стол на тему: «Совершенствование поддержки и развитие многодетных семей в Российской Федерации», «Ценностный кризис в России: наследие 1990-х или перманентное состояние общества? Поиск путей ценностной консолидации русского общества» и др.) и прочее свидетельствуют о заинтересованности высших эшелонов власти в привлечении внимания к трансформации жизненных ценностей россиян и желании переориентировать современные ценностные устремления молодежи на исторически сложившуюся систему традиционных жизненных ценностей. В региональных программах, нацеленных на активизацию семейно-демографической политики, нередко можно встретить аспекты, направленные на повышение уровня семейных ценностей, а как следствие и повышения рождаемости посредством привлечения средств массовой информации, социальной рекламы и прочих медийных технологий. Но насколько эффективными сегодня оказываются вышеупомянутые каналы воздействия? Для опре-

деления эффективности СМИ в качестве каналов воздействия на воспитание подрастающего поколения обратимся к эмпирическим данным. Кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Институтом социологии РАН с 2014г. регулярно проводит социолого-демографические исследования, направленные на изучение ценностных ориентаций и установок различных групп населения в современной России. В представленной работе используются данные ряда исследований: «Диагностика состояния образа жизни и перспектив системы управления в России» - В 2014г., «Мониторинг семейного образа жизни - 2016», «Исследование жизненных ценностей и семейно-детных ориентаций супружеских пар - 2018». Совокупная выборка за указанный период (2014-2016-2018гг.) составила 4252 респондента в возрасте от 17 до 90 лет, средний возраст опрошенных составил 39,1 лет (средний возраст имеет близкое значение к результату, полученному РБК при исследовании среднестатистического россиянина - 39,7 лет) [2]. Процентное соотношение женщин к мужчинам 57,6% к 42,4% (преобладание женщин объясняется особенностью отдельных выборок, включенных в единую базу исследования). Больше половины участников исследования (56,8%) состоят в зарегистрированном браке, около трети не состояли в браке на момент опроса, еще 13,0% - сожительствуют (по мнению демографа Захарова в 2008г. только в столице РФ проживало около 14% пар, состоящих в незарегистрированном браке, и наметилась тенденция к их увеличению). Одним из исследуемых аспектов стали факторы, оказывающие влияние на воспитание индивида. Для ответа на вопрос: «Что, по-вашему, играет наибольшую роль в воспитании людей?», респондентам было предложено проранжировать 13 категорий, среди которых: семья, школа, друзья, техникум (институт), литература, профессионально-технические училища, трудовой коллектив, искусство, телевидение, общественные организации, религия, газеты и радио. В таблице (см.рис.1) представлены средние ранговые значения, характеризующие каждую категорию в 2014, 2016 и 2018гг. Как показало исследование, в целом в зависимости от времени замера эмпирических данных меняется и эффективность влияния тех или иных каналов воспитания в восприятии общественности. Впрочем, стоит отметить, что тройка ключевых факторов, влияющих на воспитание индивида, по мнению респондентов, остается неизменной и представлена категориями «семья», «друзья» и «школа». При оценке фактора «семья» во мнениях респондентов наблюдается полное единодушие, более 95% ответивших отводят семье как агенту первичной социализации, обладающей в том числе воспитательной функцией 1 место (не зависимо

от года проведения исследования). А факторы «друзья» и «школа» в целом оцениваются респондентами очень схоже и воспринимаются отчасти синонимами, примерно равное количество опрошенных отводят данным категориям 2 или 3 место. Что касается остальных факторов, то мнения респондентов существенно разделились в сравнении с оценкой тройки лидеров. Помимо того, что радио, газеты и телевидение занимают последние строчки представленного рейтинга о важнейших факторах в воспитании. Стоит отметить, что с 2014 года данные категории продолжают терять свою значимость, о чем свидетельствует падение значения рангов (за четыре года телевидение с 7,8 места опустилось на 8,6; газеты с 9,4 до 10,3; радио с 9,9 до 10,6). Вероятно, подобные изменения можно соотнести с уровнем доверия населения к СМИ в целом. Как показало исследование ВЦИОМ [3] (см.рис.2), с 2012г. по 2017г. наличествует негативная тенденция при оценке каждого из каналов средств массовой информации, доверие к центральному телевидению и прессе упало на 16 процентных пунктов, к радио на 13. Данные тенденции развиваются несмотря на то, что телевидение по-прежнему остается ключевым каналом получения информации. По данным ФОМ [4], на вопрос «Из каких источников Вы чаще всего черпаете информацию?» 71% респондентов указывает на «телевидение» (впрочем, в 2010г. таковых было на 16% процентных пунктов больше). В то же время стоит отметить, что существенно возросло число практикующих альтернативные источники получения информации, например, из новостных порталов в Интернете (число таковых за последние 8 лет увеличилось до 43%), а также различных форумов, блогов и иных сайтов (с 4% до 19%). За последние годы телевидение (а также отчасти радио и газеты) постепенно теряет свой статус, переходя из категории достоверного источника информации, в сферу развлекательной индустрии. Вместе с тем меняется и отношения населения к тем продуктам, которые оно производит. По словам профессора МГИМО В.Соловья граждане устали от пропаганды [4]. Отмечается перенасыщение ежедневной повестки дня сообщениями политического и экономического характера, особенно четко это прослеживается в связи с событиями на Украине, после которых центральное телевидение превратилось в регулярную трансляцию политических телешоу. Населения устает от узконаправленного потока информации и пытается найти новые источники, отдавая предпочтения негосударственному телевидению и прежде всего интернет ресурсам. Таким образом, делая ставку на популяризацию семейных ценностей по средством привлечения СМИ необходимо учитывать уровень доверия населения к данному источнику информации, в том числе учитывая переход существенной части населения

(преимущественно молодежи - являющейся будущими или настоящими родителями, воспитывающими новые поколения) в сети интернет. Сухинов С.С. назвал воспитание подрастающего поколения «главным стратегическим приоритетом России в XXI веке» [5], так давайте грамотно и эффективно реализовывать данную цель.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Антонов А.И. Никто не будет рожать ради пособий. Собеседник. №26. 2017. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20170717-demograf-anatoliy-antonov-nikto-ne-budet-rozhat-radi-posobiy> (дата обращения: 15.11.2018)
- 2) Какой ты человек года – 2017. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/12/2017/5a40ddb9a7947294faf0abe> (дата обращения: 15.11.2018)
- 3) Интернет против телевидения: битва продолжается. ВЦИОМ. №3367. 3 мая 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 15.11.2018)
- 4) Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ. РБК. <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51> (дата обращения 27 ноября 2018)
- 5) Сухинов С.С. Воспитание подрастающего поколения как главный стратегический приоритет России в XXI веке. Культура и безопасность. 2016. URL: <http://sec.chgik.ru/vospitanie-podrastayushhego-pokoleniya-kak-glavnyiy-strategicheskiy-prioritet-rossii-v-xi-veke/> (дата обращения: 15.11.2018)

Приложения

ФАКТОРЫ	2014	2016	2018
Семья	1,1	1,1	1,3
Друзья	3,3	3,4	3,4
Школа	3,4	3,2	3,7
Техникум, институт	6,4	6,5	6,5
Литература	7,1	6,7	6,3
Профессионально-технические училища	7,3	7,2	7,2
Искусство	7,8	7,6	6,8
Трудовой коллектив	7,3	7,5	7,7
Телевидение	7,8	8,2	8,6
Общественные организации	8,6	8,8	8,7
Религия	8,9	9,1	9,9
Газеты	9,4	10,1	10,3
Радио	9,9	10,5	10,6

Рис. 1. Рейтинг факторов, играющих ключевую роль в воспитании (Ответ на вопрос: «Что, по-вашему, играет наибольшую роль в воспитании людей?», исследование кафедры социологии семьи и демографии МГУ)

Рис. 2. Уровень доверия к средствам массовой информации (Источник данных: Интернет против телевидения: битва продолжается. ВЦИОМ. 3 мая 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 15.11.2018))

Родительский инфантилизм: детство длиною в десятилетия

Мещанинова Евгения Юрьевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: E.Meshchaninova@yandex.ru

В последние годы в научном сообществе активно заговорили о проблеме социального инфантилизма. Австралийские исследователи считают, что необходимо увеличить период подросткового возраста. Подростковый возраст должен определяться не периодом с 10 до 19 лет, а быть продлён до 24 лет [10]. Возникновение подобных повесток связано с определёнными социально-экономическими, демографическими и культурными изменениями, происходящими в обществе.

В своей статье «Инфантилизм: теоретическая конструкция и операционализация» Елена Сабельникова и Наталья Хмелева указывают: «Феномен инфантилизма может быть рассмотрен как результат измененной культурной среды, измененного общения и деятельности. Инфантилизм как «болезнь роста» закономерно возникает в подростковом возрасте: уже не ребенок, но еще не взрослый ищет и присваивает новые формы взаимодействия с миром, которые не осваиваются одномоментно» [7 с. 99]. Основными инфантильными характеристиками взрослого человека являются «незрелость эмоционально-волевой сферы, несамостоятельность, неспособность принимать на себя новые социальные роли, подразумевающие определенную ответственность, территориальная и экономическая зависимость от родительской семьи» [7 с. 101].

Существует несколько причин, по которым инфантилизм, будь то психологических или социальный, рассматривается именно как проблема, а не как, допустим, изменение характеристик взросления современного индивида. В плане развития самосознания, чувства долга и ответственности, а также тех или иных нравственных принципов, инфантильные люди резко выделяются на фоне своих ровесников. Неспособность самостоятельно принимать и реализовывать адекватные своему возрасту решения, избегание принятия на себя обязательств, безответственность, эгоцентризм, «склонность к зависимостям, неспособность к адаптации, отсутствие социального продвижения» [6, с. 56], - вот только немногие из негативных характеристик инфантильного человека.

Рост социальной незрелости в масштабах всего общества грозит серьезными трудностями в вопросах поддержания семьи как главного социализирующего института, формирования развитого гражданского сознания и высокой политической культуры у молодого населения, обеспечения функционирования сфер труда и образования и т.д. Таким обра-

зом, инфантилизация на уровне массового сознания ведёт к дезорганизации общества, что отмечается в работе А.С. Ахиезера [2].

Причины социальной инфантилизации молодёжи также детально изучены. Во-первых, это трансформация института семьи, которая не обходится без серьёзных негативных последствий. Одной из частых причин развода в России, а следственно, распада семьи, становится неспособность супругов согласовывать собственные интересы с интересами друг друга. Распространённый мотив разрыва брачных отношений - несовместимость характеров и взглядов («не сошлись характерами») - меньше всего учитывает чувства и желания детей. Однако именно желание и умение учитывать позицию и интересы других людей отличает зрелого человека от незрелой личности. Во-вторых, имеет место экономическая уязвимость и материальная необеспеченность молодых людей (продолжительное пребывание в статусе учащегося или студента, зависимость от финансовой поддержки родителей и, как результат, позднее наступление финансовой независимости, проблемы с трудоустройством и т.п.). С этим в том числе связана неподготовленность молодых людей к семейной жизни, рождению и воспитанию детей, заботе о пожилых родителях. В-третьих, стоит учитывать влияние массмедиа на образ выбор жизненных стратегий (формирование «культы индивидуализма», настаивание на необходимости посвятить всё свободное время и жизнь в целом собственному саморазвитию, совершенствованию своего тела и навыков). В силу пропаганды ценности потребления и индивидуализированного образа жизни изменяется нормативно-ценностная система индивида. Нередко проблема усугубляется отсутствием возможностей для реализации своих потребительских амбиций.

На фоне эволюции возрастных категорий и роста внимания к детям всё очевиднее проявляется процесс инфантилизации родительства. Родительский инфантилизм является одной из наиболее деструктивных его форм, потому что он ставит под угрозу здоровье и благополучие одной и самых уязвимых социальных групп - детей и подростков.

Гребенникова В.М. и Руденко Е.Ю. исследовали зависимость между уровнем социальной инфантильности родителей и склонностью детей к отклоняющемуся поведению. Они пришли к выводу: «Социально инфантильный родитель априори не способен к полноценной реализации, возложенной на него функции по воспитанию следующего поколения. Излишняя концентрация на собственных проблемах, либеральный стиль воспитания ведут к крайне негативным последствиям. Во-первых, в таких семьях транслируется определенная модель поведения на межпоколенном уровне, иначе говоря, дети вырастают такими же социально ин-

фантильными, как и их родители. Во-вторых, недостаточное внимание, уделяемое детям со стороны социально инфантильных родителей, выступает в качестве провоцирующего фактора для проявления агрессии, аддиктивных моделей поведения и др.» [3, с. 33].

Речь идёт не просто о поведении, не соответствующем взрослому возрасту, но, прежде всего, о расстановке жизненных приоритетов и индивидуальной иерархии ценностей, особенно тех, которые касаются семейной жизни и родительских отношений.

Исследования показывают, что современные молодые люди в России не торопятся жить самостоятельно. Возраст отделения от родительской семьи увеличился с 18-20 лет для предыдущих поколений до 23-25 лет для современной молодёжи [4]. Изменения в экономической, культурной и социальных сферах привели к тому, что вместо попыток создания собственной семьи молодые люди тратят больше времени на саморазвитие, получение образования и поиск партнера.

Социальная зрелость связана с успешным овладением ключевых социальных ролей: профессиональных, супружеских и родительских. В случае инфантильного родительства наблюдается отсутствие адекватной критики при выборе подходов к воспитанию детей. Ребёнок выступает своего рода инструментом для реализации неосуществленных амбиций родителей, как «проект», в который нужно инвестировать достаточно средств, чтобы в последствии получить определённые дивиденды (например, статус матери или отца вундеркинда). Собственно, поэтому родители зачастую стремятся как можно раньше отдать ребёнка во всевозможные центры раннего развития, многочисленные развивающие кружки, языковые курсы, привить ему любовь к нескольким видам спорта одновременно и т.п. О том, насколько соответствуют подобные «передовые педагогические технологии» возрастной психологии, вопрос не встаёт.

Инфантильные родители редко когда удерживают статус авторитета у своих детей. Строя свою жизнь по принципу подражания «глянцевым личностям», «экспертам», «блоггерам» и т.д., они не стремятся сформировать собственный семейный и родительский опыт, за который будут нести ответственность. При определённых обстоятельствах дети быстро перерастают собственных родителей в интеллектуальном и моральном плане. Подобный разрыв приводит к трагическим конфликтам между поколениями в семьях.

Учёные из Калифорнийского университета в Ирвайне провели исследование с целью выяснить, сколько времени уделяют детям современные родители в сравнении со своими предками [9]. По итогам выяснилось, что с 1965 по 2012 год время, проводимое родителями с детьми, увели-

чилось вдвое. Социологи Джутит Треас и Джулия Сани проанализировали данные из 11 стран, среди которых Великобритания, США, Канада, Франция, Германия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Италия, Испания и Словения. Исследование показало: если в 1965 году матери проводили с детьми, в среднем, 54 минуты в сутки, то к 2012 году этот показатель увеличился до 104 минут. Что же касается отцов, то данные об их общении с детьми выглядят следующим образом: 16 минут в день в 1965 году и 59 минут в день - в 2012-м.

Подобные изменения связаны с трансформациями института семьи (изменениями ролевых моделей поведения членов семьи, состава семьи и пр.), трудовой и образовательной сферы, а также изменением статуса работы и досуга в повседневной жизни. Но на что стоит обратить внимание: длительность рабочего дня у мужчин с 60-х годов прошлого века не увеличилась, в свою очередь эмансипация женщин позволила последним активно включаться в общественную жизнь, больше заниматься собственной карьерой и тратить больше времени на работу, однако работающие отцы по-прежнему тратят меньше времени на ребенка, чем работающие матери.

Более того, сегодня в семье у жен и детей появился своеобразный конкурент - Интернет и связанная с ним индустрия компьютерных видеоигр. Развитие цифровых технологий, социальных сетей, рост интереса к компьютерным видеоиграм влияют на процесс инфантилизации молодёжи. Взрослых привлекает легкодоступность и красочность виртуальной реальности, не требующей выстраивания сложных социальных отношений. Интернет-среда формирует представление, будто реальность можно менять без особых усилий, проще говоря, просто выбирая ту или иную опцию. Достаточно выбрать правильную опцию, чтобы получить желаемое. Никакой ответственности за управление виртуальным игровым миром нести не нужно. Для инфантильных родителей это прекрасный способ «убежать» от действительности и рутины бытовой жизни.

В настоящее время уже нельзя сказать, что компьютерные игры являются прерогативой исключительно подростков, которые часами обитают в фантастических мирах и «стрелялках». По данным негосударственной организации Entertainment Software Rating Board (ESRB) средний возраст геймера сегодня составляет 34 года, а на долю взрослых любителей видеоигр в возрасте старше 50 лет приходится 26%. Женщины составляют практически половину всех пользователей компьютерных видеоигр [8].

Существуют и крайние формы подобного увлечения. В эпоху распространения персональных компьютеров и повального увлечения компью-

терными играми появилось отдельное понятие - «кидалт» (англ. «kidult» от «kid» («ребенок») и «adult» («взрослый»)), обозначающее взрослых людей (30-35 лет), сохраняющих свои детские и подростковые увлечения. Эта категория людей большую часть жизни проводят в Интернете и виртуальных мирах.

Ничего плохого в рекреационной функции компьютерных игр, безусловно, нет. Но удручает то обстоятельство, что в свободное от работы время отцы больше играют в видеоигры, и меньше занимаются детьми, помогают жене и решают бытовые вопросы.

Советский и российский математик Г.Г. Малинецкий, бывший заместитель директора Института прикладной математики (ИПМ) им. М.В. Келдыша РАН, отмечает, что средний россиянин проводит у телевизора или за компьютером почти 4,5 часа, и меньше получаса он занимается воспитанием детей [5, с. 79].

По мнению некоторых социологов, «родители перестают общаться с детьми ввиду нехватки времени и общей усталости, дети не видят родителей, воспитываются посторонними людьми. Таким образом, в современной семье ослабляются внутрисемейные связи. Детям не хватает внимания, заботы, возникают проблемы воспитания, родительский авторитет снижается, как следствие, у молодых людей отсутствуют цель, стремления, они разочарованы в жизни и хотят остаться в инфантильном состоянии» [1].

Добавим к вышеуказанному, что в силу демографического кризиса, накрывшего страну в конце XX века, сложилась такая ситуация, что значительная часть нынешних молодых родителей в свое время имела статус единственных детей в семье. Поведение, соответствующее «синдрому единственного ребенка», излишняя опека, изнеживающее воспитание по типу «кумира семьи», отчаянные попытки отгородить свое чадо от любых невзгод и тягот жизни - модель, которая сегодня проецируются (воспроизводится) молодыми родителями уже на собственных детей.

Коммуникация среди современной молодёжи становится более опосредованной технологиями и устройствами, контакты «лицом-к-лицу» заменяются цифровой коммуникацией, снижается уровень эмпатии, растет аутоподобное поведение (самопоглощение, попытки уйти от реальности). Это приводит к эмоциональной незрелости молодых людей.

В последние годы наблюдаются попытки легитимизировать инфантилизм взрослых, рассматривая его в качестве осознанно выбранной альтернативной жизненной стратегии и одного из множества стилей жизни. Однако сложно оправдать инфантильное поведение в случае, если речь идёт о здоровье и благополучии детей. Родительский инфантилизм про-

является в неприятии, отстранении или безответственном выполнении родительских обязанностей и обязательств (самые негативные проявления - отказ матерей от новорождённых, уход отцов из семьи с больным ребёнком, детская смертность из-за недосмотра взрослых и т.п.), связанных с процессом взросления и принятием на себя роли родителя. Поэтому родительский инфантилизм - это та проблема, которая требует тщательного изучения.

Источники и литература

- 1) Ардельянова Я. А., Саидов Б.Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. №4.
- 2) Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – 600 с.
- 3) Гребенникова В.М., Руденко Е.Ю. Социальная инфантильность родителей как фактор формирования отклоняющихся моделей поведения детей // Международный научно-исследовательский журнал, № 1 (67), 2018. С. 31-34.
- 4) Долгова А.А., Митрофанова Е.С. Начало самостоятельной жизни россиянами: межпоколенческий аспект // [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/analit02.php> (Дата обращения: 19.11.2018).
- 5) Малинецкий Г.Г. Мы стали свидетелями своеобразной гонки: в какой стране человек деградирует быстрее? // Будущие угрозы человечеству и России. Материалы научного семинара. Вып. № 4. М.: Научный эксперт, 2009. С. 77-81.
- 6) Ручкин Б.А., Гришина Е.А., Серикова Н.А. Российская молодежь: десять главных проблем. М., 2007. 87 с.
- 7) Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. №3 (132).
- 8) Entertainment Software Rating Board. URL: <http://www.smithsonianmag.com/innovation/how-palmer-luckey-created-oculus-rift-180953049/?no-ist>

- 9) Giulia M. Dotti Sani, Judith Treas (2016) Educational Gradients in Parents' Child-Care Time Across Countries, 1965–2012, *Journal of Marriage and Family*, Vol. 78(4), P. 1083-1096.
- 10) Susan M. Sawyer, Peter S. Azzopardi, Dakshitha Wickremarathne, George C. Patton (2018) The age of adolescence, *The Lancet Child & Adolescent Health*, Vol. 2 (3), P. 223-228.

Сохранение и укрепление репродуктивного здоровья женщин фертильного возраста как необходимая основа семейно-детного образа жизни

Новоселова Елена Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: alena_n_@mail.ru

В условиях современной России одним из резервов повышения рождаемости является "укрепление репродуктивного здоровья населения" [11], как "состояния полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех сферах, касающихся репродуктивной системы, ее функций и процессов" [Цит. по: 4].

Данное понятие касается как женщин, так и мужчин, а сохранение репродуктивного здоровья родителями является важным аспектом здоровья будущего ребенка, однако в работе речь пойдет в первую очередь о репродуктивном здоровье женщин, т.к. именно они в большей степени ответственны за зарождение новой жизни, развитие и вынашивание беременности, роды [см., например: 2].

Женское репродуктивное здоровье характеризуется следующими показателями: заболеваемость женщин в период, предшествующий беременности и непосредственно во время беременности, уровень бесплодия, распространенность абортот и их динамика, младенческая, перинатальная и материнская смертности.

На сегодняшний день, в России особое место в системе мер по сохранению и укреплению репродуктивного здоровья женщин занимает проблема снижения количества абортот. Несмотря на значительную положительную динамику этого показателя (количество операций по искусственному прерыванию беременности снизилось в 4,5 раза за последние 25 лет), в сравнении со странами со сходным уровнем рождаемости число абортот в России все еще довольно велико. Среднее значение специального коэффициента абортот в России в два раза выше, чем в странах Европейского союза, а если сравнивать Россию с такими странами как Швейцария и Германия, то разница будет в 4-3,5 раза [См., об этом: 2].

Наша страна входит в число стран, имеющих либеральное законодательство в отношении искусственного прерывания беременности, женщины в 58 (в этих странах проживает более половины населения мира) из 196 стран имеют сходные права на аборт по желанию, однако, как показывает практика, распространенность абортот не зависит от законодательных запретов, дело скорее в контрацептивной культуре, доступно-

сти контрацепции. И тем не менее, полемика вокруг аборт не утихает. Главный противник - русская православная церковь, которая рассматривает аборт как тяжкий грех и приравнивает его к убийству. Такая позиция приобретают все больше сторонников, так участники общероссийского общественного движения "За жизнь!" объявили, что собрали ровно 1 миллион подписей в поддержку своей петиции за запрет абортов в стране [См., об этом: 5]. Тем не менее, закон пока на стороне женщины, вернее ее свободного выбора исхода беременности.

Какого же отношение к искусственному прерыванию беременности российского общественного мнения? Население аборт не одобряет, россияне не утверждает, что это хорошо, однако "искусственное прерывание беременности воспринимается большинством как допустимое и оправданное" [1], народ не поддерживают радикальных запретов, не одобряют вывод абортов из системы обязательного медицинского страхования (62% высказалось против, 22 - за). Лишь 4% (по данным ВЦИОМ) 11% (по данным ФОМ) [Источник данных: 1, 6] населения считают, что аборты недопустимыми ни при каких обстоятельствах, взгляды остальных менее однозначны, многие предлагают оставить решение за женщиной.

Почти треть населения нашей страны (29%) заявляют о том, что запрет абортов не будет иметь никаких положительных последствий, и лишь 1% считает, что у подобной меры, напротив, нет отрицательных последствий. В целом же население находит как отрицательные, так и положительные моменты в данной мере. К отрицательным последствиям причисляют: распространение нелегальных абортов (40%), увеличение числа брошенных детей и детоубийств (17%), повышение женской смертности в результате нелегальных абортов (12%), вред здоровью женщин от нелегальных абортов, бесплодие (8%), рост нищеты (4%) и т.д. К положительные относят: рост рождаемости в стране (27%), повышение ответственности в личной жизни (5%) [Источник данных: 6].

Большинство специалистов соглашается с россиянами и считают, что попытки законодательно запретить искусственное прерывание беременности бессмысленны. Начнем с того, что практически никакой связи между распространение абортов и рождаемостью в современном мире нет, существует огромное количество других способов избежать нежелательных рождений. Кроме того, данная мера станет лишь борьбой с последствиями, а не с причиной, это лишь затруднит доступ к услуге, породит возникновение системы нелегальных абортариев и коррупцию, простимулирует возрождение практики самоаборта, увеличит риски для здоровья женщин и никак не уменьшит спрос [См., об этом: 3].

Крайне интересна статистика абортов по возрастам. Существует мне-

ние, что огромное число абортс делают девушки подростки, что связано со снижением возраста сексуально дебюта, плохой информированностью как о эффективных средствах контрацепции, так и о последствиях абортс для здоровья и будущей фертильности. Однако это не совсем так, самое большое число абортс в нашей стране делают женщины в возрастных группах - 25-29 (24,7%) и 30-34 года (22,9%) [Источник данных: 9]. Таким образом, искусственное прерывание беременности в России скорее регулирует количество рождений в семье, прибегают к нему женщины, имеющие одного-двух детей, которые удовлетворены имеющимся числом детей или хотят подождать с рождением следующего ребенка.

Кроме уровня абортс для характеристики репродуктивного здоровья используют показатели материнской и младенческой смертности. Оба показателя в последние годы довольно существенно и устойчиво снижаются, так, коэффициент младенческой смертности составил на 2017 год 5,6 на 1000 родившихся живыми [Источник данных: 12], для сравнения в 2012 он составлял 8,6 ‰. При этом для городского население показатель составляет 5,1‰, казалось бы, неплохо, однако при сравнении со странами Западной Европы (не говоря уже о Японии, где этот показатель равен 1,9‰) и некоторыми странами Восточной Европы наша страна несколько проигрывает в битве за детские жизни.

Показатель материнской смертности является другим важным индикатором репродуктивного здоровья женщин. Число таких женщин относительно невелико, а в последние годы показатель демонстрирует уверенное падение - 20 умерших на 100 тысяч родившихся живыми в 2010 году, 8,8 в 2017 году [Источник данных: 12]. По большей части, снижение материнской смертности происходит за счет уменьшения числа умерших после абортс, гораздо медленнее снижается гибель женщин от акушерских причин.

Уровень бесплодия, которое является очень насущной проблемой учитывая низкий уровень рождаемости, широкое распространение абортс, а также увеличение распространенности инфекций, передающихся половым путем, является дополнительным свидетельством не самого благополучного состояния репродуктивного здоровья российских женщин, да и мужчин тоже [См., об этом: 7]. Причиной бесплодия могут быть нарушения репродуктивной системы у одного или обоих супругов. Уровень женского бесплодия в нашей стране соответствует среднемировому и составляет около 5%, "вторичное бесплодие охватывает 3,2% всех женщин 20-44 лет (для сравнения: в США, Норвегии и Финляндии эта доля - 1%, то есть втрое ниже). Первичное бесплодие в России - 1,9%, что совпадает со среднемировым показателем" [7]. Бесплодие является не

только медицинской, но и психологической и социальной проблемой, которая приводит к различным стрессовыми ситуациям и воспринимается супругами как трагедия.

Таким образом, в деле сохранения сексуального и репродуктивного здоровья российских женщин все еще остается множество пробелов. От здоровья будущих матерей, зависит насколько здоровыми будут рождаться дети, и здесь важно не допустить все более серьезного затягивания общества в некую "социальную воронку" нездоровья [8]. Данная проблема требует комплексного подхода к ее решению с привлечением не только медиков, но и специалистов из других наук - социологов, психологов, сотрудников научных и общественных организаций.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Аборт: разрешить нельзя запретить // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3228. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115920>.
- 2) Григорьев Ю.А., Соболева С.В. Современное состояние репродуктивного здоровья населения Сибири как фактор сокращения рождаемости в регионе // Регион: экономика и социология. 2013. №2.
- 3) Исупова О.Г., Сакевич В.И. Логическая ошибка: к чему приведет запрет на аборты и бэби-боксы // РБК 03.10.2016. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/03/10/2016/57f25ade9a79479a7b550a97>.
- 4) Кулаков В.И, Фролова О.Г. Репродуктивное Здоровье в РФ // Народонаселение. 2004. №3. с. 93.
- 5) Миллион подписей за запрет абортов: активисты объявили итоги кампании // РИА Новости. 18.08.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170818/1500611638.html>.
- 6) Отношение к запрету абортов // «ФОМнибус». 16 октября 2016. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13060>.
- 7) Репродуктивное здоровье населения России. Резюме отчета. 2011 // Федеральная служба государственной статистики. Министерство здравоохранения Российской Федерации. М. 2012.

- 8) Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly №509 – 510. 1 - 20 мая 2012 <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php#1>
- 9) Сакевич В.И. От аборта к контрацепции // Демоскоп Weekly. № 687 – 688. 2016. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema02.php>
- 10) Сакевич В.И. Сближение России и США по уровню абортов // Демоскоп Weekly. № 745 – 746. 2017.
- 11) Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299>
- 12) Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru>.

Дискредитация образа родителей в современных мультфильмах (на примере мультфильма студии The Walt Disney Company *«Рапунцель: запутанная история»*, 2010 г.)

Перлова Инна Владимировна

Московский педагогический государственный университет

E-mail: innaperlova@bk.ru

Сегодня человечеству как никогда открыты самые разные увлекательные пути развития и времяпрепровождения. Если раньше семейный отдых редко обошелся бы без выезда на пикник или посещения музея, то сегодня редко кого удивит совместным просмотром кино или необычайно ранним развитием ребенка через мультфильмы. Однако общая доступность различных видеоматериалов порождает неконтролируемость их просмотра детьми, а занятость родителей усугубляет ситуацию. Папам и мамам проще доверять возрастным знакам информационной продукции (0+, 6+, 12+), чем разобраться с содержанием мультфильма. Таким образом, незащитный ребенок, с еще не сформировавшимся критическим мышлением, остается один на один со вложенными в сюжет установками, зачастую являющимися не просто сомнительными, но даже опасными для развития личности.

На протяжении многих лет крупнейшая голливудская студия The Walt Disney Company является передовиком в создании красочных мультфильмов. Благодаря хорошей репутации, анимационно-качественному продукту и длинной истории, вот уже пол века родители предпочитают именно диснеевские мультики для просмотра с детьми. 50-ым юбилейным анимационным фильмом стала история о Рапунцель. Кинотеатры России открыли продажи на сеанс «Рапунцель: запутанная история» в 2010 году, однако и по сей день россияне пересматривают эту семейную комедию, а телеканалы включают в программу вещания. Рассмотрим содержательно, как сюжет сказки и образы ее героев раскрывают вложенные режиссерами идеи о семейных отношениях.

1. Образ отца.

Отец главной героини показан лишь дважды: в начале мультика и в конце. Оба раза он рядом с женой, они находятся в теплых отношениях. Спутник Рапунцель, Юджин, является сиротой. Образ его отца никак не представлен. Таким образом, маленький телезритель практически не видит здоровую модель семьи.

2. Образ матери.

Настоящая мать главной героини показана дважды вместе с мужем.

Образ матери Юджина никак не представлен. Завязка сюжета строится на взаимоотношениях главной героини и ее мачехи, Готель, причем только в конце девушка осознает обман. Поэтому поведение Готель соответствует поведению настоящего родителя. Вместо классического понятного образа негативного персонажа в лице мачехи, жестоко притесняющей падчерицу, режиссеры добавили ей сложный для понимания ребенком манипулятивный оттенок. Теперь Готель не заставляет Рапунцель без отдыха работать и содержать дом, но заботится о ней, готовит для нее еду, делится переживаниями, защищает. В свою очередь псевдодочь называет псевдомать мамой, мамочкой. В этой ситуации у ребенка путаются понятия названных добрых и злых персонажей, ведь злой персонаж делает необходимое для жизни добро и в то же время неопровержимое, давящее на свободу личности и выбор, зло. Таким образом, ввиду незрелости критического мышления на бессознательном уровне малышом усваивается следующая установка: «Хотя мама и заботится обо мне, на самом деле она плохая и угнетает меня». Иллюстрация иного способа взаимодействия, при котором интересы дочери и матери могут сосуществовать вместе, отсутствует.

3. Образ старшего поколения.

Родные дедушки и бабушки центральных действующих героев никак не представлены в мультфильме. Однако в сюжете просматривается образ старшего поколения в лице одного из разбойников. Старый дедушка наделен не привычными мудростью и добротой, а похотливыми фантазиями, сумасшествием, пьяной внешностью и эксгибиционизмом. Такое представление полностью дискредитирует старшее поколение и обесценивает ту пользу, которую оно может принести обществу, несмотря на возрастные особенности.

4. Образ ребенка.

В мультфильме Рапунцель почти 18 лет, она творческая личность, ответственна, хозяйственна, добра, имеет множество разносторонних увлечений, ее внешность нарочито напоминает ангельскую. Если рассматривать поведение идеализированной героини через призму отношений «мать-дочь» и с учетом предыдущих выводов об образе матери, то получится следующее: ребенок - это светлое, идеальное, исключительное существо, попираемое эгоистичным родителем. По сюжету Рапунцель изначально была рождена для большего - быть принцессой государства, жить в роскошном замке в изобилии и заботе. «Матушка Готель» в свою очередь не просто не дает ей всего этого, но и всячески препятствует получению благ. Важно отметить возрастное ограничение мультфильма и возраст Рапунцель: 6+ и 18 лет соответственно. Однако сама девушка

выглядит как подросток, а мультфильм содержит сцены, где она ведет себя словно дошкольница. Т е в описанных возрастных периодах, являющихся целевой аудиторией, ребенок обычно не может без помощи родителей и их контроля «уйти в мир» получать «заслуженные» блага, как транслирует сценарий. Таким образом, дети, ассоциирующие себя с главной героиней и берущие с нее пример, усваивают якобы само собой разумеющуюся конфронтацию матери и дочери, но в силу возраста не осознают продвигаемую нелогичную установку.

5. Образ возлюбленного.

В качестве будущего мужа главной целевой аудитории, 6-13-летним девочкам, режиссеры предлагают 26-летнего вора, предателя, совратителя и исключительного материалиста. Причем модель поведения Рапунцель выстроена таким образом, что именно представленный характер мужчины может освободить ее, угнетенного ребенка, от власти и запретов взрослого. Интересно, что Юджин все же наделен добросердечными проявлениями, однако, чтобы они раскрылись, сама девушка должна иметь чрезвычайно искренний милостивый характер, чтобы помочь раскрыть их. Таким образом, сюжетом мультфильма у девочек не только растормаживается интерес к противоположному полу, но и усваиваются губительные для построения дальнейших семейных отношений установки по выбору партнера.

6. Образ семьи.

В мультфильме прослеживается несколько моделей семьи. Первая и самая яркая - мать-одиночка и ребенок. В данном случае родитель больше представлен эгоистичным, психологически-нездоровым человеком, вымещающим собственные слабости и проблемы на ребенка. В свою очередь ребенок идеальный, заслуживающим сочувствия, помощи и в целом большего нежели есть. Вторая и менее заметная в сюжете - традиционная семья с папой, мамой, ребенком. Эта модель поведения изображена заслуженно теплой, чувственной и нежной. Третья - сиротская. Здесь для сироты семья - это верный конь, олицетворяющий и друга, и брата. Таким образом, в наиболее выгодном свете проиллюстрирована традиционная модель семьи, однако основным лейтмотивом на протяжении всего мультфильма является семья из матери-одиночки и ребенка. Эта же модель вызывает отвращение больше всего.

Изучив мультфильм под непривычным углом, можно сделать вывод о том, что среди прочих создатели продвигали следующие социально опасные установки: 1) мать настолько значимее отца, что его можно «не брать в расчет» и даже не упомянуть, 2) мать является для ребенка безоговорочным препятствием на пути к его мечте, 3) ребенок уникален

и исключителен сам по себе, он достоин большего, 4) старшее поколение жалкое и никчемное, 5) первая любовь никогда не обманет даже будучи в прямом смысле вором и аферистом, 6) встречаться с парнем сильно старше себя хорошо, 7) мать-одиночка психически-больна, она использует ребенка в своих целях. Учитывая присущую детям любознательность и способность легко впитывать поступающую информацию на сознательном и бессознательном уровнях, можно с уверенностью сказать, что мультфильмы, содержащие подобные негативные послы, губительно сказываются на формировании адекватного восприятия ребенком реальности.

Таким образом, несмотря на официальные возрастные рекомендации к просмотру кинопродукции, с родителей не снимается ответственность за то, что смотрит их ребенок и чему учится через это. Важно не перекладывать на мультфильмы образовательную, воспитательную, развивающую и другие функции. И вместе с этим лучше организовать досуг и времяпрепровождение ребенка таким образом, чтобы все эти функции реализовывались и родителями традиционно, и медийным подспорьем с ненавязчивым контролем. Так как в современном мире действительно сложно отследить, какие мультики, передачи и фильмы смотрит ребенок, ценно хотя бы словесно интересоваться его предпочтениями в этой сфере. И если случится совместный просмотр, то обязательно обсудить с ребенком сюжет, услышать его мнение и выразить свое.

Приложения

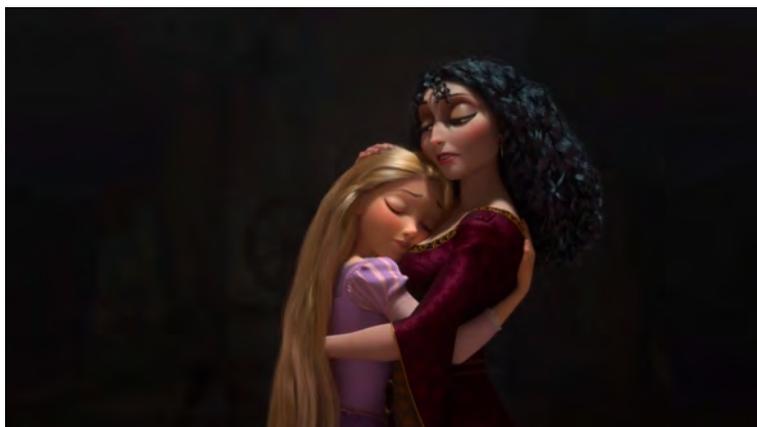

Рис. 1. Сцена из мультфильма "Рапунцель: запутанная история" 2010 г. По сюжету Рапунцель обнимает негативного персонажа - злоую мачеху, что сложно понять ввиду визуально позитивной демонстрации взаимоотношений.

Рис. 2. Сцена из мультфильма "Рапунцель: запутанная история 2010 г. По сюжету олицетворением старшего поколения является старик-разбойник, алкоголик, эксгибиционист.

Рис. 3. Сцена из мультфильма "Рапунцель: запутанная история 2010 г. По сюжету Флин Райдер (он же Юджин) - вор, неудачник, обманщик и возлюбленный Рапунцель.

Опыт Пермского края в реализации социальной политики в сфере семьи

Погадаева Галина Дмитриевна

ПГНИУ

E-mail: galyapogadaeva@yandex.ru

Региональная социальная политика является неотъемлемой частью федеральной социальной политики. Более того, оттого насколько правильно реализуется социальная политика в Пермском крае, зависит комплексность и сбалансированность развития собственно региона.

Пермский край является «реализатором» социальных программ в сфере семьи не только федерального, но и регионального уровня. Внимание представителей государственных органов власти к социальной политике в сфере семьи связано с развитием региона, в том числе с улучшением качества жизни, привлечением средств в регион и т.д.

Изменения в обществе, в том числе в социальной сфере, необходимо рассматривать в качестве непрерывного процесса или бесконечного потока событий. События могут вести социум, как по пути совершенствования, так и по пути деградации, элиминирования. Значит, любую сферу жизнедеятельности общества необходимо регулировать, целенаправленно управлять ею. Стоит отметить, что специфика регулирования социальной системы заключается в самоуправляемости, целенаправленности и наличии обратной связи [1].

Согласно статистике, в Пермском крае в 2016 году естественный прирост населения составил 0,3, то есть число родившихся превысило число умерших (на 1000 человек населения) на 0,3. При этом разница между коэффициентами брачности и разводимости составила 2,5. Это связано со снижением уровня брачности населения в сравнении с 2010-2015 гг. почти на 2 [5]. Следовательно, существует необходимость в реализации органами государственной власти и общественными организациями эффективной социальной политики.

В современной научной литературе распространено большое количество дефиниций социальной политики. Часть исследователей данное понятие трактуют как «совокупность властных управленческих воздействий, обеспечивающих... поддержку жизнедеятельности групп населения, подверженных рискам... в целях консолидации общества [4]. Другая часть исследователей понимают под социальной политикой «механизм регуляции государством и другими институтами социально-экономических отношений в обществе... с целью создания благоприятной социокультурной среды для их жизнедеятельности, гармонизации всех сфер

общества, обеспечения стабильности и гражданского сознания» [3]. Также социальная политика понимается как «составная часть внутренней политики государства, воплощенная в его социальных программах, практике и регулирующая отношения в обществе в интересах и через интересы основных социальных групп населения» [7]. Автор данной статьи рассматривает социальную политику как способ управления социально-экономическими процессами общества государственными и общественными институтами, воплощенный в форме социальных программ, в интересах определенных социальных групп населения. Тем самым социальная политика способна оказывать влияние на процессы, происходящие в обществе, следовательно, реализация эффективных социальных программ - важный инструмент регулирования, управления для государства и общества. Более того, в связи с тем, что возрастающее противоречие между уровнем богатых и уровнем бедных стало одной из глобальных проблем, то и социальная политика приобретает глобальный характер.

Субъектами социальной семейной политики являются государственные органы управления, государственные органы власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, институты гражданского общества. Данные субъекты социальной политики обеспечивают благосостояние и развитие общества, а также реализуют принцип социальной справедливости, который считается главной и важнейшей целью проводимой политики в социальной сфере.

Социальные программы - это совокупность научно обоснованных конкретных мероприятий, реализуемых органами государственной власти, которые направлены на решение комплекса социально-экономических и других проблем [2]. В данной статье государственные социальные программы представляют собой целый комплекс качественных мероприятий, реализуемые органами государственной власти и общественными организациями и способные улучшить состояние определенных социальных групп населения.

Семейную политику, реализуемую органами государственной власти, начиная с 2000 гг. принято называть пронаталистской. Это связано с целым рядом причин: во-первых, с признанием кризисного положения семей с детьми и провозглашением поддержки материнства и детства приоритетным направлением современной социальной политики в сфере семьи; во-вторых, задача семейной политики - повысить репродуктивную норму, то есть стимулирование рождения второго и третьего ребенка; в-третьих, направленность мер материальной поддержки на изменение материально-зависимого положения женщины в семье с маленькими детьми и помощь в достижении повышенной репродуктивной нормы; и,

наконец, пропаганда среди женского населения борьбы за равноправие и эмансипацию, что детерминирует уход современных женщин от их природного предназначения.

В настоящее время социальная политика в сфере семьи осуществляется в денежной форме, натуральной и в форме морального поощрения, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Анализ мер социальной поддержки семей в субъектах РФ позволил выделить несколько групп регионов в зависимости от уровня поддержки: регионы с развитой системой социальной поддержки, регионы РФ, по которым мало или нет информации о проводимой социальной политике. При этом критерии развитости социальной политики в сфере семьи следующие: наличие четко выделенного структурного подразделения в исполнительном органе субъекта РФ, который занимается вопросами улучшения положения семей и региональной семейной политикой; наличие программ улучшения жилищного положения семей в регионе, программ финансовой и социальной помощи семьям; публикация информации об органах, программах и мероприятиях в открытом доступе на официальном сайте субъекта РФ [2].

Региональная социальная политика - это неотъемлемая часть социальной политики России, объединяющая региональные аспекты и учитывающая специфику субъекта федерации. Тем самым, подобный тип управления реализует интересы государства с учетом потребностей населения региона. Анализ сайта Министерства социального развития Пермского края позволил определить ряд социальных программ, которые реализуют региональные органы государственной власти.

Согласно государственной программе Министерства социального развития Пермского края «Семья и дети Пермского края», в 2017 году на предоставление единовременного социального пособия беременным женщинам и кормящим матерям из малоимущих семей, а также при многоплодном рождении было выделено около 30 млн. руб., на предоставление ежемесячных денежных выплат многодетным малоимущим семьям - около 154 млн. руб., на предоставление мер социальной поддержки учащимся из малоимущих и многодетных малоимущих семей - почти 530 млн. руб. и 334 млн. руб. соответственно. Предоставляются меры социальной поддержки по оплате коммунальных услуг, единовременные денежные пособия гражданам, усыновившим ребенка (детей), из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [8].

Федеральная программа «Жилище» на 2015-2020 годы утверждена 17 декабря 2010 года и входит в государственную программу «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами

граждан Российской Федерации». Ее подпрограмма «Стимулирование программ развития жилищного строительства субъектов РФ» позволит обеспечить массовое строительство жилья экономкласса, отвечающего стандартам ценовой доступности, энергоэффективности и экологичности, сформировать новый сегмент жилья на рынке, в том числе для молодых семей. Кроме того, введена подпрограмма «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством». В 2016 году в программу были внесены изменения, в частности, введена новая форма поддержки молодых семей при приобретении (строительстве) жилья: предоставленную семье социальную выплату можно будет направить на погашение ипотечного кредита. Более того, введен механизм контроля за соответствием планируемого к приобретению (строительству) жилого помещения (жилого дома) критериям отнесения жилых помещений к жилым помещениям экономкласса [10]. Принятые решения способствуют совершенствованию механизма реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище».

С 1 января 2018 года постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 года №1711 о предоставлении субсидий из федерального бюджета российские семьи, которые ожидают второго или третьего ребенка, могут оформить ипотеку под процентную ставку 6% годовых на приобретение жилья на первичном рынке: готового жилого помещения или на этапе строительства. Срок субсидирования ипотеки государством составит 3 года на второго ребенка и 5 лет на третьего ребенка, то есть на этот период оплату ставки по жилищному кредиту свыше 6% перед банком возьмет на себя государство. Субсидии по льготной ипотеке будут предоставляться семьям до 2022 года [6].

В декабре 2017 года внесли изменения в Федеральный закон от 29 декабря 2006 года N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Тем самым, государственная программа «Материнский капитал» продлена до 31 декабря 2021 года. При этом основные положения программы не были изменены, модификации подверглись только некоторые части статей 7, 11 и 13 [11].

Таким образом, социальная политика - это деятельность социальных институтов общества по упорядочению, формализации и стандартизации социальных связей. Деятельность направлена на оптимизацию социальной структуры, позволяющая обеспечить стабильное состояние общества. Главная цель социальной политики - интеграция общества, сохранение равновесия социальной системы.

Источники и литература

- 1) Балюшина Ю.Л. Социальная политика: понятие и сущность / Экономика и экономические науки. Вестник Северного (Арктического) федерального университет. Серия: гуманитарные и социальные науки, 2009. С. 56-59.
- 2) Гнедаш А.А. Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты / Социология // Женщина в российском обществе, 2015. №3/4. С. 96-108.
- 3) Зайнышев Э.Г. Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994. С.6.
- 4) Капицын В.И. Социальная политика и право: сущность и взаимозависимости // Общерос. журн. соц. Работы. 1998. №8. С.31.
- 5) Население / Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [Электронный ресурс]. URL:http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 24.11.2018).
- 6) О субсидировании процентной ставки по ипотечным кредитам для семей с детьми / Правительство России [Электронный ресурс]. URL:<http://government.ru/docs/30909/> (дата обращения: 08.08.2018).
- 7) Погосян М.С. Социальные программы в социальной политике организаций / Экономика и экономические // Социально-политические науки, 2012. №1. С. 168-171.
- 8) Социальная поддержка граждан Пермского края / Министерство социального развития Пермского края [Электронный ресурс]. URL:<http://minsoc.permkrai.ru/gosudarstvennye-programmy/sotsialnaya-podderzhka-grazhdan-permskogo-kрая/> (дата обращения: 08.08.2018).
- 9) Социальная политика: парадигмы и приоритеты: моногр. / под ред. В.И. Жукова. М., 2000. С.88.
- 10) Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015-2020 годы / Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии [Электронный ресурс]. URL:<https://rosreestr.ru>

[/site/activity/](#) gosudarstvennyye-programmy/gosudarstvennaya-programma-rossiyskoy-federatsii-obespechenie-dostupnym-i-komfortnym-zhilem-i-kommun/federalnaya-tselevaya-programma-zhilishche-na-2011-2015-gody-/ (дата обращения: 08.08.2018).

- 11) Федеральный закон N 432-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286465/ (дата обращения: 08.08.2018).

Тенденции матримониального и репродуктивного поведения в Латинской Америке в XXI веке.

Пятаков Андрей Николаевич

Институт Латинской Америки РАН

E-mail: anpyatakov@yandex.ru

В отечественной социологии в целом и в рамках социологии семьи в частности Латинская Америка в определенной степени остается terra incognita. Вместе с тем в регионе имеют место тенденции в эволюции института семьи как типичные для общеглобальных трендов, так и обладающие собственным своеобразием и уникальностью. Данная статья ставит целью «заполнить» латиноамериканский «пазл» в общей картине трансформации матримониальных и репродуктивных стратегий в современном мире.

В первую очередь следует сказать о демографическом «весе» региона в глобальном масштабе, коснувшись такого важного аспекта как возраст населения и доля молодежи в совокупном населении, ведь объективно именно эти показатели влияют на репродуктивную активность общества. Совокупное население стран Латинской Америки составляет по данным на 2018 г. почти две трети от числа проживающих в Западном полушарии: 652 миллиона из чуть более 1 миллиарда. При этом в Южной Америке (в отличие от Северной) проживает более молодое население, на что указывают два показателя: медианный возраст по региону и количество населения репродуктивного возраста. Так, по первому показателю Латинская Америка на 8 лет «моложе» Северной Америки и фиксирует медианный возраст на уровне 30 лет. Из весомых в демографическом плане стран региона ни одно государство не приближается к показателю США в 38 лет (такой же уровень у Северной Америки в целом): Бразилия (33), Аргентина (31), Мексика (29), Колумбия (31), Венесуэла и Эквадор (28) [4]. По абсолютным показателям также выходит, что латиноамериканское общество очень «молодое». Так, по данным на 2017 г. возрастная группа в диапазоне 15-29 лет составляла в целом по региону четверть населения, то есть около 160 млн человек. В логике «от обратного» на это указывает и доля престарелого населения. Если в Латинской Америке людей старше 65 лет насчитывается 9%, то в Северной Америке - 16% (при этом в Канаде - 17%, а в США - 16%).

Следствием демографической «молодости» латиноамериканского региона является проблема, свойственная всему спектру развивающихся стран, а именно проблема подростковой беременности и раннего возраста заключения брака. В целом можно констатировать, что институт брака

теряет былую популярность и привлекательность. Это общемировая тенденция, имеющая место и в Латинской Америке. На смену браку в моду постепенно входит сожитительство. Лидирующие позиции здесь занимает Колумбия, где сожителствуует 35% взрослого населения. При этом 85% детей в этой андской стране рождается вне брака [3]. Приближающиеся к данному уровню показатели демонстрируют такие страны как Перу, Чили, Бразилия, Аргентина, Боливия и Мексика. Существенно упало в сравнении с прошлым веком количество легальных браков. Например, в Колумбии и Перу на тысячу репродуктивно способных граждан приходится всего три свадьбы. Возрастная группа, в которой сожитительство наиболее популярно - женщины 25-29 лет. Так, в Панаме, Аргентине и Уругвае в этой демографической стране в среднем 65% молодых женщин предпочитают заводить семью в формате сожитительства.

Относительно ранних браков в Латинской Америке наблюдается тенденция к возрастанию, являясь согласно Фонду ООН по делам детства (ЮНИСЕФ) единственным регионом мира, где за последние 10 лет число подростковых браков имеет четко выраженную тенденцию к росту. По оценкам данной организации в 2018 г. на фоне того, что всего в мире примерно 650 млн девушек-подростков состоят в браке, Латинская Америка демонстрирует наибольшую концентрацию ранних браков (по определению ЮНИСЕФ в данную категорию входят брачные союзы, заключенные с девушкой моложе 18 лет). Так, по поросам, проведенным экспертами организации 23% латиноамериканских женщин в возрасте 20-24 лет вышли замуж до 18 лет, а 5% - до 15-ти [5]. Частота ранних браков варьируется в зависимости от страны от 8% (Ямайка) до 41% (Никарагуа). В «пятерку» стран с наибольшим показателем ранних браков входят (помимо Никарагуа) Доминиканская Республика (37%), Бразилия (36%), Гондурас (34%) и Гватемала (30%). Таким образом, видно, что в наибольшей степени феномену подросткового брака в наибольшей степени подвержены страны Центральной Америки, а также южноамериканский гигант Бразилия.

Страны Латинской Америки всегда характеризовались устойчивой тенденцией в расширенному воспроизводству. Высокие темпы рождаемости на протяжении многих десятилетий были основным источником прироста населения. Однако в XXI веке темпы рождаемости и фертильности женщин заметно снизились. Так, если в 60-е годы XX века средняя латиноамериканская семья имела 6 детей, то к настоящему времени этот показатель снизился втрое. К 2018 г. показатель количества детей, рождающихся на одну детородную женщину, в Латинской Америке равен среднему показателю по Западному полушарию - 2, но превышает пока-

затель по Северной Америке на 0.2 пункта. Причем имеет место явная тенденция к снижению. Еще в 2013 г. на одну женщину приходилось 2,2 ребенка.

Что касается бракоразводных процессов, то Латинская Америка с заметным отрывом выпадает из глобальной тенденции роста числа разводов. Более того, по данному показателю одна латиноамериканская страна ставит мировой рекорд - Чили с числом разводов в 3% (2014) от общего числа заключенных браков. Другие страны региона заметно выделяются на фоне индустриально развитых стран. Так, если в США и Франции число расторжений брака составляет 53% и 55% соответственно, то, в ряде стран региона оно не превышает 30%: Бразилия (21%), Мексика (15%), Панама (27%), Венесуэла (27%) [2]. Фундаментальной причиной низкого числа разводов является то, что в латиноамериканских обществах сильны традиционалистские ценности, в число которых среди прочего входит и ориентация на сохранение семьи. Кроме того, в Латинской Америке традиционно сильна патриархальная тенденция и социальная роль мужчины с его экономическим статусом оказывается центральным элементом образования и функционирования института семьи. Российский латиноамериканист Э. Е. Кузнецова резонно отмечает по этому поводу: «Традиционный патриархальный тип семьи с мужским главенством и ответственностью, с подчиненным, а зачастую и бесправным положением женщин и детей, внутрисемейным насилием и невмешательством общества в дела семьи по-прежнему доминирует в странах региона» [1, Стр. 189]. Впрочем, в бракоразводной тенденции в Латинской Америке есть и исключения. Например, на Кубе этот показатель выбивается из региональной тенденции и составляет 56%. Вероятно, это является следствием того, что в Кубе удалось добиться существенно прогресса в решении проблемы равенства полов и мужское доминирование, а следовательно, тенденция консервации семьи, здесь не так ярко выражено как в других странах.

Парадоксально, но несмотря на низкое число разводов Латинская Америка занимает второе место в мире по количеству неполных семей. Так, в Боливии, Колумбии и Перу, где их доля наиболее высока, процент монородительских семей от общего числа семейных домохозяйств составляет 28%, 26% и 24% соответственно. Вероятно, этот парадокс объясняется тем, что разрыв в отношениях происходит до момента официального заключения брака и многие семьи так и не «доживают» до законного оформления брачных отношений.

Таким образом, можно заключить, что Латинская Америка развивается в основном в русле глобальных тенденций эволюции семейных

отношений. Институт традиционной нуклеарной семьи постепенно подвергается эрозии, что видно по числу неполных семей. Вместе с тем демографические особенности накладывают свой отпечаток, в частности имеет место явная корреляция между удельным весом молодых возрастных групп в совокупном населении и возрастанием подростковых браков - процесс, который не может не вызывать беспокойства. Можно предположить, что в будущем указанные выше тенденции сохранятся. Латинская Америка в наименьшей степени подвержена тенденции старения населения, что не может не отражаться на функционировании и развитии института семьи.

Источники и литература

- 1) Кузнецова Э. Е. Латинская Америка на рубеже тысячелетий. Опыт социально-политических исследований. Избранные труды. М. 2017.
- 2) Conoce cuál es el país líder en divorcios. Excelsior, Mexico. 26.05.2014. . – URL:<https://www.excelsior.com.mx/global/2014/05/26/961431> (дата обращения 13.11.2018)
- 3) Nuevos rasgos en las familias de Latinoamérica. 26.07.2013. – URL: <http://udep.edu.pe/hoy/2013/nuevos-rasgos-en-las-familias-de-latinoamerica/> (дата обращения 13.11.2018)
- 4) Situación de Salud en las Américas. 2018. Informe. – Organización Panamericana de la Salud.
- 5) UNICEF, State of the World's Children. 2016.

Любовь в жизни молодых россиян: гендерный аспект

Сазонова Анна Львовна

Российский университет транспорта (МИИТ)

E-mail: an-netic@yandex.ru

Проблемы семьи в последнее время для России выдвинулись в ряд наиболее актуальных. Сегодня стабильность института семьи подвергается серьёзным испытаниям. Это: ослабление экономических связей между членами семьи, снижение её воспитательного потенциала, отказ от родительства значительной доли граждан репродуктивного возраста, обострение вечной проблемы «отцов и детей», разводы как социальная норма, появление альтернативных форм брака и т.д.

В таких условиях для семейной сферы все большее значение имеют отношения, основанные на взаимной эмпатии, чувстве удовлетворенности межличностными взаимоотношениями в семье. Среди них особое место занимает любовь между мужчиной и женщиной, выступающая не просто личностным свойством индивида, а важнейшим социальным качеством, специфическим типом социального взаимодействия.

Любовь между мужчиной и женщиной занимает значительное место в жизни россиян. О чём свидетельствуют, например, данные указанных исследований. Большинство россиян признается, что для них важно ощущать себя любимыми; более 80% довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти $\frac{3}{4}$ имеют любимых женщин/мужчин [см.9]. Любовь в России имеет традиционно большое влияние на функционирование институтов семьи и брака в России, сохраняющееся даже в наше время. Социологические исследования 60-80-х гг. свидетельствуют, что её выбрали в качестве ведущего мотива вступления в брак, главного фактора супружеского счастья абсолютное большинство мужчин и женщин [см.4-7]. Так, например, описывая результаты обследования людей, вступающих в брак (опросы проводились во Дворце бракосочетаний Ленинграда) А.Г.Харчев отмечал: «Из всех брачных пар, заполнявших анкеты, 76,2% считали главным условием прочного и счастливого брака любовь или любовь вместе с общностью взглядов, доверием, искренностью, дружбой и т. д., 13,2%- равноправие и уважение, 4%- любовь и жилплощадь, 1,6%- любовь и материальные блага, 0,6%- наличие детей, 0,2% - «реальные взгляды на жизнь», остальные 4,2% не дали никакого ответа. Если даже предположить, что не ответившие близки по своим взглядам к тем, кто выдвигает на первое место в браке материальные факторы, то и тогда число последних составит лишь около 5% общего количества. Примерно такой же результат получил в 1966 г. Н. Г. Юркевич, по

данным которого «около 94% опрошенных (252 из 271) считают брак по любви нравственным идеалом, к которому следует всячески стремиться» [см.4, главу «Брак и проблемы его стабилизации»]. С данными Харчева и Юркевича перекликаются данные нашего исследования 2017 г. «Отношение молодежи московского региона к семье». Распределение ответов на вопрос: «Что будет (было у имеющих семью) главными мотивами заключения официального брака для Вас? (отметить не более 2-х вариантов)» представлено в таблице 1. А отвечая на вопрос: «Какие условия, по Вашему мнению, обязательно необходимы для создания семьи? (отметьте не более 3-х вариантов)» большинство респондентов также отметило «Любовь» (см. табл.2). Более половины опрошенных не представляют себе брак без любви (см. табл.3). Согласно данным того же исследования абсолютное число молодёжи являются противниками нетрадиционных форм брака, не основанных на любви мужчины и женщины (см.табл.4).

Ценность «любовь» и сегодня входит в «пятерку» наиболее значимых ценностей в среде российской молодёжи. По данным наших исследований (указанных и др.), а также ряда исследований по ценностной проблематике (или с включением ценностных блоков) последних 25 лет, от половины до трёх четвертей молодых россиян отмечают любовь как высшую ценность. При этом все исследователи отмечают сильную половозрастную детерминацию степени ее значимости. Для примера воспользуемся данными исследования «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» [см. 3, глава5 «Семья, любовь»]. Среди опрошенных молодых москвичей 60,7% отметили любовь как высшую ценность, но среди женщин таковых почти 70%, а среди мужчин - меньше половины. В инструментарий исследования был включен вопрос: «Среди важнейших факторов счастливой семьи особое место занимает любовь между мужчиной и женщиной. Какие признаки, по Вашему мнению, наиболее глубоко отражают сущность этого явления», и респондентам было предложено отметить три позиции, из предложенного списка, в наибольшей мере характеризующих сущность любви или сформулировать эти характеристики самим (см.рис.1).

В гендерном аспекте в ответах респондентов зафиксированы существенные различия (см. табл.5). Приведенные данные весьма, на наш взгляд, показательны и не требуют пространных комментариев. Очевидно, что женщины гораздо более мужчин ценят духовную составляющую любви (невозможность существования без любимого человека, духовную близость, ощущение счастья) и более готовы к самопожертвованию во имя любви. Мужчины больше ценят стабильность и продемонстрирова-

ли более развитое чувство ответственности.

В инструментарии исследования «*Отношение молодежи московского региона к семье*» использовался ряд блоков из предыдущих проектов, в частности блок «Представления респондентов о сущности любви». По полученным данным выстроилась следующая картина: «Понимание, уважение друг друга» - 74,5; «Взаимность» - 43,5; «Ощущение счастья» - 43,1; «Духовная близость» - 40,4; «Чувство ответственности за любимого человека» - 34,8; «Сексуальная гармония» - 34,6; «Готовность жертвовать собой (своими интересами)» - 31,1; «Постоянство в отношениях» - 20,3; «Бескорыстность» - 15,2; «Невозможность существования без любимого человека» - 13,7; «Другое» - 2,5.

Данные отличаются от предыдущих по некоторым позициям как в их иерархии, так и в абсолютных цифрах. Дело в том, что в предыдущем исследовании респондентами были только москвичи, а в этом - по трети москвичей, жителей Подмосковья и «провинциалы», преимущественно (до 90%) студенты. Исследованием зафиксирована заметная разница в ответах молодых людей данных подмассивов, но вот соотношение ответов юношей и девушек совпадает почти до процента, причём по всем позициям.

Другой пример - данные исследования «*Мониторинг социальной сферы России 2005 г.*» ($\frac{3}{4}$ субъектов РФ по репрезентативной выборке, n=2918). В рамках исследования респондентов просили выбрать из предложенного списка или вписать самим 5 важнейших условий, необходимых для создания «крепкой» семьи и шкалировать их (от 1 до 5) по степени важности. Все ответившие были разделены на 2 группы: не имеющие опыт семейной жизни и имеющие. В обеих группах «лидерами» рейтинга оказались 7 условий-ценностей (см. рис. 2 и 3).

«Любовь между мужчиной и женщиной» обозначили примерно 80% в первой группе и более 70% во второй. Но её «рейтинг» почти в два раза выше у первой группы - 75% против 44%. Здесь показатели мужчин и женщин также различаются. Если в 1-й группе мужчин от общего их количества, примерно, 65%, а женщин около 70%, то во второй среди мужчин «продолжающих верить в любовь» всего 18%, женщин же более половины.

На основе ретроспективного, компаративного анализа эмпирических данных исследований разных лет приходится, к сожалению, констатировать, что постепенно ценность любви в сознании молодёжи средней (19-25 лет) и старшей (26-30) групп снижается, хотя, остаётся ещё высокой, при этом девушки, по сравнению с юношами, традиционно продолжают более «трепетно» относиться к этому феномену.

Источники и литература

- 1) Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. / под ред. А.А.Сазонова.– М., Издательский дом «Наука», 2013
- 2) Осадчая Г.И., Носкова А.В., Варламова С.Н., др. Семья в России и в Москве в начале XXI века. – М.: Изд-во РГСУ, 2008
- 3) Сазонова А.Л. «Любовь» как социокультурный феномен в жизни современных россиян. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. №4 (63). С. 137-153
- 4) Семья и общество /Под ред. А.Г. Харчева. М.,1982
- 5) Харчев А.Г., М.С.Мацковский . Современная семья и её проблемы. Социально-демографическое исследование. М.,1978
- 6) Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М., 1979
- 7) Юркевич Н.Г. Советская семья: Функции и условия стабильности. Мн., 1970.
- 8) ФОМ <https://bd.fom.ru/report/map/dof040505>
- 9) ФОМ <http://fom.ru/TSennosti/10813>
- 10) ФОМ http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506
- 11) Левада-Центр: <https://www.levada.ru/2007/02/12/den-svyatogo-valentina-2/>
- 12) Портал для молодых специалистов Career.ru <https://career.ru/article/16181>

Приложения

Мотивы	%
1 Любовь	75,3
2 Желание иметь свою семью	73,6
3 Желание иметь детей	35,2
4 Стремление добиться, с помощью брака, независимости от родителей	4,6
5 Стремление повысить свой статус с помощью брака	3,9
6 Расчет на решение своих проблем с помощью брака	4,2
7 Желание, посредством брака, обеспечить себе безбедное существование	4,6
8 Желание, посредством брака, получить какую-то материальную выгоду	3,2
9 Возможность, с помощью брака, получить прописку, гражданство	3,2
10 Другое	4,2

Рис. 1. Таблица 1. Главные мотивы заключения официального брака (в % от опрошенных, n=499)

	%
1 Любовь	76,5
2 Желание создать семью	64,2
3 Наличие работы, обеспечивающей достаточный доход	54,2
4 Психологическая совместимость	52,5
6 Сексуальная гармония	36,8
7 Наличие собственного жилья	30,5
8. Высшее образование	3,6
9 Другое	2,9

Рис. 2. Таблица 2. Условия необходимые для создания семьи (в % от опрошенных, n=499)

Возможны ли для Вас супружеские отношения без любви?	%
1 Да, возможны	15
2 Нет, не возможны	56,5
3 Затрудняюсь ответить	19,2
4 Не задумывался (-ась)	9,3

Рис. 3. Таблица 3. Отношение к браку без любви (в % от опрошенных, n=499)

Как Вы относитесь к ...	Положительно	Отрицательно	Безразлично
1 браку со свободой половых связей супругов	5,3	72,2	22,5
2 "шведской семье" (сменой партнеров между зарегистрированными семейными парами)	7,5	68,3	22,5
3 полигинии (многоженству)	6,3	76	24,2
4 полиандрии (многомужеству)	4,4	78,6	17,7

Рис. 4. Таблица 4. Отношение к нетрадиционным формам брака (в % от опрошенных, n=499)

Рис. 5. Рис. 1. Представления респондентов о сущности любви (в % от опрошенных, n=2000)

Признаки	мужчины n=924	женщины n=1076
постоянство в отношениях	31,9	14,4
готовность жертвовать собой	6,1	17,7
чувство ответственности за любимого человека	31,2	9,3
невозможность существования без любимого человека	2,9	22,4
духовная близость	18,8	47,4
понимание, уважение друг друга	65,2	39
сексуальная гармония	45,8	31,6
ощущение счастья	25,3	51,1

Рис. 6. Таблица 5. Представления респондентов о сущности любви: гендерный аспект (в % от опрошенных)

Рис. 7. Рис. 2. Важнейшие условия, необходимые для создания «крепкой» семьи (в % от опрошенных, n=1009)

Рис. 8. Рис.3. Важнейшие условия, необходимые для создания «крепкой» семьи(в % от опрошенных, n=1009)

Роль отцов в профориентации детей

Свадьбина Т.В.¹, Немова О.А.¹

1 - НГПУ имени Козьмы Минина

Успешное профессиональное самоопределение подрастающих поколений является благотворным фактором для развития общества, как в настоящем, так и в будущем времени. Умение правильно, в кратчайшие сроки найти свое призвание, сферу приложения своих трудовых творческих усилий самым непосредственным образом влияет на самооценку человека.

В молодости необходимо решить достаточно много самых сложных жизненных задач. Кроме профессионального становления следует создать семью, обзавестись жильем, родить детей и т.д. Постоянная смена профессии, переобучение, затянувшийся на годы процесс трудового старта не способствуют успешной семейно-брачной и репродуктивной самореализации. Между тем, например, рождение детей, должно состояться именно в молодости (ребенка мало родить, его еще надо воспитать).

Снижение рождаемости в современном российском обществе во многом обусловлено отсутствием грамотной профориентационной работы. По данным авторского социологического исследования семья является основным инструментом воздействия в профессиональном становлении молодежи. Более 60% респондентов указали, что на их профессиональный выбор повлияли самые ближайшие родственники - мать или отец [4].

Выбор профессии обусловлен в большей степени не личными предпочтениями самого молодого человека, а внешними факторами, такими как: удобное место расположение учебного заведения, невысокая оплата за обучение, наличие бюджетных мест и т.д. Таким образом, мы видим, что понятия «призвание», «личная заинтересованность», как правило, не являются определяющими в профессиональном самоопределении молодежи. Уже на первоначальной стадии профессионального становления закладывается «мина замедленного действия». Чувство неудовлетворенности своим профессиональным выбором в будущем может привести либо к смене профессии, переобучению, либо к аберрантным формам поведения. Однозначно можно сказать, что затягивание профессионального становления личности отрицательно сказывается на семейно-брачном и репродуктивном поведении молодежи. Приведем, в качестве иллюстрации, выдержку из интервью одной респондентки: "Мужики пошли какие-то... ни рыба, ни мясо - все в себе, все самореализовываются. На одну ночь можно. Не в смысле все мужики - сво... потому что хотят только секса. Нет, у всех какой-то пунктик - самоопределение. Мое ли это? Чего

я в жизни сделал? Как мне реализовать себя? И умный, и красивый, и порядочный, в общем спортивный - все, что угодно, только не семья, а про детей вообще молчу. Не то, что они боятся штампа в паспорте, они как будто не смотрят в эту сторону, им важно сначала самореализоваться. С ними замуж до старости не выйдешь (Анна. Москва. 27 лет. Не замужем. Нет детей) [1]

Эффективность государственной помощи семье, через организацию профориентационной работы в школе, оказалась также крайне низкой. Никто из респондентов не указал, что профориентационная работа повлияла на их профессиональный выбор [4].

В этой связи считаем крайне важным обратить особое внимание на проблемы профориентации молодежи. Целью данной статьи, в частности, является исследование роли отца в профессиональном самоопределении молодежи.

В ходе авторского социологического исследования 2013 года было выявлено, что в семьях с благоприятным психологическим климатом и доверительными отношениями между членами семьи отцовское мнение в вопросах профессионального самоопределения для сыновей имело большее значение, чем для дочерей: 36,7 против 18,1 для дочерей, соответственно [4].

Многое в исследованиях темы «отцовства» остается малоизученным. Так на сегодняшний день проблема статуса отцовства требует соответствующего научного осмысления. По данным российской статистики больше половины браков распадаются, а на их обломках формируются новые семьи. Каков будет воспитательно-социализационный статус и потенциал «новых» и «старых» отцов?

К этому необходимо добавить и то, что в условиях прекариатизации российского социума отцы оказываются в крайне незащищенном состоянии от произвола работодателей. Массовый перевод работников на краткосрочные контракты не добавляет главам семейств мужского пола уверенности в завтрашнем дне. В любой момент они могут оказаться без работы. Низкий уровень заработной платы, нестабильность на рынке труда в условиях продолжающегося экономического кризиса - все эти факторы существенно подрывают авторитет отца в глазах их детей и, прежде всего, сыновей - будущих отцов. Все чаще идеалом трудового ритма преподносится современными менеджерами концепция 24/7, то есть концепция, согласно которой наемный работник должен трудиться всю неделю в круглосуточном режиме. Как же в данном случае выполнять функции отца семьи, мужа, сына и т.д.? В более выгодном положении в данном случае являются мужчины, которые не обременены семейными

обязанностями, ведущие холостяцкий образ жизни. Данный факт нашел свое отражение в современной популярной музыкальной культуре и киноискусстве. То, что раньше было позорным («холостяк» - это мужчина не способный к деторождению) сейчас преподносится как величайший идеал свободы и практически образец для подражания. Пользующийся невероятной популярностью среди молодежи исполнитель Егор Крид в своей песне «Холостяк» поет следующее: /У тебя две дочки, на тебя похожи (очень)/Лиза и Настенька /У меня две тоже/Visa и Master Card/ Вижу эту куклу: фантастика!/ Красивая и не из пластика/ Беру эту барби в момент, за пару монет/ Как грёбаный абонемент/ Спортивная гимнастика/Вверх-вниз (вверх-вниз)/Нет ничего важнее для холостяка/ Е...ь, пой, пей, - всё, что я умею/. Самоубийственные ценности массовым тиражом закладываются, таким образом, на подсознание детей через песню.

Успешный опыт общественного движения нижегородских отцов показал, что отцы могут и способны многому не только научить детей, но и помочь им найти свое место в профессии. Авторитет отца имеет огромное значение в жизни ребенка, в определении профессиональных траекторий развития. Активные отцы, как правило председатели родительских комитетов класса или школы, сами организуют экскурсии на предприятия города, через наставничество показывают особенности той или иной работы и т.д.

Отцовство, семьянин - это величайшие достижения культуры человечества, которые на сегодняшний день активно разрушаются, ставятся под сомнение, нивелируются. Между тем институт отцовства имеет огромный внутренний потенциал, который является залогом жизни на Земле, механизмом трансляции межпоколенческих ценностей и профессионального самоопределения молодежи в том числе.

(Социологическое исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль семьи в формировании трудовых установок студенческой молодежи» (№13-03-00442). Выборка является репрезентативной и включает 250 респондентов-студентов из двух государственных вузов города Нижнего Новгорода)

Источники и литература

- 1) Забаев И.В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания/ И.В. Забаев, прот. Н. Емельянов и др.; [Под. ред. М.С. Ковалевой].- М.: ПСТГУ, 2013. – 222с.
- 2) Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности / URL:

<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (Дата обращения 18.11.1974).

- 3) Немова, О.А. Ценностные установки учащейся молодежи в контексте и социокультурного потенциала семьи: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. - Нижний Новгород, 2005. - 29 с.
- 4) Немова, О.А., Пакина, Т.А., Ретивина, В.В. Роль семьи в формировании трудовых установок студенческой молодежи /О.А. Немова, Т.А. Пакина, В.В. Ретивина / Монография. – Н Новгород: Поволжье. – 2013. – 150 с.

Семья как ценность и семейное положение как реальность

Синельников Александр Борисович

Социологический факультет Московского Государственного

Университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: sinalexander@yandex.ru

В 2013 г. Росстат провел выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (ПФЗН-2013), охватившее 15875 респондентов в возрасте от 15 лет и старше во всех субъектах РФ. База микроданных этого исследования, размещена на сайте Росстата [8]. В анкете были и вопросы о жизненных целях опрошенных, которые респонденты оценивали по шкале от «1» - совсем не важно, до «5» - очень важно. По этой базе микроданных данных автор построил комбинационные таблицы для анализа связи между ценностями «хорошая семья» и «дети», с одной стороны, и семейным положением респондентов, с другой стороны, которое определялось по параметрам «брачный статус» и «родительский статус», т.е. наличие или отсутствие детей.

По параметру «брачный статус» можно выделить три группы: [1] женатые (замужние), т.е. имеющие законных супругов; [2] сожительствующие, т.е. состоящие в так называемом «незарегистрированном» или, как они сами считают, «гражданском» браке; [3] одинокие, (никогда не состоявшие в браке, вдовы, разведенные официально, а также разошедшиеся без оформления развода либо расставшиеся с неофициальными партнерами), у которых на момент опроса не было ни законных жен и мужей, ни сожителей.

Среди женатых мужчин, не имеющих детей, 64% высоко ценят «хорошую семью». Среди сожительствующих мужчин (также без детей) ставят себе такую жизненную цель немногим более половины (53%). Различие статистически существенно на уровне значимости более 95% (критерий достоверности различий $t > 2$).

Для одиноких мужчин, не имеющих ни детей, ни сожительниц, данный показатель составляет лишь 47%, т.е. на 17% меньше, чем у женатых. Эта разница выходит за рамки статистической погрешности. Однако различие между сожителями и одинокими составляет лишь 6% и не является статистически существенным. Среди бездетных мужчин по доле ориентированных на «хорошую семью» сожительствующие находятся между одинокими и состоящими в законном браке, но гораздо ближе к одиноким. Показатели для сожителей (47%) и никогда не состоявших в браке (48%) почти одинаковы. Однако показатели для вдовцов (19%), разведенных (36%) и разошедшихся (29%) существенно ниже, чем для

сожителей.

Среди женщин, состоящих в законном браке, но не имеющих детей, считают хорошую семью очень важной жизненной целью 71%, а среди сожительниц - 69%. Разница составляет лишь 2% и находится в пределах статистической погрешности. Среди женщин, у которых нет ни мужей, ни сожителей, ни детей, этот процент гораздо меньше (54%). Статистическая значимость различий между одинокими, с одной стороны, и замужними либо сожительствующими, с другой стороны, совершенно бесспорна.

Ценность хорошей семьи у бездетных сожительниц значительно и статистически существенно больше, чем у вдов (32%), разведенных (36%) и разошедшихся (46%). Отличие от никогда не состоявших в браке (61%) не столь значительно (8%), но статистически достоверно.

Эти данные показывают, что женщины, которые живут с неофициальными партнерами, но еще не имеют детей, чаще всего считают свое семейное положение временным переходным этапом на пути от одиночества к законному браку. Некоторые среди них не зарегистрировали брак и не родили детей к моменту опроса, так как еще не убедились в возможности создать настоящую семью с данным партнером. Другие желают официально оформить отношения в ЗАГСе, но их партнеры против этого. Судя по разнице между мнениями сожительствующих мужчин и женщин, не имеющих детей, вторая ситуация намного более типична, чем первая.

Подавляющее большинство женщин-сожительниц, у которых еще нет детей, стремятся к созданию хорошей семьи. Разница между ними и замужними бездетными женщинами едва заметна. Но бездетные мужчины-сожителю в данном отношении гораздо ближе к никогда не состоявшим в браке, чем к женатым. Около половины сожителю, у которых нет детей, не рассматривают «хорошую семью» как важную жизненную цель. Они не заинтересованы в законном браке.

Если сожителю имеют детей, то ситуация иная. В анкете ПФЗН-2013 не уточнялось, является ли данный брак (или партнерский союз) первым и от него ли рождены дети? Такие вопросы были в анкете другого исследования Росстата - выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 год (РПН-2012, 10024 респондентов: мужчины от 18 до 60 лет и женщины от 18 до 45 лет в 30 субъектах РФ). База микроданных этого исследования также опубликована на сайте Росстата: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 26.11.2018). В анкете этого исследования тоже были вопросы о жизненных целях, но «хорошая семья» не входила в перечень этих целей.

Согласно расчетам автора по базе микроданных РПН-2012, 13% законных браков были повторными, причем эти показатели не различались по полу. Однако для половины (50%) мужчин, и почти для половины (46%) женщин, среди состоящих в «гражданском» браке, эти партнерские союзы были уже не первыми. У очень многих из них есть дети от предыдущего брака (либо другого внебрачного союза). Когда у мужчин есть дети от бывших супруг или сожительниц, то большинство из этих детей не живут вместе с отцами. Если же дети есть у женщин, то, как правило, после развода или разрыва отношений, они остаются с матерями. Влияние наличия детей на семейную ориентацию отцов и матерей весьма различно.

Хорошая семья - это очень важная цель в жизни для 69% женатых отцов. Среди сожителей, имеющих детей, считают эту цель приоритетной 57%, а среди одиноких мужчин, у которых есть дети - лишь 38%.

78% замужних матерей считают «хорошую семью» очень важной жизненной целью. Среди сожительниц, имеющих детей, это мнение разделяют 64%, а среди одиноких матерей (включая вдов, разведенных и разошедшихся) - 56%. Все различия по семейному положению статистически существенны как для мужчин, так и для женщин.

Сожительство женщины, имеющие детей, занимают промежуточное положение между одинокими и состоящими в законном браке, но все же заметно ближе к одиноким, особенно к разведенным, у которых показатель только на 4% меньше и к никогда не состоявшим в браке, у которых данная цифра лишь на 5% больше, чем у сожительниц, причем оба эти различия находятся в рамках статистической погрешности.

Половина «незарегистрированных браков» у мужчин являются повторными. В большинстве таких случаев у них есть дети от предыдущих браков. Почти все эти дети живут с матерями и далеко не всегда поддерживают отношения с отцами. У многих из «гражданских жен» этих мужчин данный «брак» или «партнерский союз» - тоже не первый, и к тому же есть дети от бывших мужей или партнеров. Отношения этих мужчин с детьми их подруг, особенно если дети уже вышли из дошкольного возраста, не всегда складываются благоприятно [3; 5]. Для детей сожитель их матери - не отец и даже не отчим, поскольку не является ее законным супругом.

Негативная реакция детей на приход в семью чужого для них человека может привести к отказу от регистрации брака, как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Но отказ от оформления отношений не обязательно означает прекращение сожительства. Разумеется, в хорошей семье не должно быть острых проблем в отношениях меж-

ду мужем и женой, между родителями и детьми, между братьями и сестрами. Но избежать таких проблем не удастся даже в «естественных семьях», состоящих из законных супругов с родными для обеих сторон детьми. Еще труднее решить эти проблемы внебрачным партнерам, тем более, если для одного из них (обычно для мужчины) дети - не родные по крови. В наиболее сложном положении находятся одинокие, т.е. вдовы, разведенные, разошедшиеся и никогда не состоявшие в браке матери. Неизвестно, найдут ли они себе новых партнеров, и создадут ли с ними хорошие семьи, даже если узаконят отношения.

В подобных обстоятельствах у многих людей включается механизм «психологической самозащиты» по принципу: «если вы не можете изменить саму ситуацию, то измените свое отношение к ней». Если создать, иметь или сохранить хорошую семью при данных обстоятельствах не представляется возможным, то не следует вообще ставить себе такую цель, чтобы не испытывать чувства фрустрации. Поэтому 22% замужних матерей, 36% женщин, имеющих сожителей и детей (многие из которых рождены от других мужчин) и 44% одиноких (т.е. незамужних, вдовых, разведенных и разошедшихся с мужьями) женщин-матерей вообще не включают «хорошую семью» в число приоритетных жизненных целей.

По процентной доле лиц, ориентированных на «хорошую семью» как на очень важную жизненную цель, сожители занимают промежуточное положение между одинокими людьми и законными супругами. У мужчин эта закономерность почти не связана с наличием или отсутствием детей, у женщин она проявляется только тогда, когда у них есть дети.

Для большей части женщин, еще не имеющих детей, сожителство - это переходный этап от одиночества к законному супружеству. Им требуется время, чтобы понять, можно ли создать хорошую семью с этим партнером. Но далеко не все их партнеры вообще хотят зарегистрировать брак и создать семью. В то же время сожительницы, имеющие детей, гораздо меньше ориентированы на хорошую семью, чем замужние матери. Если они не зарегистрировали брак с отцами своих детей даже после их рождения, то для этого должны быть очень серьезные причины. В подобных ситуациях сожителство уже нельзя рассматривать как переходный период между одиночеством и законным супружеством. Если же дети, особенно подростки, рождены не от нынешнего партнера, а от бывшего супруга или сожителя, то между ними и «другом» их матери возможны конфликты, которые препятствуют как оформлению брака, так и созданию «хорошей семьи», хотя бы и без регистрации в ЗАГСе.

Другая семейная жизненная цель (и ценность) в анкете исследования

ПФЗН-2013, это - «дети». Ее важность зависит от того, есть ли дети у самих респондентов. Лишь немногим более половины (53%) женатых мужчин, не имеющих детей, включают само понятие «дети» в число очень важных для себя жизненных целей. Однако среди бездетных мужчин-сожителей считают эту цель одной из приоритетных только 40%, а среди одиноких мужчин, у которых детей нет, - лишь 29%. Статистическая значимость различий между этими тремя группами не вызывает сомнений. Сожители, как и обычно, занимают промежуточное положение между одинокими и женатыми.

Цель «дети» очень важна для 57% замужних женщин, у которых их нет. Это только на 4% больше данного показателя для женатых бездетных мужчин. Женщины-сожительницы, ставят перед собой такую цель в 49% случаев, одинокие женщины - в 40% случаев. Разница между одинокими и замужними составляет 17% и не может объясняться статистической погрешностью. Сожительницы находятся где-то посередине между этими двумя группами, но различия между ними и каждой из этих «крайних» групп статистически не существенны. Бездетные сожительницы сильнее ориентированы на детей, чем вдовы, разведенные и разошедшиеся (также не имеющие детей) - в этих случаях различия достаточно велики и статистически значимы. Однако разница между сожительницами и никогда не состоявшими в браке составляет лишь 5% и не статистически не достоверна.

Когда респонденты, у которых нет детей, считают, что дети - это очень важная жизненная цель, то они, вероятно, имеют в виду главным образом рождение детей. Респонденты, у которых дети уже есть, тоже могут подразумевать под этой целью рождение детей, если хотят увеличить их число в семье. Но они имеют в виду также и заботу о детях, и их воспитание, и свои отношения с детьми, в том числе и со взрослыми сыновьями и дочерьми. Пока детей нет - об этом задумываются немногие. Вероятно, именно поэтому, родители гораздо чаще, чем бездетные, считают, что «дети» - это очень важная цель в жизни.

73% женатых мужчин, имеющих детей, оценивают важность этой цели на «5» по 5-балльной шкале. Это на 20% больше, чем среди бездетных женатых мужчин. Для мужчин-сожителей, имеющих детей, этот показатель составляет 59%, а для одиноких мужчин, у которых нет ни жен, ни сожительниц, но есть дети - 47%. Все различия между одинокими, сожителями и женатыми статистически достоверны.

Для матерей жизненная цель «дети» - еще более приоритетна, чем для отцов. 84% замужних матерей считают эту цель очень важной. Среди сожительниц, имеющих детей, эта доля составляет 77%, среди оди-

ноких матерей, у которых нет ни законных, ни даже «гражданских» супругов - 71%. Показатель для сожительниц в точности совпадает с соответствующими данными для никогда не состоявших в браке и разведенных женщин, имеющих детей, но несколько выше, чем для вдов и разошедшихся без оформления развода.

Даже для тех мужчин и женщин, у которых есть дети, ценность детей зависит от брачного статуса. Для мужчин, состоящих в законном браке, эта ценность выше, чем для сожителей, а для сожителей - выше, чем для одиноких. Это можно объяснить тем, что у многих сожителей дети, живущие в их нынешней семье, - не родные, а одинокие мужчины, имеющие детей от бывших жен или сожительниц, как правило, не живут вместе с детьми, а нередко и не поддерживают отношений с ними. Однако и для замужних женщин-матерей ценность детей выше, чем для сожительниц, а для сожительниц выше, чем для одиноких матерей. Отсутствие супругов нередко приводит не к сосредоточению всех интересов женщин-матерей на детях, а к преобладанию внесемейных ценностей над семейными, что вполне естественно для одиноких людей. Дети не заменяют супругов, как и супруги не заменяют детей. Сожителей и сожительниц можно считать лишь частичной заменой законным супругам.

Женщины, состоящие в «незарегистрированном браке» (т.е. в сожительстве) и не имеющие детей, считают создание и(или) сохранение хорошей семьи важной жизненной целью почти столь же часто, как и бездетные женщины, состоящие в законном браке. Для большинства из них сожительство - это переходный этап от одиночества к законному браку. Но осуществить этот переход удается далеко не каждой из них, поскольку у многих из их партнеров нет таких жизненных целей.

Но даже и в семьях с общими детьми не следует ставить знак равенства между легитимным брачным союзом и сожительством. Оно не должно называться незарегистрированным браком. Это не брак, а промежуточная форма матримониального статуса между одиночеством (в том числе и после развода) и законным супружеством. Причем такая промежуточная форма - не всегда переходная [6; 7]. Многие сожители, главным образом мужчины, и особенно те из них, которые потеряли дома и квартиры после развода, вообще не желают регистрировать брак.

Не следует приравнивать сожительство к браку, как это делают некоторые авторы [1; 2, с. 20], а также суммировать число сожителей и законных супругов и на этом основании утверждать, что основная масса взрослого населения страны, в том числе и большая часть женщин в репродуктивных возрастах состоит в зарегистрированном или незарегистрированном браке, а подавляющее большинство разведенных мужчин

и женщин вступает в новые брачно-партнерские союзы - либо узаконенные, либо неофициальные [4]. Настоящая семья может быть основана только на законном браке - первом или повторном.

Разумеется, нельзя отменять уже существующие меры помощи для одиноких матерей. Но к введению новых льгот и пособий для них следует относиться с осторожностью. Многие из этих женщин живут вместе со своими партнерами, не регистрируя брак и даже не оформляя признание отцовства, чтобы получить фиктивный статус одинокой матери, что дает право на соответствующие льготы и пособия. А статус многодетной матери не может быть фиктивным. В условиях, когда средства, направляемые на демографическую политику, ограничены, их надо, в первую очередь, направлять на помощь «естественным семьям», состоящим из законных супругов с несколькими детьми.

Государство должно не только помогать уже существующим семьям, но и стимулировать их создание, т.е. сделать вступление в законный брак более выгодной и безопасной и социально приемлемой жизненной стратегией, чем внебрачное сожитительство.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037)

Источники и литература

- 1) Исупова О.Г. Мы просто живем вместе. My prosto zhivem vmeste. Демоскоп Weekly [Demoscope Weekly]. 2013. № 565-566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php>. (дата обращения: 26.11.2018)
- 2) Вишневский А. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens. // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6-33. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1825/2548> (дата обращения: 26.11.2018)
- 3) Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99 – 108.
- 4) Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое

обозрение. 2016. Т.3. №1. С.35-51. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1762/2485> (дата обращения: 27.11.2018)

- 5) Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. № 2. 2011. С. 186-192.
- 6) Синельников А. Б. Есть ли альтернатива законному браку? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 109–126. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/202/196> (дата обращения: 27.11.2018)
- 7) Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95-113. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/5715/5853> (дата обращения: 26.11.2018)
- 8) Росстат URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml>, (дата обращения 26.11.2018)

Восприятие ценности детей в разных социально-демографических группах населения

Сосновская Наталья Александровна

Институт социологии НАН Беларуси

E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

Длительный период неблагоприятных структурных изменений в демографической ситуации европейских стран (снижение рождаемости, старение населения, снижение численности женщин репродуктивного возраста), требует тщательного изучения происходящих процессов. И если в 90х и первом десятилетии 2000 годов основное внимание было сосредоточено на социально-экономических факторах, то сейчас в фокусе исследований находятся семейные ценности, понимаемые как основания для выработки мер семейной политики, способной влиять на демографическое развитие. Наряду с репродуктивными установками, указывающими на количественные предпочтения многодетности или малодетности необходимо понимать содержательные аспекты отношения к детям, которые включают как позитивные, так и негативные стороны.

В исследовании, проведенном отделом социологии культуры Института социологии НАН Беларуси в 2015 году[1] анализ восприятия ценности детей осуществлялся на основании ответов респондентов, выразивших свое согласие или не согласие с рядом утверждений: «Дети укрепляют отношения в семье», «С рождением детей отношения между супругами ухудшаются», «Наличие детей повышает социальный статус родителей», «Наличие детей затрудняет карьерный рост родителей», «Дети снижают вероятность одиночества в старости», «Дети приносят неуверенность в завтрашнем дне» и т.п. Оценка согласия выражалась по шкале: полностью согласен, скорее согласен, скорее не согласен, не согласен. Результаты проведенного исследования показали, что отношение к детям в белорусском обществе наполнено глубинным экзистенциальным смыслом. Самую высокую степень согласия респонденты высказали в связи с утверждением, что дети дают родителям ощущение полноты жизни и наполняют жизнь смыслом 90,7% (суммарный показатель ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»). Также очень важным респонденты считают продление рода 88,4%. Очевидным преимуществом наличия детей, по мнению опрошенных, является то, что дети укрепляют отношения в семье 85,7%.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в стране преобладают позитивные представления о наличии детей. Отрицательный аспект связан с представлением о детях как о препятствии для соци-

ально-экономического развития личности. С тем, что воспитание детей обременительно в экономическом смысле выразили согласие 41% респондентов, что женщинам с детьми трудно найти хорошую работу - 39%, что рождение детей затрудняет карьерный рост родителей - 26,3%. Затруднения вызвала оценка статуса роли родителя. Несмотря на то, что в целом преобладают положительные значения шкалы (63,9%), каждый пятый респондент (20,5%) затруднился ответить этот вопрос. Наименее популярными ответами стали: «С рождением детей ухудшаются взаимоотношения между супругами» - 12,8% и «Дети мешают родителям получать удовольствия от жизни» - 8%. Анализ полученных ответов в связи с проживанием респондентов в городе или сельских населенных пунктах статистически значимых различий не выявил. Независимо от типа проживания, наибольшее число опрошенных считают, что «Дети дают родителям ощущение полноты жизни, наполняют ее смыслом» (город - 91,6%, село - 87,9%).

Но рассматривая высказывания респондентов в возрастном разрезе необходимо ответить, что респонденты старше 65 лет чаще выражают согласие с позитивными формулировками и, соответственно, несогласие с негативными. Опрошенные 16-24 лет демонстрируют противоположную тенденцию. Существенные отличия представлены во мнениях молодежи 16-24 лет по большинству предложенных для оценки высказываний (значимые различия по критерию Манна-Уитни (уровень значимости $<0,05$). Представления о том, что родительство повышает социальный статус широко распространено среди тех, кто старше 65 лет, но снижается среди представителей других поколений. Низкая связь социального статуса с родительством проявляется уже среди 25-44 летних и на том же уровне воспроизводится 16-24 летними. Аналогичная картина наблюдается и относительно высказываний о том, что дети укрепляют отношения в семье, а также позволяют выполнить долг, продлить род.

Среди молодежи 16-24 лет чаще представителей остальных возрастных групп распространено убеждение, что наличие детей затрудняет карьерный рост родителей. В данном случае, утверждение можно рассматривать как стереотип, так как он не подкреплён реальным опытом. Как правило, у большинства представителей поколения еще отсутствует как собственная семья, так и дети. Представители более старшей возрастной группы - 25-44 лет, на практике сталкивающиеся с необходимостью совмещения профессиональной деятельности и родительства реже поддерживают данную позицию. С другой стороны, респонденты младшей возрастной группы реже придерживаются мнения, что «Женщинам с детьми трудно найти хорошую работу» (33,3%), тогда как среди 25-44

летних и 45-64 летних данное мнение распространено шире (42% и 41,4% соответственно). Особенностью респондентов возрастной группы 45-64 лет является поддержка представления, связанного с контекстом долженствования: «Дети позволяют выполнить долг, продлить род» (92,2%), которое реже встречается уже среди 25-44 летних (85%). Необходимо отметить, что взгляды представителей разных поколений обнаруживают единство относительно того, что: «Дети дают родителям ощущение полноты жизни, наполняют ее смыслом», «Дети стимулируют родителей к улучшению материального положения». Также респонденты не согласны с тем, что «Дети привносят неуверенность в завтрашнем дне» и что «С рождением детей ухудшаются взаимоотношения между супругами». Таким образом, наиболее существенно взгляды на ценность детей различаются между возрастными группами 16 - 44 года и теми, кто старше 45 лет. Можно сказать, что нынешнее поколение двадцатилетних, вступивших в репродуктивный возраст, воспроизводит ценности, сложившиеся в поколении их родителей.

Существуют различия в представлениях респондентов и в зависимости от их семейного статуса. При этом, мнения различаются не только среди состоящих и не состоящих в браке, где важное значение имеет возраст респондентов (средний возраст состоящих в браке - 46 лет, а не состоящих - 25 лет), но и среди состоящих в фактическом браке и в разводе. Так, относительно высказывания о том, что дети укрепляют отношения в семье наиболее значимо различаются мнения, состоящих в фактическом браке (69,6%) и находящихся в разводе (73,4%), от позиции состоящих и не состоящих в браке (89,2 и 83,8% соответственно). Схожая ситуация в распределении ответов в связи с высказыванием: «С рождением детей ухудшаются взаимоотношения между супругами». В целом, состоящие в браке чаще поддерживают позитивные высказывания и отвергают негативные, тогда как среди тех, кто проживает в фактическом браке представлена более сдержанная позиция при восприятии общей ценности детей и чаще акцентируются экономические издержки. Позицию не состоящих в браке можно рассматривать как промежуточную.

Существуют некоторые особенности восприятия ценности детей в связи с наличием или отсутствием у респондентов детей. Респонденты, у которых есть дети, чаще считают, что дети наполняют жизнь смыслом и позволяют продлить род. Но среди них также шире распространено представление, что женщинам с детьми трудно найти хорошую работу и воспитание детей обременительно в экономическом смысле. При этом, воспитание детей не затрудняет карьерный рост и не мешает получать удовольствия от жизни. В восприятии социального статуса родительства

между группами опрошенных с детьми и без детей различий не выявлено.

Таким образом, ответы респондентов свидетельствуют о противоречивом восприятии родительства. Если преимущества наличия детей соотносятся с глубинными смысло-жизненными ценностями, то отрицательные представления связаны с осознанием родительства как препятствия к достижению ключевых для современного общества критериев успеха - хорошей работы и карьерного роста. В современных условиях понятие статуса связано с материальными и профессиональными достижениями. Родительство является скорее дополнительным аспектом, обладающим меньшей ценностью само по себе, если оно не подкреплено социально-экономическим успехом. При этом во взглядах на родительство реальные трудности сопряжены с очевидными стереотипами.

Результаты исследования показывают, что необходимая основа для укрепления семейного образа жизни существует, но она требует системной поддержки в качестве целенаправленной семейной политики. Прежде всего, это должны быть меры ценностной направленности, способствующие укоренению ценности семьи, детей, стабильных партнерских отношений среди молодежи. Представляется важным проведение работы по просвещению молодежи в сфере брачно-семейных отношений: организации семинаров для студенческой молодежи, предполагающих формирование сознательной установки в репродуктивном поведении, изменение ценностных ориентаций в сторону увеличения норм детности, установок на фактический брак и развод. Учитывая, что для формирования ценностей необходима длительная временная перспектива, целесообразным представляется коррекция школьных программ, с введением курса, направленного на формирование навыков партнерских межличностных отношений, уважительного отношения к семье, подготовки к семейной жизни. В структуре данного курса важное место должны занять психологические тренинги, способствующие развитию самосознания, осознанию жизненных целей и ценностей, развитию навыков общения, разрешения конфликтов. Инструментом пропаганды семейных ценностей и семейного образа жизни является целенаправленная медийная политика.

Источники и литература

- 1) «Семья как социокультурный институт в современном белорусском обществе» Февраль – март 2015г. N=1498. Доверит.ошибка выборки зафиксирована на уровне $\pm 2,1\%$. Исследование репрезентативно по полу, возрасту, типу населенного пункта, региона проживания.

Кризис брачно-семейной сферы как результат инфантилизации молодежи

Сущенко Ольга Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: saylo93@mail.ru

Инфантильность, согласно научным исследованиям, характеризуется задержкой или приостановкой развития [3], при которой у взрослого индивида наблюдаются физические и психические проявления, присущие более раннему этапу развития, детскому возрастному периоду [7].

В научной среде широко распространилось понятие «социальный инфантилизм» - состояние молодежи, проявляющееся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением и свидетельствующее о нарушении механизма социализации и неприятии молодыми людьми растущих обязанностей и обязательств [1]. В сущности, социальный инфантилизм означает отсутствие полноценного развития сферы социальных отношений у взрослой личности.

Распространение социального инфантилизма обусловлено, преимущественно деформацией механизмов социализации. Факторы, повлиявшие на этот сбой, довольно разнообразны, впрочем, как и агенты социализации, непосредственно способствующие становлению личности (семья, ближайшее окружение, образовательные учреждения, СМИ, а также более глобальные агенты, такие как, например, культурные особенности, общественное устройство, пропагандируемые ценности и др.) [5].

За последние десятилетия все сферы российского общества подверглись колоссальным изменениям. В связи с этим каждый из нас является свидетелем трансформации брачно-семейных отношений: участвовавшие разводы, распространение повторных браков и неполных семей, рост числа незарегистрированных сожительства, увеличение среднего возраста вступления в брак, распространение внебрачного материнства и т.д.

На сегодняшний день сексуально-хозяйственные союзы мужчины и женщины, признаваемые социальным окружением в молодежной среде, принимают различные формы брака: юридически оформленный (гражданский, светский) брак, брак, освященный религиозным обрядом, гостевой брак, фактический брак (сожительство, консенсуальный союз), групповой брак, стимулированный брак и др.

Семья как один из основных агентов социализации постепенно утрачивает свои позиции в сфере воспитания подрастающего поколения. Кроме того, государственные институты во многом способствуют отчуждению этой функции у института семьи. Е. П. Белинская и О. А. Тихо-

мандрицкая обращают внимание, что, в первую очередь, именно «семья, как элемент макросреды является проводником ребенка в культуру: религиозные традиции, этнические стереотипы и моральные ценности дети усваивают в основном через семью... Роль семьи в трансляции культурных влияний тем больше, чем выше гомогенность окружающей ее социальной общности, однако, и при достаточной культурной разнородности общества родители становятся основным референтным источником выбора ценностей и моделей поведения» [2].

Очевидно, что более всего влияние перечисленных деформаций общественного развития на себе испытывают молодые люди, которые являются наиболее чувствительной группой к восприятию транслируемых ценностей. Причем сегодня речь идет уже не столько о каких-то личностных нарушениях, сколько о массовом искажении сознания молодежи, которое в результате становится одной из наиболее серьезных угроз для общества и государства. Именно молодежь становится не только легко манипулируемым коллективным субъектом, но и главным проводником наиболее разрушительных явлений в современном мире.

Согласно данным Росстата, в 2016 году зафиксирован самый низкий с 2004 года процент регистрации браков на душу населения [4]. Во многом это можно объяснить набирающей популярность практикой среди молодежи, когда пара живет вместе, но отношения не зарегистрированы, так как свадьба откладывается до лучших времен. В западных странах довольно давно молодежные сожительства стали мейнстримом, однако для российских реалий данный способ «проверки чувств и совместимости» многими экспертами в области семьи и брака оценивается неоднозначно, в большей степени негативно.

Гибкость сознания и неопределенность социальных ориентаций, свойственные молодежи как таковой, становятся той «ахиллесовой пятой», позволяющей относительно без усилий оказывать манипулятивное воздействие на данную социальную группу в общественных процессах, воздействуя первоначально на их ценностные ориентации, искажая их реальность, не позволяя сформировать «правильные» векторы развития.

Возраст вступления в первый брак начал заметно расти с 1993 года [6], что было связано, в том числе, с социально-экономическими трансформациями в стране, появлением новых ценностей и ориентиров молодежи [8]. Стало увеличиваться и количество неофициальных союзов, причем возраст вступления в них снижался. В наше время по разным оценкам около 60% молодых людей и девушек перед тем, как вступить в официальный брак и создать новую семью, вступают в так называемый «гражданский брак».

Почему люди, в большинстве случаев, не регистрируют отношения? Часто называемая причина для создания «гражданского брака» - это проверка совместимости в характере, сексуальных отношениях, в целях жизни и общих интересах. Почти все составляющие официального брака присутствуют, кроме ответственности. Психологи считают, что в большинстве случаев причина кроется в неуверенности своих чувствах, в том, что человек не доверяет своему партнёру, в том, что он (она) этот именно тот (та), с кем готовы связать себя на всю жизнь. Выясняется, что сожитительство — это более гибкий тип союза и в отношении наличия у человека права на продолжение поисков лучшего, более подходящего партнера (в основном об этом откровенно говорят только мужчины). И эта неуверенность тесно связана с неготовностью к серьёзным отношениям.

Исследования, проведенные социальными психологами России, показали, что у большинства мужчин, живущих в гражданском браке, есть общие черты. У них низкий уровень социальной ответственности и высокий уровень инфантилизма. Т.е. мужчины, внешне выглядящие как взрослые, по своей сути являются ещё детьми. Молодые люди при этом не остаются одинокими и чаще всего встречают свою вторую половину до 30 лет, однако оформлять отношения официально не спешат и живут «синдромом отложенной ответственности», где свадьба, дети и вообще полноценная семья возможны в далекой перспективе. По разным проведенным статистическим опросам в большинстве случаев (около 90%) мужчина, живущий в гражданском браке, считает себя свободным. Некоторые (чаще мужчины) считают свой нынешний партнерский союз временным, ненастоящим. Для них также важно чувствовать себя «слабо связанными». Получается, что мужчинам удобен «гражданский» брак, потому что он дает иллюзию свободы и не заставляет «взрослеть» ради другого человека.

Для некоторых незарегистрированный брак предпочтителен потому, что он, в отличие от официального, не предполагает приверженности к этим отношениям на длительный период времени. Вообще, как просто начать жить вместе, так и перестать это делать, значительно легче, и психологически, и физически, чем вступить в брак или развестись. Девушки в таких союзах или откладывают рождение ребенка до лучших времен, или беременеют в надежде, что будущий папа окажется достаточно ответственным и предложит оформить отношения. По статистике, браки «по необходимости» довольно часто распадаются спустя несколько лет, усугубляя статистику разводов, а годы сожитительства часто тратятся на бесперспективные отношения, ведь такой формат отношений фактически подразумевает отсутствие обязательств партнеров друг перед

другом.

Социологи, специализирующиеся на изучении этого феномена, внимание акцентируют на негативных характеристиках молодежных сожительства, а именно, непродолжительность, неустойчивость перед жизненными трудностями, отрицательное влияние на последующие брачные отношения, низкую рождаемость и высокую вероятность аборт в них и т.д. Закономерно, что их распространение приводит к росту опасений: а не является ли легитимация сожительства в молодежном сознании уходом современного человека от нормативной семьи?

Источники и литература

- 1) Андреева Г. М. Психология социального познания. М., Аспект Пресс, 2003.
- 2) Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М., 2001.
- 3) Большой психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003. – URL: <http://psychology.academic.ru>
- 4) Браки и разводы в Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf
- 5) Гребенникова В. М., Щербина А. И. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 24. – С. 52–56. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56412.htm>
- 6) Захаров С.В. Брачность в России: история и современность // Демоскоп Weekly. 2006. № 261-262. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/index.php>
- 7) Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998. С. 140
- 8) Соболевская О. В. «Молодежь жаждет самореализации» // Научно-образовательный портал IQ. 31 октября, 2014 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666441.html>

Трансформация института семьи в современном российском обществе

Филина Виктория Николаевна

Дальневосточный Федеральный университет

E-mail: super-girllove@mail.ru

В период глобализации институт семьи подвергся трансформациям. Процесс сегодняшних преобразований напрямую отражается на брачно-семейных отношениях, на ролях супругов в семье, статусе семейных ценностей. Современный институт семьи можно охарактеризовать следующим образом: преобладание альтернативных форм семьи, снижение количества детей в семьях. Базовые функции семьи выполняются не в полной мере, прежде всего речь о репродуктивной, воспитательной и коммуникативной.

Отечественными социологами, изучающими область семейных отношений, выделяются следующие подходы трансформации современной российской семьи:

- 1) Традиционная семья видоизменяется, посредством влияния социокультурной модернизации;
- 2) В России институт семьи находится в состоянии кризиса, ключевым моментом выступает его деградация;
- 3) Трансформация семьи и семейных отношений является последствием модернизации современного общества [1].

Проблема трансформации института семьи является одной из важнейших для общества, так как именно семья влияет на состояние демографической ситуации и развитие подрастающего поколения. Отметим основные исторические этапы изучаемого явления.

Первый этап характеризуется преобладанием ценностей семьи в жизни каждого человека. Многодетность считалась абсолютной нормой социального поведения. Внебрачное рождение детей было социально неприемлемо, брак выступал единственной формой урегулирования интимных отношений. Отсутствие брачно-семейных отношений и детей воспринималось обществом как отрицательное явление. Сожительство нескольких поколений семей являлось нормой для этого этапа. Развод как социальный акт, считался недопустимым.

Для второго этапа трансформации института семьи характерно снижение количества детей в семьях и частичная нуклеаризация семей. Разводы были минимизированы, и допускались только в исключительных случаях.

К следующему относится преобладание индивидуализма над фамелизмом. Малодетность становится всё более актуальной социальной нормой. На заключение брака перестаёт влиять мнение родственников, вступление в союз осуществляется по личному выбору. Разводы имеют место быть, но при наличии субъективных причин, которые можно проверить. К ним можно отнести неизлечимую болезнь, раздельное проживание мужа и жены и т.п.

На последнем этапе полностью преобладает индивидуализм, ценности семьи становятся менее выраженными. Распространены альтернативные формы брака, репродуктивные установки больше не считаются весомыми для создания семьи, так как потребность в детях ослабевает. Сферу интимных отношений больше необязательно узаконивать браком [2].

Современное российское общество теперь рассматривается с позиции индивидуализма. Функции, которые раньше выполняла семья, в её традиционном представлении, теперь берёт на себя индивид, параллельно с социальными институтами. Основными показателями современного института семьи ныне выступают: нуклеаризация семьи, распространённость альтернативных форм брака, увеличение в обществе неполных семей, малодетность [3].

Важно отметить, что в структуре института семьи претерпел изменения такой её элемент как семейные ценности. Нельзя сказать, что в современном мире они совсем утратили свою значимость, на данном этапе они просто видоизменились и обрели другое значение. Семейные ценности стали носить более «личный» характер. Можно сказать, что складывается некая традиция взаимопроникновения личных семейных ценностей и корпоративных [4].

Трансформации в институте семьи повлекли за собой утрату характерных для семьи признаков. Изменились роли мужчины и женщины в семье, так как женщина стала более эмансипирована, её роль в семье больше не заключается только в воспитании детей и хранении семейного очага. На смену традиционной системе ценностей, включающей в себя семейную ответственность, авторитетность старшего поколения в семье приходят ценности, связанные с личностным развитием и самодостаточностью [5]. Личные интересы индивида ставятся выше семейных.

Традиционно, семейные ценности преобладали над ценностями, связанными с карьерой и работой. Но сейчас, ситуация обстоит так, что семья считается целью жизни и достижение этой цели зависит от того, на сколько человек успешен и финансово независим [6].

Всё чаще создание семьи откладывается до момента определённого материального благополучия и финансового достатка. Из-за этих обстоя-

ательств возраст вступления в брак смещается ближе к тридцати годам. В первую очередь, индивид старается самореализоваться, достичь самодостаточности, комфортного существования. В современном обществе индивиды живут для себя, удовлетворяя свои личные потребности и реализуя амбиции, и лишь на заре зрелости задумываются обзавестись семейством.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сказать, что трансформация института семьи в современном российском обществе действительно есть. Нельзя сказать, что эта трансформация носит резко негативный характер. Нынешний институт семьи лишь адаптировался под современные социально-экономические условия и стал более модернизирован.

Источники и литература

- 1) Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 20.11.2018).
- 2) Шахова И. А. Трансформация ценностей института семьи в современной России. – URL: <https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2018/01/19.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).
- 3) Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. №3. - С. 20-29.
- 4) Порохнюк Е. В. Эволюция семейных ценностей в процессе трансформации традиционной семьи в российском и восточном обществах: социологический анализ // Вестник АГТУ. 2013. №1 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-semeynyh-tsennostey-v-protsesse-transformatsii-traditsionnoy-semi-v-rossiyskom-i-vostochnom-obschestvah-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 23.11.2018).
- 5) Порохнюк Е. В. Ведущие социальные факторы, оказывающие влияние на процесс трансформации традиционной модели семьи и брака: социологический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №1. – С. 99-102.
- 6) Кудзиева Ф. С. Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. №2. – С. 61-65.

Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в российской практике: проблемы и перспективы

Филипова А.Г.¹, Костина Е.Ю.¹

1 - Дальневосточный федеральный университет

Участие детей - это одно из наиболее обсуждаемых и изучаемых понятий Конвенции о правах ребенка, с момента ее принятия ООН в 1989г. В России сложилась необходимая правовая основа для организации детского участия: ратифицирована Конвенция о правах ребенка (ст.12), принята Национальная стратегия действий в интересах детей (раздел VI «Дети - участники реализации Национальной стратегии»), произошло присоединение ряда российских городов к инициативе ЮНИСЕФ «Города, доброжелательные к детям». Однако концепция детского участия испытывает трудности в реализации по причинам «презумпции незрелости ребенка», нарушения баланса заботы взрослых и детской активности, формализации практик детского участия, а также неразработанности форм и индикаторов детского участия с учетом российского контекста. Так, в Национальной стратегии действий в интересах детей в разделе VI «Дети - участники реализации Национальной стратегии» выделен всего 1 показатель оценки успешности против 105 показателей предыдущих пяти разделов.

Участие детей предполагает, с одной стороны, высказывание детьми собственного мнения по всем важным для них вопросам, а, с другой, учет этого мнения при принятии решений, затрагивающих интересы детей, начиная с семейных и школьных вопросов и заканчивая социальными программами в интересах детей. Помимо социальной активности и ответственности участие детей помогает развивать коммуникативные и организаторские навыки, навыки исследовательской и проектной деятельности, способствует личностному становлению и профессиональному самоопределению. Формами реализации детского участия могут выступать органы детской самодеятельности (общественные организации, школьные советы), соучаствующие исследования, проектная работа и др. [2, 3].

Идеи выделения типов или ступеней гражданского/социального участия активно развиваются зарубежными исследователями (S.ArNSTEIN J. Pritty, S. White и др.) во второй половине XX века. R. Hart в работе «Участие детей: от видимости к гражданскому участию» приводит модифицированный вариант «лестницы участия» С. Арнштейна. Лестница включает восемь ступеней - степеней участия детей: «манипулирование», «украшение», «создание видимости», «вовлечение в сочетании с информированием»; «консультирование и информирование»; «иницирование

взрослыми и обсуждение совместно с детьми»; «управление и инициирование детьми»; «инициирование детьми, принятие решения совместно со взрослыми». G. Lansdown классифицирует участие детей на трех уровнях: консультативное участие (когда взрослые выслушивают ребенка), совместное участие (когда дети и взрослые совместно принимают решения) и участие детей (дети сами выявляют проблемы и организуют их решение при посредничестве взрослых). Большое количество методической литературы (брошюр, гайдов, руководств), посвященных технологиям, формам детского участия, было выпущено UNICEF, уполномоченными по правам ребенка и министерствами социального развития разных стран: “Save the children”, “Involving children in decision making”, “A journey in children’s participation” и др.

В России накоплен определенный опыт оценки детского участия и деятельности по включению детей (И.Е. Калабихина, О.В. Кучмаева, С.В. Кочнев, Н.В. Васильева, В.А. Одинокова, М.М. Русакова и др.), а научной школой С.Н. Майоровой-Щегловой развивается концепция социального конструирования детства. Авторским коллективом под руководством И.Е. Калабихиной проведено исследование моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим их интересы, в двух российских городах, присоединившихся к инициативе ЮНИСЕФ «города, доброжелательные к детям» - Москве и Краснодаре.

Условием эффективности участия детей выступает наличие устойчивой системы качественных и количественных показателей. И.Е. Калабихина указывает на необходимость учитывать следующие индикаторы детского участия:

- число решений, в которых принимали участие дети;
 - число решений, принятых по инициативе детей;
 - среднее количество мероприятий, в котором лично участвует ребенок;
 - доля детей, считающих, что они могут повлиять на положение дел в своей школе, районе;
 - численность проведенных консультаций с детьми, молодежью, тематических публичных дискуссий;
 - число партнеров конкретной (детской/родительско-детской) организации;
 - механизм работы детского совета;
- а также ряд косвенных индикаторов [1, с. 27].

Реализация права ребенка быть услышанным в вопросах принятия решений, затрагивающих их интересы, становится фактором развития гражданского общества, так как у детей формируется активная граж-

данская позиция, ответственность за принятые решения, способность защищать свои права и свободы.

В 2018 г. мы с коллегами из Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Тихоокеанского государственного университета, Уральского государственного педагогического университета и Белгородского государственного университета приступили к разработке программы сетевой магистратуры «Система мониторинга и оценки участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы» в рамках реализации грантового проекта, финансируемого фондом Владимира Потанина. Магистерская программа рассчитана на 2 года очной формы обучения и реализуется в режиме проведения четырех очных сессий с учебными занятиями по курсам продолжительностью 12-16 аудиторных часов в неделю. Целевой аудиторией магистерской программы выступают бакалавры в области социальных и педагогических наук.

Программа включает четыре образовательных модуля: 1. Организационно-правовые и социально-этические основы участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы (дисциплины: Деловой иностранный язык; Современные проблемы детства; Основы социологии детства; Психолого-педагогические основы детского участия; Теория детского участия; Этические основы детского участия; Международное и российское законодательство в области детского участия). 2. Технологии вовлечения детей в решения вопросов местного сообщества. Детская социологическая служба (Участие детей в оценке социальных программ за рубежом; Модели детского участия за рубежом; Модели детского участия в России; Методология и методы исследования детского участия; Технологии вовлечения детей в решение вопросов местного сообщества; Технологии вовлечения детей в решение школьных вопросов; Технологии вовлечения детей в решение вопросов, связанных со здоровьем и здоровым образом жизни). 3. Мониторинг участия детей в процессе принятия решений (Основы многомерного статистического анализа данных мониторинга; Мониторинг Национальной стратегии действий в интересах детей; Мониторинг детского участия в России и за рубежом). 4. Оценка данных мониторинга детского участия (Оценка социальных проектов и программ в сфере детства; Основы визуализации данных мониторинга детского участия; Участие детей в оценке социальных программ за рубежом).

В данный момент разработка магистерской программы проходит поисковый (полевой) этап. Проектной группой проводится сбор и изучение научных публикаций; методических рекомендаций; эмпирических материалов (представления детей и взрослых, работающих с детьми о дет-

ском участии, формах его реализации, трудностях и пр.; описание кейсов детского участия).

Результаты фокус-группы со студентами ДВФУ (N=12) показали важность как можно более раннего вовлечения детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы. Участники исследования обозначили начальный возраст детского участия как 3-5 лет, связывая его с формированием устной речи ребенка.

Студенты подчеркивали значение участия для детского развития:

он в какой-то степени приучается именно к принятию решений. . . обычно все решения они по большей степени возложены на родителей (Михаил)

смысл детского участия заключается еще и в самореализации ребенка, т.е. это помогает ему стать тем человеком, которым он хочет стать, а не, допустим, таким, каким хотят видеть его родители (Аня)

Поскольку фокус-группа была ориентирована на исследование детского участия в школьной повседневности, обозначенные участниками проблемы были связаны с взаимодействиями с учителями, организацией учебной и внеучебной деятельности:

мне казалось, что школьный совет это просто перекладывание ответственности на детей. . . в каждой школе, причем в хорошей школе, если она в городе считается хорошей, должны организовываться какие-то внеклассные мероприятия, т.е. очень часто этим преподаватели заниматься не хотят (Алина)

школа - это не то место, которое учитывает мнение детей, потому что у нас, допустим, были советы, я тоже там входила и мы в основном занимались организацией праздников, шефской работой (Светлана)

у нас была женщина, она бывший учитель нашей школы, лицея, но все равно приходила к нам и выявляла таких заинтересованных, умненьких детей и предлагала им научную деятельность (Александра).

Высказывания участников фокус-групп позволяют сделать предварительные предположения относительно школьной заорганизованности детского участия. Для образовательных учреждений основным форматом детского участия выступают школьные советы, которые преимущественно ориентированы на социальные акции и проведение внеучебных мероприятий (праздников, слетов и пр.). У обучающихся очень мало возможностей для реализации собственных инициатив, редко учитывается их мнение по вопросам организации учебной и внеучебной деятельности. Если обратиться к трем ступеням детского участия, выделенным G.

Lansdown, то в российской школьной практике сложно говорить даже о реализации первой - консультативной - ступени детского участия, когда взрослые прислушиваются к мнению детей.

При этом участие детей в решении вопросов школьной повседневности представляется особенно актуальным, прежде всего потому, что большая часть жизни ребенка от 7 до 16 (17) лет проходит в школе. Также школа располагает ресурсами для обучения детей технологиям включения в решение вопросов, затрагивающих их интересы - организационными, временными и пр. Через школу может быть осуществлен выход на местное сообщество - включение в решение вопросов благоустройства, соучаствующее проектирование, участие в городских мероприятиях.

Для использования школьной повседневности в качестве площадки развития детского участия важна подготовка педагогических кадров. В этом отношении подспорьем может стать вышеописанная программа магистерской подготовки «Система мониторинга и оценки участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы».

(Работа выполнена в рамках разработки магистерской программы «Система мониторинга и оценки участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы» при финансовой поддержке благотворительного фонда В. Потанина)

Источники и литература

- 1) Методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы в муниципальных образованиях / под ред. И.Е. Калабихиной. М. : Фонд поддержки детей находящихся в трудной жизненной ситуации. 2014.
- 2) Филипова А.Г. Российская социология детства: вчера, сегодня, завтра. Проблемы институционализации и перспективы развития: монография. СПб: Астерион, 2016.
- 3) Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская «доброжелательность» к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды: (На материалах городов юга Дальнего Востока) : монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017.

Влияние кризисных явлений института семьи на социализацию и воспитание

Цинченко Галина Михайловна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления

E-mail: galina_ts55@mail.ru

Семейная социализация детей - актуальная тема исследования из-за нарастания девиантных и делинквентных проявлений подрастающего поколения, связанных с кризисом современной семьи. По количеству самоубийств детей и подростков, Россия находится на одном из первых мест в мире. Не снижается количество неполных семей, семей асоциальных и находящихся в зоне риска. Увеличивается количество замещающих семей, по-прежнему высок процент распадающихся семей, количество которых в некоторых регионах достигает 85%. В тоже время наблюдается низкая рождаемость и малодетность: 72% семей имеют одного ребенка, 23% имеют 2 детей и только у 5% семей воспитывают трех и более детей [1, с.56]. Практически не снижается количество брошенных детей, что повсеместно порождает социальное сиротство. В центре всех этих и других социальных проблем находится институт семьи, являющийся основой социально-экономического развития страны и ее национальной безопасности. Качественные изменения коснулись не только состава семьи, но существенно повлияли на взаимоотношения между родителями и детьми, на психологический климат в семье, что вызвало обострение конфликта «отцов и детей». Многолетние исследования семей с детьми дают основание утверждать, что дети будут здоровее, счастливее и успешнее в жизни при условии проживания и воспитания в кровной полной семье. При всех других вариантах - проживании только с одним из родителей, распад семьи и повторные браки родителей или одного из них, социализация будет иметь негативные последствия. К такому выводу привели исследование фактов о семьях с детьми, накопленные в течение двухсот лет, А. Карлсон. Развитие системы государственного и общественного воспитания не привело к компенсации функций семьи в должной мере, так как только в семье детско-родительская любовь способствует полноценному становлению эмоциональной сферы, межличностных отношений и социально- психологической сферы [3,с. 238-243].

В настоящее время кризис института семьи проявляется в невыполнении части своих функций, что приводит к попаданию все большего количества семей в категорию социального риска из-за неспособности противостоять деструктивному воздействию социальной среды, испыты-

вающих серьезные затруднения при адаптации к нестабильным условиям. В условиях социального риска могут быть утрачены семейные связи, возрастает число детей, оставшихся без попечения родителей и постоянного места жительства. В жизнедеятельности семьи в целом произошли столь значительные изменения, что ставится вопрос о трансформации социального института семьи.

Изменение внутрисемейных отношений и качества общения отразились, прежде всего, на детско-родительских отношениях, вызвав дефицит общения, что усилило влияние на детей и подростков неформальных групп. Согласно многочисленным исследованиям, к причинам, вызывающими отчуждение родителей и детей, относятся девальвация семейных ценностей, общий упадок морали в обществе, одобрение семейных практик, вызывающих осуждение общества в недавнем прошлом, негативное влияние СМИ, дезорганизация семьи. Ориентация общества на досуговые и профессиональные как на внесемейные сферы в течение длительного времени, привели к такому образу жизни, в котором практически не остается времени для внутрисемейного общения. У родителей, занятых большую часть на работе и хозяйственными заботами дома, решением насущных проблем возникает дефицит свободного времени и недостаток родительского внимания и общения с детьми. Недостаток родительского влияния и эмоциональной поддержки могут сформировать у ребенка ориентацию на внесемейные ценности, что повлияет на воспитание и социализацию последующих поколений и на дальнейшую дезорганизацию семьи как социального института. Очевидно, что государству и обществу необходимо изменить условия жизни семьи, поддержать семейные ценности и фамилистическую культуру. От нравственного здоровья подрастающего поколения зависит и в целом здоровье нации. Современная семья при дестабилизации социально-экономической духовной сферы общества становится источником удовлетворения в первую очередь собственных эгоистических потребностей. В таком случае в семье проживают «одиночества», что непременно снижает потенциал семьи по воспитанию и социализации детей. В современном обществе заложена установка на самореализацию и индивидуальный успех в профессиональной сфере. При этом социальная значимость семьи недостаточна. Снижение уровня жизни, гедонизм, индивидуализм, распространение массовой зарубежной культуры, с насаждаемыми худшими образцами, конфликты на межнациональной почве, препятствуют полноценному функционированию института семьи [2, с. 99].

Детство - составная часть социальной жизни, приобретенное в семье в детстве, ребенок сохраняет в течение всей последующей жизни.

Вся дальнейшая жизнь определяется детством. От семьи зависит, каким вырастит ребенок. П.А. Сорокин, выдающийся социолог XX в. рассматривая семью как базовую единицу общества, как качественно уникальную социальную группу, справедливо отмечал, что «без здоровой семьи невозможно здоровое общество». Очевидно, для решения многочисленных социально-демографических проблем, оздоровления общества в целом и воспитание здорового, духовно-нравственного поколения требуют пристального внимания государства и общества к семье как социальному институту. Общественные отношения, уровень культурного развития общества имеют непосредственное влияние на семью, ее формы и функции. Социальная система, заинтересованная в сохранении человечества, общности, нации обуславливает функционирование семьи как социального института [4, с. 23].

Источники и литература

- 1) Воронцов А.В., Глотов М.Б. Демографические проблемы России. М.:Юрайт, 2018
- 2) Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10
- 3) Карлсон А. Общество — семья — личность: социальный кризис Америки. М.: Инфра-М, 2003.
- 4) Цинченко Г.М. Семейная социализация и воспитание //Управленческое консультирование №5. 2014.

Формирование идентичности субъекта родительского труда в современном российском обществе

Черешова Светлана Васильевна

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

E-mail: s.v.chereshova@yandex.ru

Тема родительского труда не нова для современной отечественной социологии. Работы таких авторов, как М.Г. Абилова [1], А.П. Багирова [2], Д.Г. Быкова [4], А.М. Ильшев [5], М.М. Пшеничникова [6] и др. показывают, что российская социология не только признает важность изучения подобной проблематики, но и обладает проработанным и разнообразным теоретико-методологическим аппаратом, необходимым для выполнения соответствующих исследований. Вместе с тем, несмотря на многочисленность и очевидное тематическое разнообразие подобных исследований, многие аспекты выполнения родительского труда в современном российском обществе по-прежнему остаются до конца не ясными и требуют более глубокого изучения. Один из таких аспектов - формирование идентичности субъектов родительского труда. Родительский труд описывается исследователями как разновидность сложной и целенаправленной деятельности, направленной на производство и воспроизводство человеческих ресурсов [3, с. 6]. Очевидно, что такой ракурс рассмотрения практик, связанных с рождением и воспитанием детей, удобен как с аналитических позиций, так и с управленческих. Но остается не ясным, готовы ли сами исполнители такого труда, родители, воспринимать свою деятельность именно в таком качестве? В данной работе мы обратимся к анализу именно этого вопроса и на материалах собственного социологического исследования охарактеризуем характерные особенности формирования идентичности субъектов родительского труда в современном российском обществе.

Прежде всего, следует пояснить концептуальную сторону поднятого вопроса. Ситуация, которая на данный момент сложилась в российском обществе, несколько противоречива. С одной стороны, правительство страны явно перестало рассматривать вопрос воспроизводства населения только сквозь призму его механического восполнения: разнообразные меры поддержки молодых и многодетных семей, стимулирование патронажа, развитие органов опеки, интенсивная пропаганда ответственного отношения к семейным ценностям и целый ряд других шагов говорят о существовании государственного запроса на комплексную и систематическую работу по количественному и качественному воспроиз-

водству населения. С другой стороны - субъект, который может взять на себя выполнение такой работы по количественному и качественному воспроизводству населения, остается эмпирически размытым: актуальные социологические исследования, как и характер публичных дискуссий в обществе, говорят о том, что вектор отношения к рождению и воспитанию детей пока остается в российском социуме противоречивым и разнонаправленным. Фактически мы имеем дело с устойчивым контрастом между очевидным запросом государства на выполнение родительского труда в обществе и отсутствием в обществе устоявшихся представлений о том, кто и на основании чего может являться исполнителем такого труда.

В более конкретном виде это приводит к появлению как минимум двух концептуальных неопределенностей. Во-первых, не ясно, готовы ли в принципе исполнители родительского труда воспринимать свою деятельность именно как разновидность трудовой активности? Во-вторых, готовы ли такие исполнители говорить о себе именно как о субъектах родительского труда? Прояснение этих противоречий обладает высокой аналитической и практической значимостью. Отталкиваясь от ответов на соответствующие вопросы, можно определить, насколько само российское общество готово к рассмотрению практик, связанных с рождением и воспитанием детей именно как к разновидности труда. В свою очередь, от такой готовности напрямую зависит оптимальный вектор менеджмента родительского труда со стороны государства.

Эмпирическое исследование было выполнено нами в начале 2018-го г. в г. Екатеринбурге. Его целью стала комплексная эмпирическая диагностика представлений о родительском труде, его предпочтительных векторах и оптимальных формах у тех людей, которые прямо или косвенно вовлечены в процесс реализации такого труда. Исследование выполнялось в форме социологического опроса. Респонденты для опроса отбирались нами в двух разных сегментах: «родители» (к которому мы причисляли не только самих родителей, но и близких родственников) и «профессиональные сотрудники» (специалисты, профессионально связанные со сферой родительского труда: педагоги, врачи, сотрудники социальных служб и т.д.). Для того, чтобы обеспечить возможность сравнения ответов респондентов из этих сегментов, мы стремились обеспечить равную численность опрошенных в каждой из соответствующих групп. Всего было опрошено 319 человек в сегменте «родители» и 302 человека в сегменте «профессиональные сотрудники». В обоих случаях использовалась квотная половозрастная выборка. В выборке по сегменту «профессиональные сотрудники» использовался дополнительный квот-

ный критерий профессиональной принадлежности.

В контексте формирования идентичности субъектов родительского труда нас принципиально интересовали три конкретных вопроса. Во-первых, насколько в принципе опрошенные готовы воспринимать деятельность, связанную с рождением и воспитанием детей, именно как труд? Во-вторых, готовы ли респонденты говорить о самих себе именно как о «субъектах родительского труда» или же такая характеристика вызывает у них несогласие? В-третьих, существуют ли по этим параметрам какие-то различия между респондентами разных сегментов? Анализ ответов, которые были получены по итогам исследования, помог прояснить каждый из соответствующих вопросов.

Прежде всего, базовое ассоциативное понимание родительского труда у большинства опрошенных можно охарактеризовать как в целом оформленное, но относительно неустойчивое. С одной стороны, показательно, что некое представление о том, что такое родительский труд, у абсолютного большинства опрошенных существует: вопрос «Скажите, какие ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите словосочетание «родительский труд»?» задавался в анкете в открытой форме, и затруднились с ответом на него только 11,5% респондентов. С другой стороны, в ответах опрошенных не удается проследить какой-то общей, наиболее распространенной логики, что говорит о том, что некое общепринятое понимание того, что такое родительский труд, не сформировалось. Среди ответов, которые дают опрошенные, преобладают три вектора. Во-первых, вектор эмпатии: 31,5% опрошенных ассоциируют понятие родительского труда с «любовью», «нежностью», «преданностью». Во-вторых, вектор обучения: суммарно 29,5% ассоциируют с понятием родительского труда такие процессы, как «обучение», «воспитание», «наставление». В-третьих, вектор целенаправленной деятельности: 27,5% опрошенных увязывают понятие родительского труда с категориями «труд», «работа», «хлопоты» и иными близкими по смыслу терминами. Видно, что какой-то доминирующей, преобладающей логики в полученных ответах не прослеживается.

На наш взгляд, в перечне полученных ответов примечательны несколько обстоятельств. Прежде всего, заметно, что среди названных вариантов ответа редко встречаются заведомо негативные позиции - к таким можно отнести разве что «Принуждение» (упомянули в том или ином виде 11,2% опрошенных). Все остальные названные варианты либо нейтральны по своей коннотации, либо даже позитивны: «Любовь/ нежность/ преданность» (31,5%), «Труд» (18,5%), «Обучение/ образование» (15,2%), «Воспитание» (11,3%), «Семья» (7,5%), «Забота» (4,5%), «Рабо-

та» (4,5%), «Хлопоты» (4,5%). Такое специфическое распределение ответов говорит об отсутствии у большинства опрошенных выраженного негативного отношения к понятию родительского труда: само упоминание словосочетания «родительский труд» не вызывает у большинства из них очевидных и прямых отрицательных ассоциаций. Кроме того, примечательно слабое распространение ассоциаций родительского труда с понятием семьи: лишь 7,5% опрошенных упоминают слово «семья» или его производные в контексте понимания родительского труда. Иными словами, родительский труд гораздо чаще ассоциируется с заботой, любовью, обучением и трудом, чем с семьей. Мы считаем, что этот баланс ответов красноречив: получается, что родительский труд определяется многими опрошенными сквозь призму любви, обучения или труда, но в качестве сферы таких любви, обучения и труда, очевидно, ими рассматривается не только семья. Родительский труд ощущается многими из них как деятельность, не ограниченная только жесткими рамками семейных отношений.

В этом же перечне ответов необходимо обратить внимание и на еще одно, на наш взгляд, ключевое обстоятельство. Заметно, что трудовая деятельность не является определяющей ассоциацией родительского труда. Понятия труда, работы, хлопот звучат среди ассоциаций с термином «родительский труд», но упоминаются они в целом реже, чем иные по смыслу варианты ответа, пусть и не значительно (такие ассоциации называют 18,5%). Иными словами, большинство респондентов не воспринимают родительский труд именно как «труд» и интерпретируют его сквозь призму каких-то других терминов. Разумеется, этот факт вряд ли можно интерпретировать как принципиальное отторжение опрошенными идеи о возможности рассмотрения родительского труда как одной из разновидностей труда. К тому же, тот факт, что примерно треть респондентов все же упоминают ассоциации с «трудом», «работой», «хлопотами», свидетельствует как раз об обратном: понимание родительского труда как разновидностей трудовой активности не является массовым, но все же распространено. Скорее уместно констатировать, что интерпретация родительского труда как формы трудовой деятельности большинству опрошенных не привычна: именно поэтому на уровне спонтанных ассоциаций она актуализируется лишь у меньшинства из них.

При этом само отождествление родительского труда с иными формами труда, по всей видимости, воспринимается большинством опрошенных как приемлемое. По крайней мере, сложность родительского труда оценивается большинством из них как эквивалентная сложности любого иного вида трудовой активности. 62% респондентов полагают, что роди-

тельский труд по своей сложности ничем не отличается от любой иной формы трудовой активности. В данном случае важно не только то, что большинство опрошенных отвергают позицию, согласно которой родительский труд проще других форм труда. Не поддерживается большинством из них и другая, обратная по смыслу позиция, согласно которой родительский труд предполагает более сложный характер деятельности, чем иные формы труда. Другими словами, в их ответах прослеживается не склонность к повышенной оценке сложности родительского труда, а именно готовность отождествить его сложность со сложностью других форм трудовой активности. Для большинства из них родительский труд и любые другие формы труда являются по сути равноценными формами деятельности. Таким образом, идея о возможности отождествления родительского труда с иными формами трудовой деятельности не привычна многим опрошенным, но ощущается ими как вполне допустимая, не вызывающая какого-то выраженного отторжения.

Следует особо подчеркнуть, что выраженного отторжения у большинства опрошенных не вызывает и перспектива восприятия самих себя как исполнителей родительского труда. По крайней мере, более трех четвертей респондентов при ответе на прямой вопрос «Можете ли Вы назвать себя субъектом родительского труда» отвечают утвердительно: такую точку зрения разделяют 77,6%. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в сознании большинства опрошенных сформировано не только представление о допустимости деятельности, связанной с рождением и воспитанием детей, как к труду. Распределения ответов говорят о том, что большинство респондентов воспринимают свою собственную деятельность именно в этом качестве и готовы говорить о себе как об исполнителях родительского труда. Возможно, такая постановка вопроса несколько непривычна для многих из них. Но она явно не вызывает какого-то отчетливого раздражения.

Анализ также показал, что в ответах респондентов сегментов «родители» и «профессиональные сотрудники» есть определенные различия. Однако, по всей видимости, эти различия не меняют коренным образом общей картины. Ответы на вопросы о сущности родительского труда у респондентов обоих сегментов оказались похожи: статистически значимых различий в ответах на вопросы об ассоциациях с понятием «родительский труд» и сложности родительского труда выявить не удалось.

Однако статистически значимое различие проявилось в ответах на вопрос о готовности говорить о себе как субъектах родительского труда. Если среди родителей и ближайших родственников себя в таком качестве готовы описывать 91,8%, то среди профессиональных специалистов, при-

нявших участие в исследовании, - только 62,8% (здесь, впрочем, надо оговориться, что в случае респондентов, отнесенных к сегменту «профессиональных работников», речь идет о восприятии себя как субъектов родительского труда именно по отношению к тем детям, с которыми они работают, а не по отношению к собственным детям: сам вопрос анкеты был сформулирован для них как «Вы можете сказать, что занимаетесь родительским трудом по отношению к детям, с которыми работаете?»).

Само по себе это расхождение в настроениях разных респондентов предсказуемо: родители и близкие родственники взаимодействуют с детьми в рамках семейных отношений, а профессиональные работники просто занимаются своей работой и логично, что их отношение к такой работе и детям отличается. Но здесь принципиален иной факт: даже несмотря на то, что профессиональные работники ощутимо реже приписывают себе идентичность как субъектов родительского труда, более половины из них воспринимать себя в таком качестве вполне готовы. Иными словами, идентификация в качестве субъектов родительского труда не только воспринимается как естественная, но и прослеживается и у большинства родителей и близких родственников, и у большинства профессиональных работников, занятых в профильной сфере. У работников такая идентичность встречается реже, но все же она характерна явному большинству из них.

В целом проведенный анализ показал, что как таковая идентичность субъекта родительского труда в современном российском обществе скорее сформирована. Возможно, отдельные нюансы такой идентичности еще размыты и противоречивы, но сам базис, по всей видимости, уже достаточно определен. И сами родители, и работники профильных профессиональных организаций в целом готовы воспринимать деятельность, связанную с рождением и воспитанием детей, именно как разновидность труда. Более того, большинство из них в целом готовы воспринимать самих себя в качестве исполнителей такого труда. Поэтому можно сказать, что исходные вопросы, которые мы поставили в начале работы, получают некоторое прояснение: мы полагаем, что большинство исполнителей родительского труда готовы воспринимать свою деятельность именно как разновидность трудовой активности и рассуждать о себе как о субъектах родительского труда.

Источники и литература

- 1) Абилова М.Г. Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им.

Г.И. Носова. 2010. – № 3. – С. 64-66.

- 2) Багирова А.П. Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Екатеринбург. 2009. – 353 с.
- 3) Багирова А.П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 2014. – 271 с.
- 4) Быкова Д.Г. Оценка результатов родительского труда на примере его дошкольной стадии // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление. Материалы ежегодной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений. – Воронеж. – 2016. – С. 33-38.
- 5) Илышев А.М., Лаврентьева И.В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. М.: ИД "Финансы и кредит". 2005. – 368 с.
- 6) Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 39. – С. 23-29.

Категориальный аппарат родительского труда: обоснование дальнейшего совершенствования

Шмарова Ирина Викторовна

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

E-mail: i.v.shmarova@urfu.ru

Социально-экономические изменения, произошедшие в российском обществе в кризисных экономических тенденциях, не могли не сказаться на отношении к семье, браку и родительству. Это нашло отражение в негативном изменении таких показателей, как рождаемость, число неполных семей, число разводов и др. Осознавая важность решения демографических проблем для дальнейшего устойчивого развития страны, обеспечения ее безопасности, руководство страны реализует различные меры, направленные на стимулирование рождаемости, снижение смертности, стимулирование миграционного прироста и т.д. [1]. Внедрение и осуществление мер демографической политики позволило получить определенные положительные результаты. Например, в период с 2013 по 2015 гг. в России наблюдался естественный прирост населения [2].

Вместе с тем, проблемы в области демографии нельзя назвать решенными, поскольку наблюдаются следующие тенденции:

- положительная ежегодная динамика изменения общего коэффициента рождаемости с 2016 г. сменяется на негативную. За последующие два года общий коэффициент рождаемости снизился на 13,5 % (в 2017 г. по отношению к уровню 2015 г.) [3];

- снижается число зарегистрированных браков (более чем на 15 % в 2017 г. по отношению к уровню 2013 г.) [4];

- существование пессимистичных долгосрочных прогнозов Росстата относительно предположительной численности населения [5], и др.

Отчасти наблюдаемые негативные явления могут быть объяснены изменением половозрастной структуры населения. Одновременно это обуславливает необходимость разработки и внедрения действенных инструментов демографической политики, учитывающих современные реалии. В текущих условиях перед государством открывается два основных варианта решения сложившейся проблемной ситуации: стимулирование процессов воспроизводства населения либо восполнение трудовых ресурсов за счет активизации миграционных процессов. Существующие варианты имеют свои преимущества и недостатки, к числу которых можно отнести влияние на безопасность страны, изменения в социальной сфере, культурные аспекты и др. Вместе с тем, по нашему мнению, решающее

значение для безопасности страны, а также обеспечения ее качественными трудовыми ресурсами в долгосрочной перспективе играет текущее решение вопросов, связанных с воспроизводством населения.

Отечественные и зарубежные ученые выделяют различные причины снижения рождаемости. Так, например, А.Г. Леонтьева говорит о том, что ограничение репродуктивной активности связано с ухудшением материальных условий в России [6], Н.А. Кондакова поднимает вопросы необходимости усиления социальной поддержки семей с детьми [7], В.К. Юрьев, Ц.М. Теблеев, В.Г. Пузырев, В.В. Фаузер и др. связывают со снижением рождаемости влияние и ограничивающую роль репродуктивных установок [8, 9]. В мировой демографической науке в качестве причин снижения рождаемости часто рассматриваются экономические условия [10, 11, 12 и др.]. Действительно, в современном обществе экономические факторы могут играть сильную ограничивающую роль и негативно сказываться на формировании человеческого капитала. Одним из вариантов решения проблемы совмещения занятости и репродуктивного поведения может стать признание значимости родительского труда.

Заметная роль, которую играет родительский труд в воспроизводстве населения, создании условий для формирования и последующей реализации детьми потенций как в трудовой, так и иной общественно-признаваемой деятельности обоснована и раскрыта в работах А.М. Ильшева, И.В. Лаврентьевой, А.П. Багировой и др. [13]. Ученые показывают, что данный инструмент позволяет стимулировать не только экстенсивное (приращение численности), но и интенсивное (улучшение качественных характеристик) изменение человеческого капитала.

Потребность выделения родительского труда возникла на фоне увеличивающейся вовлеченности женщин в сферу продуктивного труда. Произошло разделение родительского труда на труд, реализуемый матерью, отцом и близкими родственниками, и репродуктивный труд, реализуемый воспитателями, учителями, медицинскими работниками и др. (делегированный родительский труд).

Выделение и обособление родительского труда может быть обусловлено следующими причинами:

- 1) различие качества репродуктивного труда, реализуемого непосредственно родителями (ближайшими родственниками) и специалистами сферы социальной репродукции. Большое количество зарубежных и отечественных исследований показывают, что в учреждениях интернатного типа происходят отклонения в личностном развитии детей [14, стр.51]; примерно 40% воспитанников организаций для детей-сирот обучается по программам пониженной трудности, а программы повышен-

ной сложности (гимназия, лицей) осваивают не более 8% воспитанников [15, стр.148], что в дальнейшем сказывается на выборе направления и освоении программ профессионального образования; исследование и комплексная оценка состояния здоровья детей (воспитанников детских домов) также демонстрируют не всегда утешительные значения показателей [14, стр.50];

2) различие в мотивации родительского труда, реализуемого непосредственно родителями (ближайшими родственниками) и специалистами сферы социальной репродукции: если для родителей и ближайших родственников основным мотивом, побуждающим субъектов родительского труда не только «производить», но и улучшать «продукт родительского труда» (развитие новых качеств индивида) станет то, что труд будет являться интересным, наполненным смыслом заботы о ребенке, связанным с новыми впечатлениями, приносящим новое (в отличие от бездетного) качество жизни, позволяющим проявлять относительную самостоятельность при выборе трудового поведения и т.п., то для работников сферы социальной репродукции на передний план выступит возможность самореализоваться в профессиональной сфере, возможность общения с детьми (особая личностно-значимая ценность), творческий характер труда и др.;

3) существование различий с точки зрения функции управления (рис.1). При оценке репродуктивного труда по критериям, связанным с реализацией функций управления, можно выделить отдельную группу участников репродукционного процесса, выполняющую репродуктивные функции совместно с родителями или ближайшими родственниками. В связи с тем, что доля участия родителей в труде этой группы велика, мы считаем, что данный репродуктивный труд также может быть отнесен к родительскому труду.

Таким образом, к родительскому труду мы относим сознательную целесообразную деятельность, связанную с функциями рождения, ухода, воспитания, обучения, развития, социализации и профессионализации детей, выполняемую родителями, ближайшими родственниками и специалистами сферы социальной репродукции по поручению и/или согласию и контролю со стороны родителей на всех стадиях воспроизводства человеческих ресурсов с целью формирования количественных и качественных характеристик человеческого капитала. Согласно предложенному определению, мы не относим к родительскому труду репродуктивный труд, осуществляемый специалистами сферы социальной репродукции по поручению государства (в домах ребенка, детских домах, приютах и т.п.). Это обусловлено тем, что в учреждениях данного типа отсутству-

ет совместная «родительская» работа и, как следствие, характеристики репродуктивного труда в них существенно отличаются от трудовой деятельности, связанной с уходом, воспитанием, обучением, развитием и социализацией детей, реализуемой непосредственно родителями или специалистами сферы социальной репродукции по поручению родителей.

Таким образом, существующие, а также прогнозируемые негативные демографические изменения обуславливают необходимость поиска и исследования новых инструментов, позволяющих решать проблемы, связанные с воспроизводством населения, обеспечением территорий в отдаленной перспективе квалифицированными кадрами и др. В качестве такого инструмента может быть рассмотрен родительский труд. В свою очередь, признание родительского труда невозможно без понимания сути этого понятия. В качестве критериев, позволяющих обособить родительский труд от репродуктивного труда, предложено использовать: 1) различие качественных характеристик результатов родительского труда и репродуктивного труда, реализуемого специалистами сферы социальной репродукции по поручению государства (в домах ребенка, детских домах, детских приютах и др.); 2) различие в мотивации родительского труда, реализуемого непосредственно родителями (ближайшими родственниками) и специалистами сферы социальной репродукции; 3) различие между родительским и репродуктивным трудом с точки зрения функций управления. Все это в совокупности позволило уточнить понятие родительского труда, что, в свою очередь, может служить основой для дальнейших исследований, направленных на рассмотрение родительского труда в качестве трудового процесса и интеграции его в экономическое производство.

(Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6))

Источники и литература

- 1) Лядова В.А. К проблеме прогнозной оценки демографических ресурсов и эффективности их трансформации в используемые трудовые ресурсы//Российское предпринимательство. 2012. №3. С. 60-64.
- 2) Данные Росстата об общем коэффициенте естественного прироста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/34147> (дата обращения 22.11.2018)

- 3) Рассчитано по данным Росстата о числе родившихся в расчете на 1000 человек населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения 22.11.2018)
- 4) Рассчитано по данным Росстата о числе зарегистрированных браков в расчете на 1000 населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/36058> (дата обращения: 22.11.2018)
- 5) Данные Росстата о предположительной численности населения по отдельным возрастным группа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 28.09.2018)
- 6) Леонтьева А.Г. Социальная поддержка семьи и ее влияние на репродуктивную активность населения// Экономика региона. 2010. №4. С.204-210.
- 7) Кондакова Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми// Проблемы развития территорий. 2015. № 3(77). С.72-87.
- 8) Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Панарина И.А. Репродуктивное поведение студенческой молодежи: социологическое измерение// В сборнике: Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. 2015. С. 339-350.
- 9) Юрьев В.К., Теблеев Ц.М., Пузырев В.Г. Репродуктивные установки женщин различных социальных групп//Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 891.
- 10) Becker G. Interaction between quantity and quality of children [Text] /G. Becker, G.H. Lewis, T.W. Shultz(ed)// Economics of the family: marriage, children and human capital. – Chicago. 1973. P. 81-90.
- 11) Easterlin R.A. An Economic Framework for Fertility Analysis// Studies in Family Planning. 1975. №6 (3). P. 54-63.
- 12) T. Paul Schultz. Population Policies, Fertility, Women's Human Capital, and Child Quality// Handbook of Development Economics. 2007. №4. P. 3249-3303.
- 13) Калачикова О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст]: монография

/ О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН. 2015. 172 с.

- 14) Малейко Г.У. Особенности социального статуса детей сирот в учебных группах//Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 2 (8). С. 50-58.
- 15) Ослон В.Н. Дети-сироты в образовательном пространстве России (по результатам опроса регионов о реализации гарантий доступности качественного образования для детей-сирот и лиц из их числа и поддержки их на всех уровнях образования)// Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21(1). С. 146-155.

Приложения

Фактор	Характеристики репродуктивного труда, реализуемого в семье	Характеристики репродуктивного труда, реализуемого специалистами сферы социальной репродукции	
		Делегированного родителями	Делегированного государством
Планирование трудовой деятельности	Полностью осуществляется родителями	Осуществляется родителями и специалистами социальной репродукции	Осуществляется специалистами социальной репродукции
Организация трудовой деятельности			
Мотивация объекта родительского труда			
Контроль качества реализации	Родительский контроль	Контроль со стороны родителей (полноты объема и качества оказываемых услуг); контроль со стороны государственных органов	Контроль со стороны государственных органов (инспекций)

Рис. 1. Характеристика репродуктивного труда с точки зрения функций управления

Семья как институт формирования гражданской активности: попытка теоретического осмысления проблемы

Южакова Э.В.¹, Багирова А.П.¹

1 - Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Роль института семьи в современном обществе несравнима по своей значимости с другими социальными институтами, поскольку семья выполняет важнейшие для общества функции: воспроизводства населения, рекреационную, хозяйственно-экономическую, воспитательную функции и функцию социального контроля. Реализуя данные функции, институт семьи оказывает значительное влияние на социальную структуру общества и социализацию населения посредством накопления и передачи социального опыта или социального капитала от предыдущего поколения нынешнему [1].

Непреложность института семьи актуализирует изучение различных его аспектов, существующих в нем тенденций и их влияния на социальные процессы и явления. Так, например, в российской науке в последние годы обозначился интерес к теме родительского труда. Анализ эмпирических данных указывает на растущее общественное признание этого вида труда.

Изучение родительского труда и его возможное признание на рынке труда требуют рассмотрения и более широких явлений, связанных с ним, в том числе - активности гражданского общества, выступающего катализатором многоплановых социально-экономических изменений. В данной статье мы рассмотрим процесс формирования гражданской активности населения через социальный институт семьи, а также предпримем попытку выявить аспекты гражданской активности, через которые происходит её формирование в семье.

Становление и развитие современного правового демократического государства, гарантирующего защиту прав и свобод человека, напрямую связано с гражданским обществом. Одним из главных условий его эффективного функционирования является наличие граждан, способных конструктивно взаимодействовать не только друг с другом, но и с различными институтами общества для достижения общих целей, отстаивая общие интересы и ценности в рамках правовых норм. Другими словами - условием гражданского общества вступает наличие граждан, обладающих развитой гражданской активностью.

В свою очередь, гражданская активность - это один из признаков, предпосылка и фундаментальная основа развития гражданского общества; это особый тип социальной активности, основанной на осознанной

и целенаправленной деятельности личности, выражением которой могут быть действия, не выходящие за рамки нравственных и правовых норм, осуществляющиеся по её инициативе и направленные на реализацию и защиту гражданских прав и свобод [2].

Перечислим социальные институты, с которыми традиционно связывается формирование гражданской активности [3]:

1. Институт государства. Несмотря на то, что гражданское общество является обособленной от государственного вмешательства формой взаимодействия граждан [4], государственная политика выступает предпосылкой для эффективного развития гражданской активности (например, реализация государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы») [5];

2. Институт образования. Одной из основных функций института образования является гражданская функция, посредством выполнения которой происходит подготовка гражданина - человека, обладающего чувством гражданской ответственности, стремящегося к участию в государственных и общественных делах, не выходя за рамки своих прав и обязанностей [6]. Здесь гражданская активность рассматривается как совокупность практик, знаний, умений и навыков, подлежащая организованной передаче от одного человека (группы лиц) к другому (другой группе лиц), благодаря чему происходит развитие и воспроизводство общества.

3. Институт права. С помощью данного социального института регулируется деятельность людей и социальных групп, закрепляются определенные общественные отношения в качестве общеобязательных норм и правил поведения [7]. Основным нормативно-правовым актом, содержащим основы формирования и эффективного функционирования гражданского общества, является Конституция Российской Федерации. В ней провозглашены признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, верховенство закона. Кроме того, базовые принципы деятельности гражданского общества отражены в федеральных законах «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях». Гражданская активность в данном контексте рассматривается как явление, возникшее благодаря благоприятной нормативно-правовой базе.

По нашему мнению, рассмотрение гражданской активности необходимо сквозь призму института семьи. Гражданская активность в данном случае выступает как социальный капитал, который семья передает от поколения к поколению с помощью воспитательной функции. В ре-

зультате - «переданная» гражданская активность формируется у нового поколения, происходит ее воспроизводство. Отметим, что под социальным капиталом мы понимаем совокупность социальных связей и норм взаимного сотрудничества, которая формируется людьми для решения общих проблем. Гражданская активность как социальный капитал основана на общественно-значимой ценности всех взаимоотношений, возникающих между людьми, с целью взаимовыгодного сотрудничества между ними. При этом функционирование гражданской активности как социального капитала основано на доверии, партнерстве, обмене информацией и совместных усилиях с целью разрешения общественно-значимых вопросов [8].

Один из способов формирования гражданской активности как элемента социального капитала заложен в институте семьи, которая реализует свою воспитательную функцию, готовя молодое поколение к жизни в социуме. В данном случае это подразумевает целенаправленное воздействие на человека для привития ему сложившихся практик совместных организованных действий людей и их социальных связей. За счет этого укрепляется солидарность и формируется коллективистский способ мышления.

Также гражданская активность может формироваться через институт семьи посредством выполняемой им функции социального контроля. Социальный контроль - это совокупность средств, способов и приемов, с помощью которых происходит саморегуляция социальной системы, обеспечивающая взаимодействие членов данной социальной системы на основе социально-нормативного и правового регулирования. Здесь гражданская активность рассматривается через понятие гражданственности как системы сложившихся общественных ценностей и норм поведения человека. Это - нравственная позиция, качество, свойство, ценность, норма поведения человека, гражданина, проявляющиеся в его готовности и способности активно участвовать в делах коллектива, к которому он принадлежит, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности [9]. Возможность формирования гражданственности в семье раскрывается через характеристики её структуры, включающие в себя гражданские качества (социальную ответственность; патриотизм); гражданские позиции (социальное самочувствие; моральные императивы); гражданские компетенции (правовую грамотность; информированность о процессах, происходящих в обществе).

В процессе осуществления социального контроля люди сознательно принимают нормы и ценности общества - компоненты гражданственно-

сти, в результате чего впоследствии формируется гражданская активность.

Формирование гражданской активности в семье представляется целесообразным изучать с помощью серии социологических эмпирических исследований с использованием как количественных, так и качественных методов сбора информации. Объектами исследований могут являться три поколения (согласно теории поколений, созданной Нейли Хоувом и Уильямом Штраусом): поколение «беби-бумеров», родившееся в 1943-1963 годах; поколение X, родившееся в 1963-1984 годах; поколение Y или «миллениум», родившееся в 1985-2000 годах. На основе полученных данных эмпирических исследований возможна разработка концепции межпоколенческих моделей формирования и развития гражданской активности у последующего поколения в ходе родительства каждого из трёх поколений.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Значимость института семьи и его роль в современном обществе носят неоспоримый характер, в результате чего появляется всё больше исследований (как фундаментальных, так и прикладных), направленных на изучение семьи и происходящих в ней процессов и тенденций. Так, растет интерес к изучению родительского труда, что допускает и подход к изучению формирования гражданской активности в процессе этого вида труда.

2. Гражданская активность как фундаментальная база функционирования гражданского общества является значимой формой активности общества для развития демократического правового государства, поэтому её формирование рассматривается через призму многих институтов общества. Семья является одним из таких институтов.

3. Гражданская активность в семье формируется в процессе реализации двух ее функций - воспитательной и социального контроля. Воспитательная функция семьи обеспечивает формирование гражданской активности путем передачи её от поколения к поколению в виде социального капитала. Функция социального контроля семьи обеспечивает формирование гражданской активности путем принятия компонентов гражданственности как общепринятых норм и ценностей общества. *(Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6))*

Источники и литература

- 1) Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – СПб.: Петрополис, 1998. – 144 с.
- 2) Патрушев, С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) / С.В. Патрушев // Политические исследования. – 2009. – №6. – С.24.
- 3) Халий, И.А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения / И.А. Халий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – №6. – М., 2007. – С.265.
- 4) Ионин, Л.Г. Теоретические вопросы гражданского общества / Л.Г. Ионин // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. – М., 2008. – С.34.
- 5) Фоули, М., Эдвардс, Б. Парадокс гражданского общества [Электронный ресурс] / М. Фоули, Б. Эдвардс. – <http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-25/fouli.htm#1b>.
- 6) Здравомыслова, Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений / Е.А. Здравомыслова // Социологические исследования. – 1990. – №7. – С. 89.
- 7) Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С.10.
- 8) Павлова, Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории / Т.В. Павлова // Политические исследования. – 2008. – №5. – С.109-126.
- 9) Шушпанова, И.С. Гражданское общество в социологическом измерении / И.С. Шушпанова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 59-63.

